ИЗЪ УКРАИНСКОЙ СТАРИНЫ.

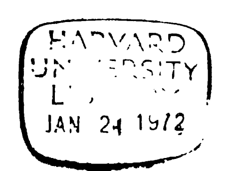
ПРОФЕССОРА

Н. Ѳ. Сумцова.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Клочковская, № 5.
1905.

Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества т. XVI.
Печатать разрѣшается на основанiи § 37 Устава Историко-Филологическаго Общества
Предсѣдатель Проф. *Н. Сумцовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Не будемъ напрасно лишать себя всякой поэзіи. Мы, дѣти суроваго и часто очень прозаическаго времени, мы все же хотимъ оставить за собою право вызывать въ нашей старости вновь тѣ картины, которыя наполняли нашу юношескую фантазію".

Рудольфъ Вирховъ.

Въ 1902 г. къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ мной изданъ былъ небольшой сборникъ статей подъ заглавіемъ «Очерки народнаго быта», заключающій въ себѣ мои наблюденія во время этнографической экскурсіи 1901 г. въ Ахтырскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи. Нынѣ къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ издается настоящій сборникъ «Изъ украинской старины» въ составѣ 12 статей, сгруппированныхъ преимущественно съ цѣлью опредѣленія бытовой старины Малороссіи, по свидѣтельству украинскихъ писателей. Четыре статьи (№№ 1, 2, 11, 12) появляются впервые, а остальныя восемь (№№ 3—10) перепечатаны изъ прежнихъ изданій въ переработкѣ или съ дополненіями. Нѣкоторыя статьи мѣстнаго харьковскаго интереса снабжены рисунками.

1.

Къ исторіи украинской иконописи.

Въ то время, когда сѣвернорусскіе иконописные пріемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,—этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда [1]), южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ «маткѣ своей Малой Россіи» [2]) онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы па духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнкѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія,

---

1) *Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 185.

2) *Сам. Величко*, Лѣтоп. 1, 98, 36.

украсилъ свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышутъ волъ и оселъ. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ Нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успеніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся донынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ сонмѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоитъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, «рисунокъ сильный и правильный; композиціи смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшаго художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ» [1]).

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Алеппскій, бывшій въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большой похвалой отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы [2]).

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ 1649 г., находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти и посуда взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка. [3]). Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Бого-

---

[1]) *Зоря,* 1885, № 21.
[2]) *Сборн.* матер. по ист. топогр. Кіева, 60.
[3]) *Зоря*, 1885, № 21.

матерь, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся казацкая арматура. Отъ казака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла». Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: «Избавлю и покрыю люди моя». По преданію, эта икона изображаетъ кошеваго П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ [1]). Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ — запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы [2]).

Въ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель съ высокой тіарой на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая казацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ [3]). Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала XVIII вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько казаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери, на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ

---

1) *Эварницкій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы.
2) Ib. II, 193, съ рисункомъ,
3) Ibid. I, 87.

малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Своеобразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича [1]).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною 3¾ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкасскаго уѣзда кіевской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошели съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ павояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній выдаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣнивцы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ коляскѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ, исполняетъ роль кучера и четвертый—лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготовляла зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою; колдунья заламывающая жито; воръ, кравшій снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, «та що дѣти тратила»: демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ—«пчолы краде»: изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчелы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободряетъ его. Кумъ и кума пируютъ на телѣжкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровскій, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободнаго отношенія художника къ своей

[1]) *Новое Время*, 1882, № 2445.

задачѣ, стремленія замѣнить условную схему живыми образцами, взятыми съ натуры, и съ этой стороны указанныя картины суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ нѣкоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ» [1]).

По свидѣтельству Ѳ. Г. Лебединцева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ — на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома, или поссесора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью choc do piekla, ale z fajka, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія [2]).

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями стала весьма распространенной среди лубочныхъ изданій. Въ разсказѣ Павла Шулики «Де найшовъ — де загубывъ» отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая лубочная картина въ крестьянской избѣ: «На здоровому лысту намалеваный змій... Повывся той змій высоко, высоко, а по ему йдуть душы праведни до Господа мылосердного на вичну радисть, который у раи трапезуе зъ ангеламы. Унызу жъ превелыкого змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти пылае велыке поломья, а въ тимъ поломьи сыдыть самъ батько всихъ грихивъ сатана, а у его на колинахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Хрыста и прывытае тихъ, що йдутъ у те полумья превелыкымъ ланцугомъ зацеплени душы гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушають архіереи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купци, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелыкою ломакою намыряется буцимъ быты по потылыци, щобъ не зупынялысь» [3]).

---

[1]) *Покровскій*, Труды одес. археол. съѣзда, III, 327.
[2]) *Лебед.*, въ Кіев. Стар. 1883, I, 4.
[3]) *Основа* 1862, IV, 80.

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархіи преосв. Ѳеодосія, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архипастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархіи, видно, что въ с. Водяномъ Зміев. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ Харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселенцами изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранится образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ [1]).

У частныхъ лицъ, полагаю, еще хранится немало старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa XVII столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ со сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы; съ правой стороны—стоитъ ангелъ и съ лѣвой—ангелъ; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ Грайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію. Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «найлучши богомазы, иконописци и усяки маляры». Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣвернорусское вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству [2]). Повидимому, трудъ Игнатьева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣш-

---

[1]) *Багалѣй*, Археол. замѣтки о Харьк. губ. 13.
[2]) *Добротв.*, Куст. пром. Курск. губ.

ное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусные иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Басько.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ Воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Экономич. общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ Воронежск. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Заѣзжіе и туземные иконописные мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ, слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ.

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: «малороссъ.... приверженъ ко всему священному и церковному; въ частности въ церквахъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко писанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится».

Большимъ шагомъ впередъ къ дѣлѣ собиранія и изученія стариннаго церковнаго южнорусскаго искусства былъ XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Отдѣлъ церковныхъ древностей на археологической выставкѣ былъ великъ и разнообразенъ. Онъ составился почти исключительно изъ памятниковъ, поступившихъ изъ церквей Харьковской епархіи. Проф. Е. К. Рѣдинъ, совершившій въ 1900 и 1901 г., по порученію московскаго археологическаго общества, нѣсколько ученыхъ экскурсій по харьковской губерніи, съ цѣлью изученія церковныхъ древностей, собралъ большой матеріалъ, сгруппировалъ его на выставкѣ и далъ ему подробное описаніе въ видѣ каталога въ 174 стр.; здѣсь описано 686 предметовъ—иконы, царскія врата, кресты и статуи, дарохранительницы, вѣнцы, чаши, плащаницы, воздухи, облаченія. Лучшій памятникъ живописи—иконостасъ изъ ц. свв. Бориса и Глѣба с. Водянаго зміевского у.; иконостасъ этотъ перенесенъ сюда въ 1818—1822 годахъ изъ бывшей церкви упраздненнаго около 1784 г. древняго казачьяго Николаевскаго монастыря близъ с. Гомольши зміевского у. Каталогъ снабженъ подробными указателями иконографическимъ и мѣстнымъ. Кромѣ

686 предметовъ на выставкѣ было еще 660 фотографій съ церковныхъ древностей харьковской губ.

Подъ вліяніемъ XII археологическаго съѣзда, его церковно-археологической выставки и связанныхъ съ ней трудовъ проф. Е. К. Рѣдина, усилился интересъ къ южнорусской церковной старинѣ. Какъ видно изъ Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца и Трудовъ подольскаго церков. истор.-археол. общества за послѣдніе годы, въ направленіи работъ проф. Рѣдина, въ полтавской губ. трудился г. Левицкій, въ Кіевской губ. проф. Павлуцкій, г. Доманицкій, въ Подольской губ. свящ. Сѣцинскій. Собирались свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ церквахъ (см. 10 вып. Труд. Под. И. А. Общ. 1904 г.), иконахъ, антиминсахъ и др. церковныхъ древностяхъ.

На основаніи богатаго матеріала, собраннаго пр. Е. К. Рѣдинымъ, и главнымъ образомъ его каталога построено изслѣдованіе г. Нарбекова «Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII в.» (Казань 1903 г.). Рецензія г. Шестакова на это сочиненіе напечатана въ Ж. М. Н. П. 1904 г. № 9.

Проф. Е. К. Рѣдинъ говоритъ въ предисловіи къ каталогу, что поступившіе на выставку церковные предметы далеко еще не представляютъ всего того наиболѣе характернаго и драгоцѣннаго для исторіи религіознаго искусства, что хранится въ многочисленныхъ церквахъ епархіи, и, дѣйствительно, даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ былъ пр. Рѣдинъ, не все было представлено ему на осмотръ. Примѣромъ можетъ служить большая слобода Боромля Ахтырскаго уѣзда. Изъ 4 храмовъ этого села въ одномъ Воздвиженскомъ священникъ (нынѣ покойный) отказался наотрѣзъ открыть церковь для осмотра. Въ другомъ—главномъ храмѣ—имени Рождества Богородицы—наиболѣе старинныя иконы, находившіяся въ кладовой подъ замкомъ, не могли быть осмотрѣны, по случаю временнаго отсутствія церковнаго старосты.

Слобода Боромля возникла въ началѣ XVII ст., и около 1650 г. въ ней уже была церковь во имя Рождества Богородицы. Считалась она главной, соборной, и нынѣ удерживаетъ за собой такое значеніе. Въ 1725 г. въ прошеніи о дозволеніи перестроить храмъ писали: «этому лѣтъ съ 80 и болѣе въ этомъ городѣ Боромлѣ построена оная соборная церковь». Въ 1803 г. начали строить каменный Рождественскій храмъ. Въ 1811 г., когда постройка этого храма еще не была совсѣмъ окончена, деревянный храмъ сгорѣлъ съ его утварью и церковными бумагами. При постройкѣ храма пособіе оказывалъ мѣстный помѣщикъ поручикъ Николай Ивановичъ Карповъ, одинъ изъ потомковъ полтавскаго старосты Степ. Карпова [1]).

[1]) *Архіепископъ Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III, 123.

„Снятіе со Креста“ и „Мадонна“

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 11 стр.

Лѣтомъ 1904 г., по случаю церковнаго ремонта, всѣ старинныя иконы, числомъ около 20, были перенесены изъ кладовой и размѣщены въ притворѣ. Интересны два большихъ холста съ изображеніями религіознаго содержанія: «Мадонна» и «Снятіе со креста». Первая картина, выш. 2 арш. и шир. въ 1 арш. 6 вершк., представляетъ копію «Мадонны» Мурильо. Изображеніе извѣстное, и недостаетъ только Бога Отца оригинала. Копіистъ ограничился изображеніемъ сверху парящаго голубя. Другая картина ($2^1/_4$ и $1^1/_2$ арш.) изображаетъ въ краскахъ снятіе со креста, въ духѣ Рембрандта, но съ другимъ расположеніемъ фигуръ и безъ внесенія національныхъ костюмовъ. Картины пожертвованы, какъ видно изъ надписи на «Мадоннѣ» Платономъ Николаевичемъ Карповымъ въ 1777 г., съ помѣткой, что жертвователь родился въ Боромлѣ. Характерно, что произведенія Мурильо въ слободской Украинѣ въ XVIII ст. пользовались большимъ почетомъ и распространеніемъ.

Изъ другихъ иконъ выдѣляется икона Дубовицкой Божіей Матери, небольшая, на деревѣ, и въ особенности иконописное изображеніе пр. Дѣвы и ея символовъ, упоминаемыхъ въ акаѳистѣ, повидимому конца XVIII или начала XIX ст.

Въ иллюстрированномъ акаѳистѣ Богородицы въ русскомъ подлинникѣ XVII в. и въ приблизительно того же времени аѳонскихъ фрескахъ Ватопеда [1]) иллюстраціи по выбору текста и расположенію рисунка существенно отличаются отъ боромлянской иконы. Въ этихъ болѣе старыхъ образцахъ вокругъ иконописнаго изображенія Богоматери Одигитріи (съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ и безъ наклона головы), по всѣмъ четыремъ краямъ рамки, идутъ маленькія четыреугольныя иконки—иллюстраціи къ акаѳисту Богородицы. Тутъ идутъ рисунки на темы «Слышати пастыріе ангеловъ», «Боготечную звѣзду узрѣйте волсви», «О, всепѣтая Мати» и др. Таковы напр. Б. М. съ Акаѳистомъ въ церкви Евстафія Плакиды на Аѳонѣ. Тутъ находятся по сторонамъ рисунки Благовѣщенія, Встрѣчи Маріи и Елизаветы и др. Въ миніатюрахъ варіанты; напр., на икосъ «Разумъ не разумены» Марія протягиваетъ къ ангелу руки съ выраженіемъ недоумѣнія, «новую показа тварь»—Христосъ на тронѣ передъ іерархами. Аѳонскія сочиненія этого рода, по оцѣнкѣ проф. Кондакова, «отличаются слащавымъ выраженіемъ, дѣтскимъ реализмомъ, убогою картинностью и сложностью».

Боромлянская икона представляетъ композицію совершенно свободную, исключительно предметную, безъ лицъ, лишь съ символами, безъ

---

1) *Кондаковъ*, Памятн. христ. иск. на Аѳонѣ 97—99.

рамочныхъ дѣленій. Икона писана на деревѣ сочными маслянами красками. Величина доски въ ширину 1 арш. 1 верш. и выс. 9 вершковъ. Характеръ рисунка поздній. Въ средней части Богоматерь съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, съ золотой коронкою на головѣ западнаго образца въ синемъ хитонѣ. Бѣлое покрывало спадаетъ съ головы на плечи. Въ правой рукѣ скипетръ. Это образъ Царицы Небесной. Стоитъ она на полумѣсяцѣ. У младенца правая рука протянута и приподнята для благословенія; въ лѣвой держава (шаръ).

Живописныя изображенія безъ внѣшнихъ разграниченій идутъ въ два ряда, сверху и снизу иконы, огибая кругомъ Пр. Дѣву. Всѣ верхнія изображенія идутъ легкимъ оваломъ въ бѣловатыхъ облакахъ.

Налѣво отъ Богородицы скрижаль и на ней процвѣтшій жезлъ Аарона, правѣе одно за другимъ идутъ кадило, круглое зеркало на подножкѣ, сѣдалище въ видѣ глубокаго золотого кресла, обитаго краснымъ сукномъ на двухъ ступеняхъ и на самомъ краю маленькая золотая звѣзда.

Справа отъ Богородицы идутъ подсвѣчникъ (горящая свѣча въ паникадилѣ), золотой сосудъ, зеленый цвѣтокъ съ бѣлыми цвѣтами и красными пестиками, лѣвѣе и выше золотыя царскія врата съ амвономъ и на самомъ краю горящая купина съ равностороннимъ треугольникомъ въ серединѣ—символомъ св. Троицы.

Внизу подъ Богоматерью огороженное рѣшеткой четыреугольное мѣсто съ вратами впереди, съ двумя деревьями внутри двери и двумя деревьями по бокамъ. Отъ этой постройки идутъ бѣлый камень, зеленое дерево и еще лѣвѣе въ углу большой круглый колодезь съ воротомъ. Надъ колодцемъ (подъ звѣздой) большое солнце, восходящее изъ-за горы.

Вправо отъ постройки идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ дерево въ родѣ пальмы, стоящая лѣстница и падающій изъ темной скалы ручей.

Всѣхъ изображеній—19, считая въ томъ числѣ и Богоматерь.

Въ иконѣ ярко проведено начало параллелизма. Предметамъ съ правой стороны соотвѣтствуютъ предметы на лѣвой сторонѣ: сѣдалищу правой стороны царскія врата лѣвой, кадилу—сосудъ, жезлу Аарона свѣча; то же и въ нижнемъ ряду: ручью—колодезь, дерево—дереву и т. д.

Рисунки объясняются икосами акаѳиста и канона пр. Богородицѣ, какъ то, словами:

въ 1 икосѣ Акаѳиста:

Радуйся, яко еси царева сѣдалище,
Радуйся, яко носеши носящи вся.
Радуйся, (звѣзда) являющая солнце.

Въ связи съ этимъ подъ звѣздой помѣщено восходящее солнце.

Акаѳистная икона пр. Богородицы

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 12 стр.

Въ икосѣ 2:

Радуйся, лѣствице небесная, ею же сниде Богъ.

Въ икосѣ 3:

Радуйся, пріятное молитвы кадило.

Радуйся, отрасли неувядаемое розго.

Въ икосѣ 4:

Радуйся, двере словесныхъ овецъ.

Радуйся, райскихъ дверей отверзеніе.

Въ икосѣ 6:

Радуйся, каменю, напоившая жаждущія жизни.

Въ икосѣ 7:

Радуйся, древо свѣтлоплодовитое,

Радуйся, древо благосѣннолиственное.

Въ икосѣ 11:

Радуйся, свѣтило незаходимаго свѣта,

Радуйся, яко многотекущую истощаеши рѣку.

Въ Акаѳистѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости:

VII. Радуйся, чаше, ею же радость и спасеніе воспріемлемъ,

Радуйся, животворной воды неистощимый источнице.

Радуйся, чистоты и цѣломудрія сосуде избранный.

VIII. Радуйся, купино неопалимая.

Радуйся, живоносный источнице,

Радуйся, цвѣте неувядаемый...

XII. Радуйся, двери райскія...

Въ канонѣ, въ 1 пѣснѣ:

Радуйся, благоуханный крыне.

Радуйся, свѣшнице и стамно манно носящая и услаждающая всѣхъ благочестивыхъ чувства.

Данный въ боромлянской иконѣ образецъ иллюстраціи акаѳиста Богородицы представляетъ одну изъ любопытныхъ формъ художественнаго осмысленія пестраго и мѣстами недостаточно вразумительнаго содержанія акаѳистнаго текста. При взглядѣ на икону молящійся могъ припомнить и осмыслить обращенія къ Богородицѣ. Художественная форма закрѣпляла и коментировала литературныя черты памятника.

2.

Бытовая старина въ „Энеидѣ" И. П. Котляревскаго.

Существуетъ мнѣніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго былъ П. А. Кулишъ, что Котляревскій въ перелицеванной «Энеидѣ» смѣялся надъ украинцами. Кулишъ находилъ, что «уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку». Вопреки этому крайне одностороннему мнѣнію Н. И. Костомаровъ съ похвалой отзывается объ «Энеидѣ» и усматриваетъ въ ней «вѣрную картину малорусской жизни». Историкъ украинской литературы проф. Н. И. Петровъ, во многомъ оправдывая Котляревскаго литературными традиціями и условіями семинарскаго образованія, всетаки находитъ, что Котляревскій «пародировалъ малорусскую народную жизнь». Вообще, и въ похвалахъ, и въ порицаніяхъ сквозитъ бытовая точка зрѣнія. Котляревскій отлично зналъ бытъ, нравы и языкъ малороссовъ, и потому у него часто прорываются мѣткія наблюденія. Нужно быть благодарнымъ памяти поэта за эти оброненныя имъ мимоходомъ этнографическія богатства, и нельзя осуждать его за отсутствіе стройныхъ и цѣльныхъ описаній малорусской природы и малорусскаго народнаго быта. Будь въ то время такъ поднятъ интересъ къ народности и къ этнографическимъ изученіямъ, какъ это было уже много лѣтъ позднѣе, въ 40 и 50-е годы, то, можно думать, и Котляревскій пашелъ бы другіе литературные способы для примѣненія своего богатаго природнаго дарованія и своихъ обширныхъ этнографическихъ познаній. Время выхода «Энеиды», т. е. конецъ XVIII ст. было временемъ лишь элементарнаго, зачаточнаго изученія народной жизни.

Среди значительнаго числа отзывовъ объ «Энеидѣ» Котляревскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ, содержательные и хорошо обставленные въ научномъ отношеніи отзывы проф. Н. П. Дашкевича въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г. и П. И. Житецкаго въ «Кіевск. Старинѣ» 1899 и 1900 г. Въ статьѣ «Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды» проф. Дашкевичъ разсматриваетъ произведеніе Котляревскаго на широкомъ

полѣ сравнительно изученія. «Энеида» Виргилія—произведеніе, пользовавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ большимъ литературнымъ авторитетомъ, издавна стала предметомъ пародіи и шутки. Еще въ XVII ст. французскій писатель Скарронъ выпустилъ «La Virgile travesti»—шутливую передѣлку «Энеиды», гдѣ классическіе боги и богини раздѣланы подъ орѣхъ, со многими веселыми картинами, мѣстами съ такой фривольностью, передъ которой Котляревскій оказывается очень скромнымъ. Въ Германіи въ XVIII ст. «Энеиду» пародировали Михаэлисъ и Блумауеръ, въ Россіи незадолго до Котляревскаго—Осиповъ. Котляревскій, какъ человѣкъ образованный, былъ знакомъ съ нѣкоторыми предыдущими передѣлками и, въ частности, кое въ чемъ подражалъ Скаррону. Чѣмъ объясняется выдающееся положеніе «Энеиды» Котляревскаго? Вотъ тутъ то и оказываются цѣнными безпристрастные научные выводы профессора Дашкевича. «Украинская «Энеида», говоритъ проф. Дашкевичъ, представляетъ сочетаніе пародіи и бурлеска съ глубокими мыслями, между прочимъ, съ просвѣщеннымъ вниканіемъ въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государства и съ народничествомъ. Народная стихія преобладаетъ въ этомъ сочетаніи, которое оказывается смѣхотворнымъ лишь при поверхностномъ взглядѣ, а на дѣлѣ озарено свѣтомъ гуманной мысли, какой въ то время было не такъ много въ обществѣ». Въ талантливости шутливаго изображенія, въ безыскуственности комизма Котляревскій не уступаетъ Скаррону и превосходитъ его по тонкости отдѣлки и обилію бытовыхъ подробностей. Проф. Дашкевичъ называетъ поэму Котляревскаго «обширной картиной малорусской общественности въ рамкахъ травестіи и бурлеска». Забавный тонъ въ Энеидѣ преобладаетъ, но не властвуетъ исключительно. Надъ всѣмъ господствуетъ своеобразное общее созерцаніе жизни, своего рода философское міросозерцаніе. Наряду съ веселыми шутками проскальзываютъ печальные мотивы, напримѣръ:

Бида не по деревьямъ ходыть,
И хто-жъ іи не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родыть,
Бида для насъ—судьбы уставъ!

Заслуживаютъ вниманія тѣ мѣста, гдѣ авторъ высказываетъ свои личныя нравственныя воззрѣнія.

Та вже що буде те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть.
Не ангелы, такіе жъ люде,
Колысь намъ треба всимъ пропасть.

Та же философія житейской мудрости слышится въ словахъ:

Колы чого въ рукахъ не маешь,
То не хвалыся, що твое.
Що буде, ты того не знаешь,
Утратышъ, може, и свое.
Не розглядивши, кажутъ, броду.
Не суйсь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмышивъ людей.

Въ томъ же родѣ:

Не иль въ дорогу безъ запасу,
Бо хвистъ отъ голоду надмешъ.

На тему, что пугливая ворона и куста боится:

Зъ людьми на свити такъ бувае,
Колы кого михъ полякае,
То посли торба спать не дасть.

Къ тому же разряду моральныхъ сентенцій можно отнести послѣдніе стихи поэмы:

Живе хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно.
А бильшъ колы и совисть жметъ.

Здѣсь затронуто начало совѣсти, тѣ ея мученія, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Когтистый звѣрь, скребящій сердце...

Котляревскій, однако, болѣе склоняетъ читателя къ радостному настроенію:

Чимъ бильшъ журытыся—все гирше,
Заплутаешься въ лиси бильше,
Покинь лишь горе и заплюй...

Проф. Дашкевичъ находитъ, что «сатиризмъ Котляревскаго исполненъ грандіозной мысли; онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ «Похвалы глупости» Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и, вообще, къ концепціи великихъ сатириковъ».

При такой высокой оцѣнкѣ Котляревскаго, съ точки зрѣнія общаго міросозерцанія и настроенія, заслуживаетъ еще вниманія масса разбросанныхъ въ «Энеидѣ» любопытныхъ замѣчаній по археологіи малорусскаго быта и замѣчаній на живыя темы современныхъ автору общественныхъ отношеній. Такъ, заслуживаетъ вниманія сочувственное отношеніе къ крестьянамъ, безъ вражды къ дворянамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ авторъ.

«Бувають всякіи паны»,

говоритъ Котляревскій, и потому у него есть паны и въ аду, и въ раю. Въ раю

Бувають війскови, значковы,
И сотники, и бунчукови,
Яки правдыву жизнь вели;

но любопытно, что въ адъ паны попали за дурное обращеніе съ крестьянами.

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарили зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставили ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы.

Интересно еще замѣчаніе Котляревскаго, что

Мужича правда есть колюча.
А панська на вси боки гнуча.

Кое-гдѣ проскальзываютъ замѣчанія о чиновникахъ, между прочимъ, о главной язвѣ тогдашняго чиновничьяго быта—взяточничествѣ.

У насъ хоть трохы кто тямущый...
То той хоть зъ батька та здере.

Достается не мало

«чепцямъ, попамъ и крутопопамъ»

за то, что

Мырянъ щобъ зналы научать,
Щобъ не гонялысь за грывнямы,
Щобъ не возылись зъ попадями,
Та зналы церковь щобъ одну,

особенно ксендзамъ, «до бабъ щобъ не йиржалы».

Не лишено интереса описаніе рекрутчины, близкое къ народному пониманію.

Пишлы, розвывшы короговку,
И слезы молодежь лила,
Кто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У инчыхъ мылая була.

Въ другомъ мѣстѣ приводится мысль, что для войны нужны деньги и запасы хлѣба:

Військо треба харчуваты
И воинъ безъ вина хомякъ,

Безъ битои голои копійки,
Безъ сій прелестницы злодійки,
Неможна воювать ніякъ.

Чуткая отзывчивость на современные общественные интересы создала Котляревскому прочное положеніе въ потомствѣ. Насколько это положеніе прочно, можно судить по сравненію Котляревскаго съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ. Котляревскій и Гнѣдичъ вмѣстѣ учились въ полтавской семинаріи, были пріятелями и похоронены рядомъ на городскомъ полтавскомъ кладбищѣ. Гнѣдичъ получилъ широкую извѣстность среди современниковъ переводомъ «Иліады», Котляревскій—пародіей на «Энеиду». Любопытная игра судьбы—осмѣяніе классической старины со стороны Котляревскаго сыграло гораздо большую роль и оставило по себѣ неизмѣримо большія литературныя послѣдствія, чѣмъ прославленіе классической древности со стороны Гнѣдича. Котляревскому воздвигаются памятники; Гнѣдичъ почти забытъ, а, между тѣмъ, и Гнѣдичъ обладалъ талантомъ, быть можетъ, не меньшимъ, чѣмъ талантъ Котляревскаго. Извѣстно, какъ въ 1830 г. Пушкинъ сочувственно встрѣтилъ переводъ «Иліады»:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Обладая тонкимъ поэтическимъ слухомъ, Пушкинъ въ тяжелыхъ гекзаметрахъ Гнѣдича разслышалъ умолкнувшіе звуки божественной эллинской рѣчи; но для широкихъ слоевъ образованнаго общества здѣсь было только тяжелое бряцаніе громкихъ словесъ. Гнѣдичъ и въ оригинальныхъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ пробовалъ выдержать высокопарный стиль, причемъ такъ далеко ушелъ отъ родины, отъ жизни, отъ бытовой дѣйствительности, что читающая публика увидѣла въ немъ незнакомца и совершенно забыла и его, и всѣ его произведенія, переводныя и оригинальныя.

Котляревскій пошелъ навстрѣчу живымъ запросамъ общества; онъ сталъ разрабатывать на малорусскомъ языкѣ такіе мотивы, которые еле были затронуты въ семинарскихъ литературныхъ продуктахъ стараго времени и привлекали къ себѣ вниманіе, вызывали веселый смѣхъ, порождали анекдоты и шутки. Онъ пошелъ навстрѣчу мѣстнымъ сценическимъ потребностямъ и такимъ путемъ не только отвѣтилъ на запросы средняго общества, но и людямъ высокаго общественнаго положенія онъ доставилъ большое удовольствіе; таковъ, былъ, напр., малороссійскій генералъ-губернаторъ князъ Я. Н. Лобановъ—Ростовскій, любившій изящныя искусства и содѣйствовавшій устройству въ Полтавѣ театра лю-

бителей; таковъ былъ, напр., малороссійскій военный губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ, который содѣйствовалъ постановкѣ «Наталки Полтавки» на полтавской сценѣ въ 1819 г.; таковъ былъ, наконецъ, Императоръ Николай Павловичъ, читавшій въ молодости «Энеиду» Котляревскаго. Кулишъ глубоко ошибался, когда въ 60-хъ годахъ писалъ, что «Энеида» Котляревскаго нравилась армейскимъ офицерамъ-товарищамъ поэта да ихъ лакеямъ; будто простолюдины не смѣялись: имъ было не до «Энеиды». Въ дѣйствительности, смѣялись всѣ, до кого только доходила «Энеида»: и князья, и простолюдины,—и въ этомъ смѣхѣ были плодотворные культурные зародыши, зарождались новыя литературныя стремленія, крѣпла наклонность къ литературному воспроизведенію бытовой дѣйствительности, къ проповѣди братскихъ и гуманныхъ сословныхъ отношеній. Для конца восемнадцатаго столѣтія это были зародыши большой важности и большого значенія, особенно въ этнографическихъ предѣлахъ Малороссіи.

Историческое значеніе И. П. Котляревскаго отчетливо выражено въ адресѣ Харьковскаго университета полтавскому городскому управленію 30 августа 1903 г. по случаю открытія памятника славному украинскому поэту. Адресъ слѣдующаго содержанія:

«Императорскій харьковскій университетъ приноситъ полтавскому городскому общественому управленію свои сердечныя поздравленія по случаю симпатичнаго торжества открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому. Не бѣдна та народная почва, на которой могутъ выростать такіе наблюдательные и отзывчивые писатели, какъ И. П. Котляревскій, равно какъ не бѣдна и та общественная среда, которая умѣетъ цѣнить свое историческое прошлое и закрѣпляетъ вещественными памятниками свои лучшія культурныя традиціи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась перелицованная «Энеида», почти столѣтіе протекло, какъ вышли въ свѣтъ «Наталка Полтавка» и «Москаль Чаривникъ», и, однако, произведенія эти живутъ до сихъ поръ, охотно читаются, идутъ на сценѣ и часто переиздаются. Такая прочная устойчивость сочиненій Котляревскаго свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности: она ясно говоритъ о томъ, что писатель вполнѣ удачно отвѣтилъ на литературныя и просвѣтительныя стремленія общества. Главными проводниками въ Харьковѣ вліянія Котляревскаго были Костомаровъ, Срезневскій, Метлинскій, Квитка—почтенные дѣятели, оставившіе по себѣ въ лѣтописяхъ университета и города хорошую память. Независимо отъ тѣсныхъ литературныхъ связей, сближавшихъ нѣкогда Харьковъ съ Полтавой, произведенія Котляревскаго имѣютъ въ настоящее время немаловажное

значеніе для археологіи стариннаго малорусскаго быта по обилію въ свое время живыхъ, а нынѣ уже вымершихъ, характерныхъ бытовыхъ подробностей, напримѣръ, относительно украшенія жилища, пищи, одежды, нравовъ, пѣсенъ. Но не въ однѣхъ заслугахъ для археологіи состоитъ значеніе И. П. Котляревскаго. Императорскій харьковскій университетъ также высоко цѣнитъ въ немъ живого общественнаго дѣятеля, стремившагося къ широкому удовлетворенію мѣстныхъ культурныхъ интересовъ. Благодарное потомство поставило И. П. Котляревскому памятникъ, который служитъ, съ одной стороны, нагляднымъ свидѣтельствомъ заслугъ этого писателя, съ другой—доказательствомъ живыхъ общественныхъ стремленій полтавскаго городского общественнаго управленія и всего мѣстнаго полтавскаго образованнаго общества. Да послужитъ же память о заслугахъ И. П. Котляревскаго, какъ для современнаго общества, такъ и для будущихъ поколѣній, новымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію гуманизма и просвѣщенія!».

Историческое значеніе перелицованной „Энеиды" Котляревскаго обусловлено большимъ ея вліяніемъ на послѣдующее развитіе украинской литературы, ея связью съ предшествовавшими литературными пародіями на Энеиду Виргилія и значительнымъ количествомъ присутствующихъ въ ней историко-бытовыхъ потребностей. У Котляревскаго не мало такого, что уже въ его время было старо и шло къ вымиранію, что вышло затѣмъ изъ житейскаго обихода или сохранялось въ сельской глуши въ значеніи культурнаго пережитка.

При опредѣленіи тѣхъ сторонъ въ Энеидѣ Котляревскаго, которыя нынѣ представляютъ интересъ лишь для археологіи, прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какой степени Котляревскій былъ самостояteленъ въ ихъ изображеніи, нѣтъ ли у него тутъ прямыхъ заимствованій — изъ тѣхъ литературныхъ источниковъ, которымъ онъ въ большей или меньшей мѣрѣ подражалъ. Отвѣтъ на это сомнѣніе былъ уже данъ въ наукѣ, напр., въ статьѣ г. П. Житецкаго во 2 кн. «Кіевск. Стар.» 1900 г. и въ статьѣ г. Н. Минскаго о двухъ перелицованныхъ Энеидахъ; отвѣтъ вышелъ благопріятный для украинскаго писателя. Избравъ пародію Осипова 1791 г. образцомъ для своей работы, Котляревскій, не довольствуясь изложеніемъ внѣ пространства и времени, перенесъ все дѣйствіе поэмы въ современную ему Украину, къ изученію которой приступилъ съ большимъ рвеніемъ. Живя нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, почти въ центрѣ Малороссіи, Котляревскій присматривался къ языку народа, изучалъ его нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія, участвовалъ въ играхъ, записывалъ характерныя народныя слова и пѣсни. Приступивъ сначала повидимому съ

цѣлью лишь посмѣшить читателя, Котляревскій увлекся работой, и, по мѣрѣ того какъ онъ изучалъ народную жизнь, отношеніе его къ народу становилось болѣе серьезнымъ и сознательнымъ, что обнаружилось въ послѣднихъ пѣсняхъ Энеиды и въ драматическихъ произведеніяхъ.

Почти всѣ главные малорусскіе писатели—Котляревскій, Квитка, Шевченко, Манжура, Франко, Гринченко въ то же время этнографы, съ той разницей, что у писателей новаго времени этнографическія собранія и изслѣдованія идутъ большею частью отдѣльно, въ видѣ сборниковъ и журнальныхъ статей, а у писателей раннихъ, въ особенности у Котляревскаго и Шевченка этнографическія изученія введены въ литературныя произведенія и разлиты по нимъ повсемѣстно и въ такомъ обиліи, что поэтъ сливается съ этнографомъ.

По словамъ г. Минскаго, Энеидѣ Котляревскаго особенную прелесть придаютъ живыя наблюденія изъ быта малорусскаго простолюдина, правда и талантливость изображеній. Описывается ли попойка, сраженіе, буря—все блещетъ своеобразными украинскими красками, на всемъ печать живой правды. Для подверждения своихъ словъ. г. Минскій сравниваетъ описаніе обѣда, устроеннаго Дидоной Троянцамъ, въ поэмахъ Блумауера, Осипова и Котляревскаго. Вотъ какъ этотъ обѣдъ описываетъ Блумауеръ: «То былъ обѣдъ! Съ тѣхъ поръ, какъ ѣдятъ, подобнаго не давалъ ни одинъ государственный прелатъ, носящій архіерейскую шапку. Нарочными эстафетами были доставлены изъ Парижа зелень, рагу и соусы, равно какъ и карлики, заключенные въ паштетахъ, изъ Венгріи мясо, изъ Америки птицы, изъ Лапландіи мороженое. Тутъ были морскіе раки, карпы и длинная форель. Вмѣсто жаркого былъ поданъ цѣлый быкъ; спаржа была толщиною въ руку, устрицы громадныя, какъ тарелка». Далѣе описывается пирогъ, представлявшій пожаръ Трои, съ Энеемъ, сдѣланнымъ изъ тѣста на верху, и вина токайское, капское, мальвазія, шампанское и др. Намѣреніе Блумауера ясно—осмѣять прожорство католическаго духовенства. Осиповъ, оставивъ въ сторонѣ духовенство и позаимствовавъ только паштеты и вина, приправилъ свое описаніе кабацкими словечками:

Различны яства тамъ заморски,
По почтѣ все привезено,
Дурного не было ни горсти,
Все на подрядъ припасено.
Пудъ въ десять окорокъ вестфальскій,
Съ большую башню сыръ голандскій,
Жаркого часть былъ цѣлый быкъ,

На пирогѣ же или паштетѣ
Катайся цугомъ хоть въ каретѣ,
И съ свиныо былъ у нихъ куличъ...
Виномъ шампанскимъ хоть облейся...

Котляревскій придалъ колоритъ чисто малорусскій.

Выйшлы въ свитлыцю, та й па пилъ;
Пылы па радощахъ сивуху,
И илы симьяну макуху,
Покы клыкнулы ихъ за стилъ.
Тутъ илы разныя потравы
И все зъ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гарніи приправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ.
Свыпачу голову до хрипу
И локшипу на перемину,
Потимъ зъ пидлевою индыкъ,
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зубци, путрю, квашу
И зъ макомъ медовый шулыкъ,
И кубкамы пылы вышнивку,
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горылку просту и терныввку.

Вообще, у Котляревскаго часто говорится о кушаньяхъ и напиткахъ. Такъ, въ гостяхъ у Ацеста.

И заразъ попросывъ у хату,
Горилкою почастувавъ,
На закуску паклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето,
Троянцамъ всимъ дали тетерю....
И въ кахляхъ понеслы пашкеты
И кисплю имъ до сыты,
Гарячую, мяку бухынку,
Зразову до рижкивъ печинку
Гречаныхъ съ часныкомъ пампухъ

Въ другомъ мѣстѣ:

Поклалы шелевки сосновы,
Кругомъ наставылы мысокъ....
Лемишку и кулишъ глыталы

И брагу кухлыкомъ тяглы
Та и горылочку хлесталы.
Зевесъ кружавъ тоди сывуху
И оселедцемъ заидавъ [1]).

Прямо съ натуры списана картина, какъ во время пира:

Въ прысипкахъ вси папы сидилы,
На двори жъ кругомъ стоявъ народъ
У викна де-яки глядилы,
А иншій бувъ наверхъ воротъ (26)..
Роты свои пороззявлялы
И очи на лобы пьялы (61).

Въ раю:

Тамъ лакоцины разни илы,
Буханчики пшеничпи били,
Кислыцы, ягоды, коржи,
И всяки разни вытребеньки...
Люлькы курылы полягавши,
Або горилочку пылы—
Не тютюнкову и не цинну,
А третёпробну перегинну,
Настоянную на бодянъ.
Пидъ челюстями запикину
И зъ ганусомъ и до колгану,
Въ ній бувъ и перецъ, и шапранъ
И ласощи все тилько илы,
Сластёны, коржики, стовпци,
Вареныкы, пшепычни, били
Пухки съ кавьяромъ буханци,
Чесныкъ, рогизъ, паслинъ, кыслицы,
Козельци, терпъ, глидъ, полуныци,
Крутыи яйця зъ сыривцемъ,
И дуже вкусную яешню,
Якусь нимецьку, не тутешню,
А запывали все пивцемъ (62)

Въ гостяхъ у латинскаго царя:

Вродылось реньске съ курдымопомъ
И пиво чорнее зъ лымономъ. (74)...

---

[1]) Всѣ выписи сдѣланы по изд. редакціи Кіевской Старины.

Пиригъ завдовжки изъ аршинъ (75)...
И илы бублики, кавьяръ,
Бувъ борщъ до шпундрывъ зъ буряками,
А въ юшци потрухъ зъ галушками,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба шарпанына,
Печена съ часныкомъ свынына,
Крохмалъ—якій йидять паны...
Пылы сикизку, деренивку
И крымску вкусную дуливку—
Що то айвовкою зовуть (77)...

Неоднократно упоминаются колбасы, особенно нѣжинскія (80, 116), мандрыки (80), ахтырскій медъ (99), съ стрючкомъ горилка (117).

Въ другомъ мѣстѣ угощеніе состоитъ въ:

Просилне зъ ушкамы, зъ гринкамы,
И юшка зъ хлякамы, зъ кишками,
Телячій лызень тутъ лыжавъ,
Ягны и до софорку куры (94)...

Сохраняя смѣхотворный тонъ при описаніи угощеній, Котляревскій, однако, стоитъ на реальной почвѣ и даетъ рядъ бытовыхъ подробностей.

Многія кушанья, упоминаемыя въ Энеидѣ, и въ настоящее время въ ходу въ Малоросіи, кулишъ, локшина, лемишка, зубци, гречневыя пампушки съ чеснокомъ, вареники, другія стоятъ на пути къ исчезновенію или совсѣмъ вышли изъ употребленія, напр., ганусовыя горѣлки, разные сластены. Очень немногое попало со стороны, было заимствовано, напр., «пашкеты»; но самыя заимствованія не противорѣчатъ бытовой дѣйствительности.

Еще болѣе архаичности въ описаніи одежды. Довольно часто упоминаются разныя части женскаго костюма. Такъ, Юнона

Сховала пидъ кибалку мычку (8).

Венера, отправляясь къ Зевсу,

Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушъ съ усамы люстровый
Пишла къ Зевесу на ралецъ (10).

Дивчата пляшутъ

въ дробушкахъ, въ чобиткахъ, въ свыткахъ (14).

(Сестра Дидоны) Ганна

Въ червоній—юпочци баевій,

Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стёнжкахъ, намисти и ковткахъ (15).

Царица Дидона, отправляясь на пиръ,

Взяла кораблыкъ бархатовый,
Спидныцю и корсетъ шовковый
И поцепыла ланцюнжокъ,
Червони чоботы обула,
Та и запаски не забула,
А въ рукы зъ вибійкы платокъ.

Эней въ аду, идя за Сивиллой, въ страхѣ

Хватавсь за дергу и тулывся,
Мовъ отъ кота въ комори мышъ (48).

Если исключить дергу и свитку, бытующія еще въ селахъ, то все остальное уже вышло изъ употребленія; цвѣтная обувь, кораблики, кунтуши, платки изъ выбойки—все это уже старина. «Очипки грезетовые», «кунтуши съ усами» сохраняются лишь немногими старухами, какъ память о прошломъ.

Сивилла, получивши отъ Энея деньги, спрятала «грошыкы въ калытку, пиднявши пелену и свытку» (68). Такъ и теперь мѣстами женщины хранятъ деньги.

Мужской костюмъ описывается рѣже, чѣмъ женскій.

Дидона подарила Энею:

Штаны и пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайкы,
И шапку, поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ (15).

Укладываясь, послѣ выпивки спать, «Эней въ керею замотався (99).

Убитаго въ сраженіи Палланта «комлыцькой буркою прикрылы (125).

Подданые латинскаго царя «носылы подрани галанци» (70).

Мужской костюмъ, по своей простотѣ, оказался болѣе устойчивымъ; но штаны «галанци» забыты,—галанци отъ названія привознаго голандскаго сукна fein holländisch.

Мелкая, но характерная черта—упоминаніе платка, при описаніи мужскаго и женскаго костюма. Платокъ, хустка игралъ въ старое время у народа такую видную роль, что вошелъ въ повѣрья и обряды.

Палка, занимающая видное мѣсто въ украинскомъ фольклорѣ, для счета, какъ знакъ власти и пр., нашла себѣ мѣсто въ Энеидѣ:

Одынъ зъ троянскои громады,
Насупывшись все мовчавъ,

И дослухавшись до порады,
Цинкомъ все землю колупавъ (33).

Описаніе папскаго кучера машталира:

На ему била була свыта
Изъ шаповальского сукна,
Тясемкою кругомъ обшита....
На бакиръ шапочка стремила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ (35)...

Весьма интересно съ археологической точки зрѣнія перечисленіе лубочныхъ картинъ стараго времени во дворцѣ латинскаго царя:

Отъ прывезлы и мальовапне,
Работы первійшихъ мастривъ,
Царя Гороха панованье,
Патреты всихъ богатыривъ:
Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ изъ війскомъ добру хльору,
Чернецъ Мамая якъ побывъ,
Якъ Муромецъ Илья гуляе,
Якъ бье Варягъ и проганяе,
Якъ Переяславъ боронывъ
Бова съ Полканомъ якъ водывся,
Одынъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловій харцызъ женывся,
Якъ въ Польщи Желизнякъ ходывъ,
Патретъ бувъ француза Картуша,
Противъ його стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди.
Всякихъ всячинъ накупылы,
Вси стины нымы облипылы (74).

Это весьма цѣнныя странички изъ исторіи украинскаго лубочнаго искусства XVIII ст. Здѣсь, очевидно, цѣлый каталогъ картинъ, украшавшихъ стѣны въ старинныхъ украинскихъ помѣщичьихъ домахъ. Къ сожалѣнію, украинское искусство стараго времени мало изучено, и даже капитальный трудъ Ровинскаго о лубочныхъ картинахъ не даетъ возможности описать всю данную Котляревскимъ коллекцію. Такъ, первая картина «царя Гороха панувапье» у Ровинскаго не отмѣчена. «Портреты всихъ богатыривъ» были такъ распространены въ старину, что въ Оста-

шковѣ лубочныя картины получили общее названіе «богатыри»[1]). Какъ значительно было въ Полтавщинѣ распространеніе картинъ на былинные сюжеты, видно узъ упоминаемыхъ Котляревскимъ Ильи Муромца и Соловья. Въ Малороссіи обращались картины, какъ «Муромецъ гуляе», каковыя отмѣчены Ровинскимъ въ значительномъ числѣ, и картины, «якъ Соловій харцызъ женывся»—картина неизвѣстнаго содержанія. Въ былинахъ упоминаются жена и дѣти Соловья, безъ указанія на его женитьбу.

Картина «якъ Александръ цареви Пору дававъ изъ війскомъ добру хлеру» была распространена. Быть можетъ тутъ имѣется въ виду тотъ рисунокъ, гдѣ Александръ обманомъ заставляетъ Пора оглянуться назадъ и въ это время поражаетъ его копьемъ, мотивъ, часто приписываемый въ былинахъ Алешѣ Поповичу.

Бой Ильи съ Варягомъ и защита Переяслава, картинка о Желѣзнякѣ и Гаркушѣ исторически безслѣдно исчезли. У Ровинскаго описаны картины о Бовѣ, Картушѣ и Ванькѣ Каинѣ. Картины боя Бовы съ Полканомъ отличались большимъ распространеніемъ, по распространенности самой сказки, о которой упоминаютъ Кантеміръ, Сумароковъ, которую любилъ Пушкинъ. Картушъ и Ванька Каинъ—знаменитые разбойники, воры и грабители первой половинѣ XVIII ст.—слыли молодцами; разсказы о нихъ отразились въ лубочной литературѣ и въ народныхъ картинахъ.

Въ одномъ мѣстѣ Энеиды находится краткое упоминаніе о понидилкованіи, т. е. соблюденіи поста по понедѣльникамъ, что и нынѣ мѣстами практикуется старыми женщинами, съ личнымъ пріуроченіемъ стараго обычая къ Святому Понидилку. Кое гдѣ разбросаны живыя черты нынѣ почти совсѣмъ прекратившагося чумачества. Такъ, Дидона, спрашиваетъ троянцевъ: «чы рыбу зъ Дону везете?» (13). Въ другомъ мѣстѣ старикъ знахарь

Не разъ ходывъ за силью въ Крымъ,
Тарани торгувавъ возами...
Винъ такъ здавався и никчемный,
Та бувъ разумный якъ пысьменный... (33).

Весьма мѣтко еще замѣчаніе, что море такъ троянцамъ надоѣло,

Якъ чумакамъ дощъ въ осени. (35).

Въ одномъ мѣстѣ находится описаніе стараго обычая водить медвѣдя.

Эней ведмедивъ прывесты звеливъ,
Литва на трубы засурмила,
Ведмедивъ заразъ зупынила,

[1]) *Ровинскій*, Рус. народ. карт. V, 349.

Заставылы ихъ танцювать,
Сердешный звирь перекидався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддырать (20).

Глубоко архаическимъ характеромъ отличается замѣчаніе, что послѣ смерти Палланта:

Жинки покійныка обмылы,
Нове убрання наложилы,
Запхнулы за щоку пьятакъ (129).

Есть двѣ черты стариннаго панскаго быта, нынѣ исчезнувшія, первая о томъ, что въ компатахъ

Курывсь для духу яловецъ (13),

и вторая болѣе характерная, о томъ что прислуга Плутона

Была пидъ двиромъ въ клепало—
Якъ въ панськыхъ водытся дворахъ (61).

Клепало—(позднѣйшій помѣщичій бытъ не даетъ объясненія), должно быть, предупредительный звонокъ.

Хліорки, т. е. проститутки стоять въ аду нагими

Зъ острыженными головами,
Зъ пидризанными пеленами (47),

очевидно, согласно съ народнымъ обычаемъ наказанія за развратъ.

Сельская тревога, бывающая преимущественно во время пожара, вѣрно выражена въ стихѣ: «на гвалтъ у звоны зазвонылы, по улицамъ въ трещетки били» (31).

Въ «Энеидѣ» разбросано много указаній на малорусскія пѣсни, сказки, народные обычаи и повѣрья, игры, танцы, гаданія.

Что касается пѣсенъ, то:

Про Сагайдачного спывалы,
Лыбонь спывалы и про Сичъ,
Якъ въ пыкынеры набиралы,
Якъ мандрувавъ козакъ всю ничъ,
Палтавську славылы шведчыну,
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора проводыла въ походъ
Якъ пидъ Бендерью воювалы.
Безъ галушокъ якъ помыралы
Колысь якъ бувъ голодный годъ (36).

Тутъ, очевидно, имѣется цѣлый рядъ историческихъ пѣсенъ, впослѣдствіи забытыхъ. Въ концѣ XVIII ст. народное пѣснотворчество было еще богато и свѣжо, и самъ Котляревскій почерпалъ въ немъ силу.

Неменѣе интересны намеки на популярныя въ началѣ XIX ст. народныя сказки о кобылячьей головѣ (34), о золотыхъ деревьяхъ (42), коврѣ-самолетѣ, скатерти-самобранкѣ и сапогахъ скороходахъ (75—76). Въ одномъ мѣстѣ (98) упоминается цѣлый рядъ популярныхъ сказочныхъ героевъ:

Катыгорохъ, Иванъ Царевичъ,
Кухарчичъ, Сучичъ и Налетычъ (?),
Услужлывый Кузьма—Демьянъ,
Кощій съ прескверною Ягою,
И дурень съ ступою новою,
И славный рыцарь Марцыпанъ (?).

Что это за рыцарь Марцыпанъ? не подобіе ли пѣсенного олицетворенія хлѣба Журила.

Народные обычаи—приготовленіе рушниковъ къ свадьбѣ (26), пѣніе виршей школярами подъ окнами (26), и нѣкот. др. отмѣчены мимоходомъ.

Также случайны упоминанія о народныхъ повѣрьяхъ, напр., о вырьѣ (Юнона махнула въ вырій навпростець, 128).

Гораздо чаще упоминаются игры, танцы и гаданія. Изъ нихъ упоминаются «въ свинкы» (11), «у панаса», «въ журавля» (15), «въ хрещики», «въ горюдуба», «въ джгута», «въ хлюста,» «въ пары», «въ визка», «въ дамки» (16), «въ носка», «у лавы», «въ памфыля», «въ кепа» «въ симъ листивъ» (38), «у ворона», «въ тисной бабы», «въ джерегели» (65), въ наци (97), «въ китьки крашанками» (70), холяндры (цыганскій танецъ, 26).

Иногда одно мимолетное сравненіе пріоткрываетъ существованіе сказки. Такъ, когда Энтеллъ говоритъ Даресу: Зитру, зомну—морозъ якъ бабу (27), то туть мы, очевидно, имѣемъ указаніе на весьма интересную сказку о бабѣ докіи (т. е. Евдокіи) или на сказаніе о займѣ дней[1]).

Довольно подробно и часто упоминаются вѣдьмы, знахари и упыри. Отъ недуга «отшептываютъ бабы» (35). Знахарь

Всимъ видьмамъ бувъ родычъ кревный,
Умивъ и трясцю отшептаты,
И кровь хрестьянску замовляты,
И добре знавъ гребли гатыть (33).

---

[1]) См. мою ст. въ III кн. Русск. Филол. Вѣстн. 1891 г.

Знахарька Сивилла говоритъ:

Я имъ на звиздахъ ворожу,
Кажу чи трясцю одигнаты,
Отъ заушныцъ чи пошептаты,
Або и волосъ изигнать,
Шепчу, уроки прогоняю,
Переполохи выливаю,
Гадюкъ умію замовлять (40).

Вѣдьмъ и шептухъ мучаютъ въ аду,

На прыпичкахъ, щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не издылы па упыряхъ
И щобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы
Не ворожилы бъ па бобахъ (56).

Мѣстами отмѣчены плясовыя пѣсни и танцы, отмѣчены горлицы, зубъ, сапжаривка, трепакъ, гацакъ, гайдукъ (Эней «садывъ крутенько гайдука»). Изъ этого перечня съ теченіемъ времени кое-что уже забыто и вышло изъ употребленія.

Въ другомъ мѣстѣ (65) стр.) дапо краткое перечисленіе гаданій, въ-родѣ болѣе поздняго предисловія Жуковскаго къ «Свѣтланѣ»: Дѣвушки—

Въ коминъ суженыхъ пыталы,
У хатнихъ вконъ пидслухалы,
Ходили въ нивничъ по пусткамъ,
До свічки ложечки палылы,
Щетыну изъ свиньи смалылы,
Або жмурылись по куткамъ (65).

Картина гаданій яркая; но о нѣкоторыхъ упоминаемыхъ Котляревскимъ фактахъ гаданія нынѣ уже трудно составить представленіе, по отсутствію аналогичныхъ явленій въ современной жизни. Одни и нынѣ еще хранятся—вызываніе въ трубу, выливаніе воска, подслушиваніе у оконъ; другія, повидимому, вышли изъ обихода. Такъ, неясно, въ чемъ состояли гаданія съ паленіемъ щетины и со жмурками.

Яркая картина чародѣйства на водѣ и травахъ обнаруживается въ описаніи того, какъ знахарка

И заразъ въ горщичекъ наклала,
Видёмскихъ разныхъ, всякихъ травъ,
Яки на Констянтина рвала,
И то гниздо, що ремезъ клавъ,

Васильки, папоротъ, шевлію,
Петривъ батигъ и копвалію,
Любыстокъ, просырепь, чебрець,
И все то налыла водою
Погожою, непочатою,
Сказавши скилькось и словецъ (66).

Въ «Энеидѣ», какъ въ пародіи, встрѣчаются бранныя слова, чаще всего излюбленныя малороссами проклятія:

Щобъ доброи не знали доли (20).
Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ (110).
Щобъ вашижъ диты васъ побылы (110).

Какъ бранное выраженіе встрѣчается—«Келебердянська верства». Упоминается въ одномъ мѣстѣ выраженіе. «По сербски величалы виру» (113). Здѣсь имѣется въ виду крайне грубое сербское ругательство, далеко превосходящее всѣ русскія трехъ-этажныя ругательства. Вообще, герои Котляревскаго часто

И ридъ весь свой зъ потрухомъ кленуть (119)...

Въ этомъ пристрастіи малороссы къ проклятіямъ ярко отмѣчена одна изъ его своеобразныхъ національныхъ особенностей.

Описаніе медицины ироническое съ проблесками бытовой дѣйствительности. Хотя врачи и мучаются въ аду наряду съ другими грѣшниками, но на горестной землѣ все таки къ нимъ обращаются, Такъ, когда съ нянькой латинскаго царя сдѣлалось дурно (порвалы маточни припадки, истерика и лихорадка), то

Пидъ нисъ іи клалы ассафету
И теплую на пупъ сервету
И ще клистыръ зъ ромпу далы (81).

Раненнаго Энея лѣчили не только заговорами, но «Гарлемськими» каплями (139), очевидно, бывшими въ ходу во время составленія пародіи.

Въ аду

Ликарь скризь ходывъ зъ ланцетомъ,
Зъ слабытельнымъ и спермацетомъ
И чванывсь, якъ людей морывъ (58).

Вообще, медицина въ Энеидѣ плохо аттестованна. Во время Котляревскаго народъ еще недовѣрчиво относился къ недоступной для него медицинской наукѣ, и лишь впослѣдствіи земская медицина привлекла къ себѣ его расположеніе.

Странное впечатлѣніе производятъ неоднократныя вылазки Котляревскаго противъ науки. Въ аду на самомъ днѣ кипятъ «мудри звиздъ щобъ не знималы»(53). Далѣе въ аду

Мудрецъ же фызыку проводывъ,
И товковавъ якыхсъ монадивъ,
И думавъ, выдкиль взявся свитъ (57).

Видно, что Котляревскій относился враждебно къ духу научной пытливости и не любилъ, какъ онъ выражался, «мудрованья».

Позднѣе въ такомъ же отрицательномъ духѣ высказался и Шевченко. Малорусскіе писатели, дорожившіе свободой слова, упустили изъ виду необходимость свободы въ изложеніи научной истины.

Въ Энеидѣ, не смотря на ея псевдокласическую основу, ярко обнаружились мѣстныя полтавскія симпатіи автора. Котляревскій съ умиленіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ въ старое время.

... Славныи полки казацки,
Лубенскій, Гадяцкій, Полтавскій,
Въ шапкахъ було, якъ макъ, цвѣтутъ,
Якъ грянуть, сотнями ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть (85).

Муза Котляревскаго училась въ полтавской школѣ:

Ты, Музо, кажутъ всѣ, письменна,
Въ полтавскій школи наученна (120).

Нѣсколько разъ упоминается «шведчина», преданія о которой были, повидимому, еще свѣжи въ концѣ XVIII ст., упоминается шведская могила (80, 89, 119).

Кое-гдѣ мелькаютъ ближайшія къ Полтавѣ села, Ивашки, Мыльци, Пушкаривка, Будыще, Горбатовка, гдѣ дивчатъ «хотъ гатъ гаты» (137).

Женщина обрисована въ Энеидѣ большей частью симпатично. Яркія краски разсыпаны при описаніи дѣвичьей красоты (71); много теплаго чувства вложено въ изображеніе матери. Силачъ Эвріалъ, прощаясь съ матерью, прослезился. Онъ проситъ Энея, въ случаѣ смерти, позаботиться о его матери—«не дайте пань-матци вмерты видъ нужды... и заступайте видъ вражды» (105).

Имѣя въ виду, что женщина въ Малороссіи всегда пользовалась большимъ вліяніемъ, нѣкоторое значеніе получаетъ то мѣсто въ Энеидѣ, гдѣ говорится, какъ женщина

Колы чого просыты мае
То добрый отгадае часъ,
И къ чоловику пригныздытся
Прытулытся, прыголубытся,
Цилуе, гладыть, лескотыть,
И вси суставы растурбуе
И мизкомъ такъ заверёдуе,
Що сей для жинкы все творыть (96).

Встрѣчаются, однако, мѣстами фривольныя выраженія, большей частью какъ дань бытовымъ вкусамъ времени (напр. на стр. 47, 95 и въ особенности на стр. 82).

Бытовая старина обнаруживается въ самомъ языкѣ Котляревскаго. Какъ человѣкъ сильнаго дарованія, Котляревскій мимоходомъ давалъ яркія характеристики, смѣлые художественные образы, изъ которыхъ многіе сохраняютъ еще жизненность.

Такъ, встрѣчаются яркіе образы изъ внѣшней природы:

Не хмара сонце заслоныла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галичъ чорне поле вкрыла,
Не витеръ буйный се шумыть—
Се військо йде всима шляхамы... (89), или
Якъ хвыля хвылю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала (91), или
Уже Волосажаръ пиднявся,
Визъ на неби внызъ повертавсь,
И де хто спаты укладався (121)...
Уже свитовая зирныця
Була на неби, якъ пьятакъ,
Або пшенышня варяныця,
И небо рдилося, мовъ макъ (128)...

Частью подъ вліяніемъ семинарскихъ литературныхъ традицій, частью въ сознаніи своей силы въ знаніи малорусскаго языка, Котляревскій допускалъ разные смѣлые лингвистическіе фокусы, какъ мастеръ своего рода жонглировалъ словами, что оправдывается самимъ характеромъ перелицованной Энеиды, какъ литературной пародіи. Такъ, въ началѣ четвертой главы онъ, подражая Осипову, существительныя обращаетъ въ глаголы и, обратно, изъ глагольныхъ формъ и нарѣчій выкраиваетъ существительныя;

Та абыщо ты верзляломъ,
Не казку кормомъ соловьять,

Ось-ну закалыткуй брязкаломъ
По радощи заденежать и пр. 67.

Въ другомъ мѣстѣ Котляревскій пускается въ макаронизмы:

Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный троянорумъ князь,
Шмыглявъ по морю, якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексъ, прыславъ нункъ насъ,
Рогамусъ, домыне Латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне и т. д. (75).

Но играя языкомъ, Котляревскій самъ указываетъ на шутку,

Мене за сю не лайте мову,
Не я іи скомпанувавъ,
Сывылку лайте безтолкову... (68).

«Энеида» насыщена пословицами, поговорками, мѣткими выраженіями, частью взятыми прямо изъ устъ народа, частью въ авторской передѣлкѣ, частью созданныхъ авторомъ въ духѣ народной рѣчи:

....Набрались вси сто—лихъ (9).
Хиба якъ здохне чортъ въ рови (10).
....Въ три—вырви выгналы (12).
Охлялы, пибы въ дощъ щеня (13).
....Голы, якъ пень (16).
Эней пиджавъ хвисть, мовъ собака (18).
Зъ двора въ собачу рысть побигъ (20).
....Якъ муха въ зиму слизъ (24).
....Облызня піймавши (28).
Тоби тамъ буде не до чмыгы,
Якъ пиднесутъ изъ оцтомъ фыгы,
То заразъ вхопытъ тебе лунь (42, 82).
Якъ прыйде узломъ до чогось (68).
Пропалы, якъ Сирко въ базари (69).
На ловця и звиръ наскакавъ (74).
Де йистся смачно, тамъ и пьется (94)
На ласее кутокъ найдется (ів.).
Фортуна не въ его кишени (ів.).
...Охъ, моя ты плитко, (65).
Не втне, бачъ, Панько Орышкы (99).
На злее всякій ма охоту (100).
Росту, якъ при шляху горохъ (104).
....Сентябремъ дывывсь (119).

Вамъ бильше рясту не топтать (125).
И теревени—вени правышъ (127).
Якъ на завійныцю крычалы (129).
...Дадуть намъ кисиля (102).
Твоимы медъ устамы пыты (134).
Ты въ руку не піймавъ сыныцю (144).
Пидпустыть москаля (37).
Ледащо сынъ--то батькивъ грихъ (96).
Якъ кажуть, хоть вынось святыхъ (111).

Встрѣчаются изрѣдка устарѣвшія слова, которыя самъ авторъ считалъ нужнымъ объяснить, напр., карвасаръ (словесный судъ на ярмаркахъ 116) и слова сочиненныя или съ измѣненнымъ значеніемъ, напр., лыгомынци (52) въ значеніи волокиты (вм. значенія сласти отъ legumes—овощи). Выраженіе «вичну память заквилилы» (131) также, повидимому, представляетъ расширеніе понятія «квилить», встрѣчающагося въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи печальнаго птичьяго, преимущественно соколинаго крика.

3.

Просвѣтительная дѣятельность А. А. Палицына.

Основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣтилъ: «Ему (т. е. А. А. Палицыну) обязаны мы большей частью началами европейскаго быта въ Украинѣ». Кто же былъ этотъ просвѣтитель? Это былъ мелкопомѣстный дворянинъ сумского уѣзда Харьковской губ. майоръ Александръ Александровичъ Палицынъ, для своего времени человѣкъ высокаго образованія и большого просвѣтительнаго усердія и доброжелательства.

Послѣ службы въ Петербургѣ, Палицынъ поселился въ сумскомъ уѣздѣ, въ с. Поповкѣ, и вокругъ него сгруппировался кружокъ образованныхъ людей, принявшій шутливое названіе «Поповской Академіи». По предположенію проф. Д. И. Багалѣя, Палицынъ былъ недавнимъ поселенцомъ Слободской Украины, такъ какъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Палицыны не упоминаются. Поповка была населена сумскимъ протопопомъ Ан. Словенскимъ, и въ 1767 г. ею владѣлъ ахтырскій полковый обозный Савиновъ [1]).

Членъ Стат. Комитета протоіерей Ѳ. Лащенковъ представилъ любопытные для исторіи Харьковщины матеріалы, и часть ихъ, именно автобіографія В. И. Ярославскаго, была напечатана въ 1887 году въ «Кіев. Старинѣ» и 1 вып. «Харьковскаго Сборника». Остаются неизданными сочиненія Ярославскаго по исторіи и архитектурѣ и адресованныя къ нему письма А. А. Палицына. Письма эти, положенныя въ основаніе настоящей статьи, представляютъ значительный интересъ для историка русской литературы и нравственнаго состоянія русскаго образованнаго общества начала XIX столѣтія. Изъ писемъ Палицына видно, что въ первые годы XIX вѣка въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи въ селѣ Поповкѣ группировалось около просвѣщенной личности Палицына нѣ-

---

[1]) *Др. Багалѣй.* Опытъ Ист. Харьк. Унив. I. 38.

А. А. Палицынъ.

„Видъ моей пустыни“
домъ А. А. Палицына въ с. Поповкѣ.
Рис. Алферова.

Къ 36 стр.

сколько талантливыхъ писателей и художниковъ и этотъ литературно-художественный кружокъ, съ Палицынымъ во главѣ, именуется въ его письмахъ Поповской Академіей. Правда, самъ Палицынъ называетъ ее неоднократно кукольной, очевидно, ради шутки и краснаго словца. Тѣмъ не менѣе, онъ такъ дорожилъ этой академіей, такъ высоко цѣнилъ ея образовательное, культурное вліяніе въ околоткѣ, что желалъ появленія другихъ подобныхъ центровъ мѣстнаго просвѣщенія.

Ярославскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ довольно подробную характеристику свѣтлой личности Палицына. *Александръ Александровичъ Палицынъ* служилъ въ Петербургѣ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ, и здѣсь, въ Петербургѣ, онъ, должно быть, вошелъ въ дружескія связи со многими писателями. Въ немъ самомъ была наклонность къ литературной дѣятельности, не покидавшая его до послѣднихъ годовъ жизни, даже въ удручающей старости, въ тиши украинскихъ полей. Поселившись въ селѣ Поповкѣ, Палицынъ проводилъ время въ занятіяхъ литературныхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ, при чемъ на семидесятомъ году жизни увлекался красотами мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юноши. Описывая свое пребываніе у Палицына въ 1804 году, Ярославскій говоритъ: «Мы по обыкновенію гуляли по лѣсу; подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ; бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная; грудь крѣпкая, голосъ громкій; краснорѣчіе необыкновенное, большое искусство разнообразить предметы разговора, чтобы не утомлять слушателя». Этими свойствами нужно объяснить то обстоятельство, что Палицынъ, будучи мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ, привлекалъ къ себѣ не только писателей и художниковъ, но и крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ, различной степени образованія и начитанности. «Бывало, говоритъ Ярославскій, если пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокуреніемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ вести съ нимъ ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ». Характеристика Палицына, данная Ярославскимъ, находитъ полное подтвержденіе въ письмахъ самого Палицына. Мы имѣемъ передъ собой 17 писемъ Палицына къ Ярославскому; самое раннее изъ нихъ помѣчено числомъ 12 января 1802 года; послѣднее—24 марта 1811 года. Всѣ письма написаны во время пребыванія Палицына въ Поповкѣ. Село Поповка находится верстахъ въ 20 отъ г. Сумъ, вблизи села Верхней-Сыроватки.

Отъ Палицына село это перешло въ собственность его друга и ученика Николая Алферова.

Уже первое письмо Палицына вводитъ насъ въ кругъ главныхъ его умственныхъ интересовъ и нравственныхъ стремленій. «Что касается до меня, писалъ Палицынъ Ярославскому 12 января 1802 года, то я почти уже не приношу никакой жертвы архитектурѣ. Литература занимаетъ меня всего, и все мое время. Я поправлялъ вдругъ пять частей «Элоизы» для пяти моихъ секретарей, кои ихъ переписываютъ, и первую часть перевожу, чтобы самому переписывать. Никогда еще у меня столько не было письма, и никогда я такъ долго не оставлялъ циркуля и кисти, какъ нынѣ». Секретарями Палицына были его дочь и тѣ молодые люди, которые, по свидѣтельству Ярославскаго, «обязаны ему были своимъ образованіемъ» [1]). Ярославскій говоритъ, что такихъ лично обязанныхъ Палицыну помощниковъ проживало у него въ первые годы XIX столѣтія по два и по три, а изъ письма Палицына отъ 12 января 1802 г. видно, что временемъ ихъ было и болѣе. Въ пространномъ письмѣ отъ 9 іюля 1804 г. Палицынъ снова и подробно говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ: «Объ Элоизѣ» моей я не знаю ничего. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» читалъ только, что напечатано ея два тома, и объявлена цѣна для подписки на нее; изъ чего видно, что хваленый этотъ издатель Сопиковъ [2]) только лишь купчишка, шарлатанъ, которому нечѣмъ издавать, который ищетъ денегъ на что бы печатать подареныя ему авторомъ книги... «Делилевы Сады» я кончилъ. Третья, а особливо четвертая пѣснь сей поэмы у него прекрасны. Но теперь трудно издавать хорошія книги. Читатели наши до нихъ не охотники. Они любятъ какіе нибудь Жанлисовы или Радклифовы сказки, или пустые журналы, а издатели купчишки всегда жадничаютъ денегъ; слѣдственно и печатаютъ только подобные вздоры. Я думалъ найти болѣе толку и вкусу въ Бекетовѣ [3]), почему и послалъ къ нему напечатать для опыта Делилевъ «Диѳирамбъ» на безсмертіе души. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ, онъ расхвалилъ его, взялся тотчасъ напечатать, обѣщалъ прислать на подарки тридцать экземпляровъ, просилъ убѣдительно прислать въ типографію мои переводы, съ увѣреніемъ, что я тѣмъ и его и публику одолжу чувствительно и съ обнадеживаніемъ, что все отъ меня присылаемое будетъ

---

1) *Харьковск. сборн.*, I. 43.

2) Сопиковъ—извѣстный библіографъ.

3) Плат. Петр. Бекетовъ (род. 1761, † 1836) былъ ревностный собиратель русскихъ рукописей и издатель книгъ. Онъ основалъ въ Москвѣ въ 1801 г. типографію, въ которой между прочими книгами напечаталъ сочиненія Радищева и Богдановича. «Диѳирамбъ» не былъ оконченъ печатаніемъ по случаю закрытія типографіи Бекетова въ 1804 г.

напечатано у него со всѣмъ тщаніемъ. Что же потомъ? Въ три мѣсяца онъ не напечаталъ еще этой первой тетради, въ которой нѣтъ и двадцати страницъ въ осьмушку. Чему же тутъ вѣрить?» Въ письмѣ отъ 30 января 1805 г. Палицынъ еще подробнѣе говоритъ о неудачномъ изданіи сдѣланнаго имъ перевода «Новой Элоизы» и даетъ оцѣнку самому этому произведенію: «Всѣ, кромѣ невѣжъ или ледяныхъ сердецъ, согласны, что «Новая Элоиза» столько выше всѣхъ въ своемъ родѣ романовъ, какъ небо отъ земли; почти всѣ ею восхищаются и ее желаютъ». Это восхищеніе Палицына романомъ Руссо «Julie ou la nouvelle Heloise» раздѣлялъ съ нимъ весь тогдашній образованный западно-европейскій міръ, что было вызвано замѣчательными красотами въ описаніи швейцарской природы, Женевскаго озера, простой жизни поселянъ и страстной любви Сенъ-Пре и Юліи.

Неудачное изданіе «Новой Элоизы» Руссо и «Диѳирамба» Делиля побудило Палицына обратиться къ старымъ его друзьямъ, циркулю и кисти. Изъ воспоминаній Ярославскаго, напечатанныхъ въ I вып. «Харьк. Сборника», видно, что въ первые годы XIX столѣтія, по планамъ Палицына, построенъ каменный домъ въ с. Басахъ подъ Сумами, пяти купольная круглая церковь въ с. Штеповкѣ, церковь въ с. Каменкѣ и нѣсколько другихъ сооруженій. Болѣе подробныя извѣстія объ архитектурныхъ работахъ Палицына находятся въ его письмахъ къ Ярославскому. Такъ, въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ Ярославскому, что весной ему надлежитъ сдѣлать архитектурные планы на девятнадцать строеній, по большей части каменныхъ, и кромѣ того, наблюдать за живописцами, пишущими иконостасъ въ одной ближней церкви. Въ августѣ того же 1806 г. Палицынъ жаловался Ярославскому: «Штеповская церковь лучшее здѣсь можетъ быть мое строенье, на которое ты съ такимъ раченьемъ дѣлалъ рисунки, достроена уже и испорчена: внутреннія арки заглушены; въ алтарѣ вмѣсто нашихъ круглыхъ оконъ вверху высѣчены нижнія, ненужныя, обширныя и безобразныя; такъ и крыльца сдѣланы вмѣсто чугунныхъ или плитныхъ деревянныя изъ сыраго лѣса; хорошо еще, что сводъ сомкнуть умѣли; ты помнишь, что онъ 20 аршинъ въ поперечникѣ. Немудреная также для тебя новость, что на дняхъ станутъ святить церковь славгородскую, въ которой изъ 32 кривыхъ столбовъ всякій на свой ладъ искривленъ, гдѣ колокольня вмѣсто круглаго купола покрыта на четыре угла шапкой и гдѣ въ три года четыре щекатурки облупились почти со всѣхъ стѣнъ». Архіеп. Филаретъ о штеповской церкви св. Іоанна Предтечи говоритъ слѣдующее: «Построеніе этой церкви продолжалось 9 лѣтъ, подъ распоряженіемъ архи-

тектора Палицына... Зданіе это стоило 35,000 руб. сер.; по огромности своей это одна изъ первыхъ церквей въ западной части Харьковской епархіи: фасадъ ея представляетъ огромную цилиндрическую фигуру съ величественными съ трехъ сторонъ портиками, украшенными колонадою, надъ коими возвышается обширный куполъ съ четырьмя по угламъ башнями. Будучи устроена на возвышенномъ мѣстѣ, она видна со всѣхъ сторонъ на далекомъ разстояніи. Храмъ этотъ освященъ въ 1811 г.» [1]) Въ томъ же письмѣ Палицынъ замѣчаетъ, что «новая сироватская церковь съ своей колокольней становится видна» (изъ усадьбы Палицына) и строющійся по его плану домъ И. А. Кондратьева также виденъ изъ усадьбы и служитъ ея внѣшнимъ украшеніемъ.

Литературныя и архитектурныя занятія Палицына шли почти рядомъ, одновременно, и его любовь къ нимъ, съ годами, все болѣе и болѣе возрастала. «Всякая страсть ровно и у стариковъ ожесточается съ препятствіями, писалъ Палицынъ въ октябрѣ 1808 г. на седьмомъ десяткѣ жизни; такъ и прежняя страсть моя къ музамъ, безъ силъ, иногда становится мнѣ лишь мукой, и тѣмъ еще болѣе, что другія страсти уже не занимаютъ». Составляя архитектурные проекты для построенія домовъ и церквей Палицынъ въ же время переводилъ сочиненія Делиля, Ламберта и писалъ стихотворенія.

Какъ въ литературномъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ Палицынъ былъ сторонникомъ новаго направленія, сентиментальнаго, съ примѣсью романтизма, направленія, основаннаго на восхищеніи природой и подражаніи ей. Онъ давалъ однимъ зданіямъ симметрическую форму, другимъ несимметрическую, и лично предпочиталъ послѣднюю, какъ болѣе близкую къ внѣшней природѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ устройство своего дома въ Поповкѣ въ письмѣ къ Ярославскому 1808 г.: «Отъ течи домъ долженъ былъ накрыться соломой. Подъ сельскую соломенную кровлю подставлены сохи, и сдѣланы придверія поповскаго зодчества, а стѣны обложены наростами съ деревъ и покрыты разноцвѣтнымъ мохомъ; около оконъ поставлены также самородные притолки въ видѣ арокъ, что все, разрушивъ симметрію, даетъ строенію видъ странный, дикій и живописный».

В. Н. Каразинъ въ статьѣ своей «Взглядъ на Украинскую старину» говоритъ, что «Палицынъ имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему распо-

[1]) *Арх. Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III 601.

ложенію домовъ, украшенію ихъ приличной мебелью, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ» [1]). Письма Палицына показываютъ, что на ряду съ Шидловскимъ и Надаржинскимъ съ Палицынымъ находились въ дружескихъ сношеніяхъ многіе другіе крупные землевладѣльцы того времени, въ особенности Кондратьевы и Комбурлей.

Возникшій въ 1805 г. Харьковскій университетъ въ 1810 году заявилъ о своемъ существованіи весьма характернымъ и свѣтлымъ фактомъ, избравъ Палицына почетнымъ членомъ. Просвѣтительная и культурная дѣятельность скромнаго «поповскаго пустынника», какъ называлъ себя Палицынъ, была такимъ образомъ признана и почтена мѣстнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ,—фактъ почтенный и для университета, съумѣвшаго оцѣнить заслуги Палицына, и для Палицына, удостоеннаго высокой чести почетнаго члена высшаго мѣстнаго ученаго и учебнаго учрежденія, созданнаго соединенными усиліями лучшихъ людей края. 1 марта 1810 года Палицынъ писалъ Ярославскому: «Надняхъ университетъ нашъ извѣщаетъ меня чрезъ ректора, что выбралъ мощи мои въ почетные свои члены, что получилъ на то одобреніе высшаго начальства и скоро доставитъ мнѣ дипломъ на сіе званіе; но, увы! онъ не доставитъ уже мнѣ силъ, чѣмъ бы я могъ оправдать его выборъ. Это самое достопамятное и внезапное происшествіе въ Поповской пустынѣ и въ запискахъ запустѣвшей нынѣ Академіи».

Оказанная университетомъ почесть очень порадовала Палицына, и фактъ этотъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что въ 1810 году Палицынъ уже чувствовалъ старческую слабость и упадокъ силъ. Еще въ 1808 г. онъ жаловался на свою хворость; «горько примѣчать, писалъ онъ, свое уничтоженіе или, такъ сказать, въ бытіи еще чувствовать уже небытіе». «Я сталъ очень хворъ, замѣчаетъ онъ въ 1810 г. Часто въ тѣ дни, когда хочу писать, отказываютъ мнѣ силы. Я отлагаю до лучшихъ дней, и эти лучшіе дни иногда очень долго не приходятъ». Палицынъ оканчивалъ свою трудовую и добрую жизнь съ вѣрой въ свѣтлое будущее. Недовольный современными ему людьми, въ которыхъ онъ усматривалъ слишкомъ много грубаго самолюбія, онъ писалъ Ярославскому въ 1810 году: «Настанетъ когда-нибудь опять умный вѣкъ; онъ перемѣнитъ нелѣпости глупаго; возвратитъ здравый смыслъ, возстановитъ нравы, усилитъ союзы; правда одолѣетъ лжеумствованія и предразсудки, и увѣритъ опять, что лучшее наше самолюбіе (состоитъ) въ любви къ нашимъ ближнимъ»..

---

[1]) Данилевскій, „Укр. Стар.“ 129.

Съ этой вѣрой въ будущее и скончался Палицынъ. Въ 1819 г. Ярославскій писалъ: «Наставникъ мой А. А. Палицынъ давно уже умеръ» [1]).

Палицыну принадлежитъ «Посланіе Привѣтѣ», переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», стихотворные переводы «Садовъ» Делиля и «Временъ года» Сенъ-Ламберта» (1814 г.), «Посланіе» Верпету (въ Харьков. Демократѣ 1816 г.), «Независимость писателя» перев. изъ Мильвуа.

Въ фундаментальной библіотекѣ Харьковскаго университета находится два сочиненія А. А. Палицына: «Посланіе къ Привѣтѣ» и «Игорь, героическая пѣснь» (стихотворный переводъ Слова о Полку Игоревѣ). Оба эти произведенія напечатаны въ Харьковѣ въ 1807 г. въ университетской типографіи.

«*Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени*» представляетъ небольшую книжку, въ 70 стр. въ 16 д. л. Все это произведеніе изложено стихами, довольно, плавными и бойкими, по сравненію съ другими стихотворными произведеніями того времени, и въ особенности при преклонныхъ лѣтахъ автора. Палицынъ задался въ «Посланіи къ Привѣтѣ» похвальной цѣлью прославить русскій языкъ и писателей 18 вѣка. Онъ заранѣе, на 15 страницѣ, увѣдомляетъ читателя, что «порядка нѣтъ въ его стихахъ, ни въ именахъ (писателей)» и что онъ руководствуется не правилами, а своимъ чувствомъ. «Какъ сердце мнѣ о комъ напомнитъ, такъ пишу». Опредѣляя цѣль своего труда, Палицынъ съ одушевленіемъ говоритъ:

Я больше бы не пожелалъ,
Когда бы мое воспоминанье,
Гдѣ нѣтъ ни критикъ, ни похвалъ,
А только чувствій изліянье
Внушило ихъ (?) младымъ сердцамъ,
Узнать свой болѣе языкъ
Изъ чтеній славянскихъ книгъ,
Отвергло странное мечтанье,
Что нѣтъ у русскихъ образцовъ,
Что нѣтъ въ нихъ авторскихъ даровъ,

Что грубъ ихъ умъ и вкусъ въ писаньѣ..... (стр. 57—38) и доказало бы русскому обществу.

Сколь къ просвѣщенію способенъ нашъ народъ,
Сколь въ немъ къ словесности велико дарованье. (стр. 54).

---

[1]) Портретъ А. А. Палицына въ возрастѣ 64 лѣтъ былъ на выставкѣ XII Археол. Съѣзда и изданъ въ «Альбомѣ выставки», 1903 г., л. 39.

Живое чувство патріотизма, выражающееся въ преданности русскому языку и русской литературѣ, пробивается на каждой страницѣ »Посланія». Такъ, на стр. 11:

Несторъ, съ Никономъ, и Игорева пѣснь
Для насъ забавнѣе Гаиры и Альзиры.

На стр. 29 Палицынъ говоритъ, что «друзья отечества»,—Румянцевъ, Панины, Орловы, Чернышевы, Потемкинъ, Репнины, Суворовъ, Воронцовы уважали родной языкъ и «съ отечествомъ пеклись его возвысить».

Въ «Посланіи» разбросаны краткіе и почти всегда похвальные отзывы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Херасковѣ, Державинѣ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Третьяковскомъ, Поповскомъ (профессорѣ и переводчикѣ Попа), Санковскомъ (переводилъ Виргилія), Костровѣ (переводилъ Гомера и Оссіана), Барковѣ (переводилъ Горація и Федра), фонъ Визинѣ, Богдановичѣ, Княжнинѣ, Крашенинниковѣ, Волчковѣ («много книгъ полезныхъ перевелъ»), Кузминѣ, Лукинѣ, Эминѣ («безъ вкуса, но богатъ былъ мыслями»), Кутузовѣ («оживилъ слогъ»), Олсуфьевѣ («вкусомъ былъ наполненъ тонкимъ, нѣжнымъ для прозы и стиховъ»), Тепловѣ («ученость, умъ и вкусъ сливалъ въ письмѣ»), Поповыхъ (переводили Тасса), Свистуновѣ (разборчивъ въ стихахъ и прозѣ), Аблесимовѣ, Козицкомъ (знаніемъ въ словесности блестѣлъ), Храповицкомъ, Ададуровѣ (слогъ ясенъ, чистъ и плавенъ), Нартовѣ (переводилъ Плинія), Глѣбовѣ (переводилъ Плутарха), Румовскомъ, Озерецковскомъ, Чертковѣ, Пастуховѣ, Чулковѣ, Леонтьевѣ, Хемницерѣ, Дмитревскомъ, Елагинѣ, Захаровѣ, Болтинѣ, Хвостовѣ, Рубанѣ, Домашневѣ, Дашковой, Ельчаниновѣ, Майковѣ, Капнистѣ, Львовѣ, Веревкинѣ, Воронцовѣ, Ржевскомъ, Потемкинѣ, Пушкинѣ (Вас. Льв.), Козловскомъ, Каринѣ, Барсовѣ, Екатеринѣ II, Шишковѣ, Станевичѣ, Горчаковѣ, Салтыковѣ, Новиковѣ, Нелединскомъ, Глинкѣ (С. Н.), Карабановѣ, Востоковѣ, Пнинѣ, Бобровѣ, Мерзляковѣ и Дмитріевѣ (Ив. Ив.). Въ концѣ »Посланія» упоминаются имена нѣсколькихъ женщинъ писательницъ и, наконецъ, нѣсколько именъ ученыхъ духовнаго званія. Изъ членовъ Поповской академіи въ этомъ бѣгломъ стихотворномъ обзорѣ русскихъ писателей упоминается только Станевичъ, и то безъ фамиліи, а съ однимъ именемъ Евстафія (стр. 35).

Съ наибольшей любовью Палицынъ отзывается о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Капнистѣ, Дмитріевѣ, Шишковѣ, Мерзляковѣ, Потемкинѣ, Львовѣ, Тепловѣ и Ададуровѣ. Нѣкоторыя его замѣчанія отличаются вѣрностью и мѣткостью. Такъ, онъ отмѣтилъ въ Трецьяковскомъ ученость и трудолюбіе, назвавъ его «примѣръ учености и терпѣнья образецъ», въ Новиковѣ—наклонность къ собиранію древностей и изданію книгъ.

въ Мерзляковѣ—способность къ переводу съ иностранныхъ языковъ на русскій. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ звучатъ критика и порицаніе, но весьма слабо выраженныя, въ родѣ случайныхъ обмолвокъ; таковы отзывы о Хвостовѣ, Глѣбовѣ, Петровѣ, Рубанѣ, Козловскомъ и Востоковѣ.

Упоминая о современныхъ живыхъ писателяхъ, Горчаковѣ, Станевичѣ, Хвостовѣ, Глинкѣ и др., Палицынъ дѣлаетъ оговорку, что его «сѣдые стихи» не могутъ имъ понравиться, и онъ только воздаетъ имъ благодарность за тѣ сладкіе часы, какіе онъ чувствовалъ, читая ихъ творенія.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ автобіографическія черты, разбросанныя въ «Посланіи». Такъ прежде всего, кто такая Привѣта? Съ увѣренностью можно утверждать, что подъ этимъ поэтическимъ именемъ скрывается «чадцо», дочь или воспитанница Палицына, именно въ это время углубившаяся въ чтеніе русскихъ поэтовъ и выступившая съ собственными стихотвореніями [1]). Посланіе начинается словами:

Ты любишь свой языкъ, Привѣта, очень нѣжно,
Читаешь все на немъ прилежно.
Я вижу, какъ съ тобой читаемъ вмѣстѣ мы,
Что русскіе тебѣ пріятнѣе умы...

Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что Привѣта почти дословно изучила сочиненіе Шишкова о слогѣ и съ восторгомъ хвалитъ его за «смѣлость благородную» (стр. 33).

Изъ «Посланія» мы узнаемъ, что А. А. Палицынъ своей родиной считалъ Москву:

Прелестна мнѣ Москва съ окрестностями ея,
Тѣмъ болѣ, что люблю языкъ свой страстно я,
Въ ней нѣкогда мои любезны предки жили
И съ пользой своему отечеству служили. (стр. 25).

Къ женщинамъ авторъ относится съ уваженіемъ:

Прелестный полъ! моей владѣешь ты душою!
Хотя ужъ пламень чувствъ отъ старости угасъ,
Чувствительность души не умираетъ въ насъ... (стр. 51).

Онъ высказываетъ желаніе, чтобы на стражѣ родного языка стали женщины:

Коснитесь нѣжными руками русскихъ книгъ;
Прелестныя уста пусть русскимъ разговоромъ

---

[1]) Трудно сказать, была ли «чадцо» родная или пріемная дочь. Въ подстрочномъ примѣчаніи въ 41 т. «Вѣстн. Европы» 1808 чадцо, какъ авторъ стих. «Озеро», названа сестрой Алферова.

Восхитятъ общество; и нашъ языкъ тотчасъ
Получатъ блескъ отъ вашихъ устъ и глазъ (стр. 40).

Посланіе къ Привѣтѣ» оканчивается прочувствованными строками о мирной пустынѣ, подъ которой несомнѣнно подразумѣвается Поповка:

Пустыня мирная моихъ къ спокойству дней
Убѣжище при старости моей!
Не промѣняю васъ я, храмины убоги,
На пышные сады, огромные чертоги....
Они съ природою меня бы разлучили.
Тамъ птицы бы ко мнѣ на окна не летали,
Иль бѣлки дикія на нихъ бы не играли....
Младыя рощицы съ цвѣтущею травою,
Подчищенныя всѣ моей рукою;
Древа отборныя, гдѣ то-жъ рукой моей
Я имена моихъ вырѣзывалъ друзей,
Иныя посвящалъ великихъ въ честь людей,
Не могши лучшаго имъ сдѣлать приношенья,
И гдѣ я читывалъ ихъ письма и творенья....

Въ одномъ мѣстѣ «Посланія» Палицынъ говоритъ подробно о той порчѣ его перевода Элоизы, которую позволилъ себѣ издатель Сопиковъ, на что, какъ намъ извѣстно, уже жаловался Палицынъ въ письмѣ къ Ярославскому. Оказывается, что издатель.

Бумаги пожалѣвъ нѣсколько листовъ,
Отбросилъ Разговоръ Жанъ-Жаковъ о романахъ,
Онъ посвященіе мое въ ней утаилъ;
Друзей моихъ стихи на переводъ мой скрылъ...
Не бывши грамотенъ гораздо и по-русски
Не только по-французски,
Къ тому жъ и совсѣмъ не съ острой головой,
Онъ вздумалъ переводъ однакожъ править мой,
Языка чистаго гнушаясь простой,
Размазалъ онъ мой слогъ несносной пестротой (стр. 26).

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г. (ч. 35, № 19, стр. 211) помѣщено нѣсколько замѣчаній издателя «Вѣстника» на «Посланіе къ Привѣтѣ» Палицына.

«Игорь, героическая пѣснь, съ древней славенской пѣсни писанной въ XII в. преложилъ стихами Александръ Палицынъ».

Въ началѣ книги находится посвященіе перевода слободско-украинскому губернатору Ив. Ив. Бахтину: «Старъ, боленъ, небогатъ, и не

имѣвъ ничего изъ даровъ счастья, кромѣ остатковъ малаго таланта иль паче страсти моей къ словесности, осмѣливаюсь я препроводить присемъ къ Вашему Превосходительству нѣкоторое слабое въ ней мое произведеніе, посвящая отъ напечатанія онаго прибытокъ въ пользу Земскаго войска». Письмо къ Бахтину помѣчено числомъ 22 февраля 1807 г. За этимъ письмомъ слѣдуетъ стихотворное письмо Хвостова къ переводчику «Слова», въ которомъ Хвостовъ

Поклонъ усердно отправляетъ,
Знакомства близкаго желаетъ
И съ лавромъ поздравляетъ....

Далѣе слѣдуетъ также стихотворный отвѣтъ переводчика Хвостову, начинающійся такимъ образомъ:

Парнасскій именитый житель,
Достойный тамошнихъ вѣнцовъ,
Творецъ безъ зависти, разборчивый цѣнитель
Другъ нѣжный музъ, Хвостовъ!
Твой голосъ сладостный проникъ въ мою обитель
Подъ сельскій ветхій мой и скорбный нынѣ кровъ...

Въ выноскѣ подъ строкой приведено объясненіе послѣдняго стиха, важное въ біографическомъ отношеніи: «Восемь мѣсяцевъ какъ сочинитель лишился жены и въ ней тридцатипятилѣтняго друга». Отвѣтъ помѣченъ числомъ 11 іюля 1807 г. Слѣдовательно Авдотья Александровна вышла замужъ за Палицына въ 1771 г., а скончалась въ ноябрѣ 1806 г.

Переводъ «Слова» снабженъ обзоромъ его содержанія и примѣчаніями, взятыми изъ перваго изданія этого памятника въ 1800 г. Палицынскому стихотворному переводу Слова о Полку Игоревѣ предшествовалъ также стихотворный переводъ Сѣрякова въ 1803 г., неизвѣстный Палицыну, и прозаическое переложеніе «Слова», сдѣланное Шишковымъ въ 1805 г. Послѣднее переложеніе подало Палицыну мысль переложить «Слово» стихами. Начало палицынскаго перевода одобрено Шишковымъ. То обстоятельство, что Палицынъ обратилъ вниманіе на Слово о Полку Игоревѣ, вскорѣ послѣ того, какъ оно было издано, указываетъ уже на его чуткость къ истиннымъ красотамъ поэзіи. Художественные образы памятника переведены довольно близко къ подлиннику. Вообще Палицынъ добросовѣстно отнесся къ принятой задачѣ и, очевидно, все свое вниманіе и силы направлялъ къ удачному ея исполненію. Сдѣланный имъ переводъ «Слова», при тогдашнемъ состояніи русской науки и литературы, при внутреннемъ строѣ тогдашняго литературнаго языка, еще не

освободившагося отъ державинской высокопарности, былъ выдающимся литературнымъ явленіемъ по простотѣ и ясности.

Переводъ очень понравился Хвостову, который выразилъ Палицыну свое удовольствіе въ цѣломъ стихотворномъ посланіи, на которое Палицынъ написалъ въ стихахъ большой отвѣтъ.

Въ изданіи произведеній Палицына дѣятельное участіе принималъ Харьковскій университетъ, въ знакъ уваженія къ нему, какъ почетному члену и въ знакъ благодарности за его усердіе при сборѣ пожертвованій на открытіе университета въ Харьковѣ [1]).

Число членовъ Поповской академіи измѣнялось, въ зависимости отъ пріѣзда въ Поповку просвѣщенныхъ друзей Палицына. Въ хорошіе годы Поповская академія была довольно многочисленна, имѣла болѣе пяти человѣкъ, а въ плохіе годы, послѣдніе годы жизни «поповскаго пустынника», состояла только изъ Палицына, его жены и дочери. Съ послѣднихъ, какъ ближайшихъ и постоянныхъ его сотрудниковъ, мы и начнемъ нашъ обзоръ личнаго состава Поповской академіи.

Авдотья Александровна, жена Палицына, по словамъ Ярославскаго, была «предобрая старушка... и большая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назаровичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ» [2]) Въ письмѣ отъ 22 августа 1806 года Палицынъ увѣдомлялъ Ярославскаго, между прочимъ, о томъ, что «Авдотья Александровна шьетъ съ Юнесова эстампа въ очкахъ картину». Въ литературныхъ и архитектурныхъ работахъ Палицына Авд. Алекс. не участвовала, если не считать возможное содѣйствіе въ смыслѣ переписки, на положеніи, такъ сказать, домашняго секретаря.

Дочь Палицына раздѣляла всѣ его литературные и архитектурные интересы. Она помогала ему въ работахъ и перепискахъ и представляла самостоятельныя произведенія. Палицынъ именуетъ ее только ласкательнымъ словомъ «чадцо», нигдѣ не указывая ея настоящаго имени. Изъ писемъ Палицына къ Ярославскому легко убѣдиться, что дочь его обладала выдающимся образованіемъ и художественными талантами. «Чтобы сказать тебѣ обо всемъ состояніи осиротѣвшей теперь Поповской академіи, писалъ Палицынъ въ 1804 г., то главнымъ въ архитектурѣ теперь остается чадцо, которое и подлинно хорошо чертитъ и рисуетъ. Оно сдѣлало недавно три церкви, съ иконостасами въ прорѣзахъ, которыя и бу-

---

[1]) Пр. *Багалѣй*, Опытъ ист. Харьк. унив. I 770, 60, 38—40, 246, 250.

[2]) Харьк. Сборн.» I, 37.

дутъ строиться, что только и сдѣлано попримѣтнѣе почти во все время, какъ академія тебя лишилась». Въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ: «чадцо мое—послѣдній и единственный членъ и секретарь наукъ и художествъ, сверхъ того что мѣшкотно пишетъ, занято эту весну множествомъ архитектурныхъ рисунковъ». Изъ дальнѣйшихъ писемъ Палицына оказывается, что дочь его срисовывала виды поповской мѣстности. Такъ, лѣтомъ 1808 г. было отдѣлано и вставлено въ рамки два вида, видъ дома и видъ балагана, изъ десяти снятыхъ, при чемъ въ особенности удачны вышли деревья. Въ то же время Палицына попробовала свои силы въ литературѣ и написала нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно, небольшое, «Озеро», было послано въ «Вѣстникъ Европы»[1]). Въ 1810 г. она продолжала свои работы по сниманію сельскихъ видовъ и составленію стиховъ, о которыхъ старикъ Палицынъ отзывается съ похвалой. Въ послѣднемъ сохранившемся письмѣ Палицына къ Ярославскому отъ 24 марта 1811 г. говорится: «Послѣдній членъ академіи секретарь чадцо выходитъ замужъ за Мих. Серг. Байкова. Онъ хотя также занимаетъ и впредь хочетъ занимать здѣсь мѣсто члена; однакожъ я думаю, что эти оба члена употребятъ себя больше на опытную физику и повивальное искусство; другое же все бросятъ и забудутъ».

Главнымъ членомъ Поповской академіи былъ *Николай Ѳедоровичъ Алферовъ*. Въ письмѣ 24 марта 1811 г. Палицынъ называетъ его лучшимъ ея украшеніемъ. Ярославскій называетъ Н. Ѳ. Алферова—«лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына»[2]). Имѣющіяся въ нашемъ расположеніи письма Палицына говорятъ объ отсутствующемъ уже «странствующемъ рыцарѣ» Алферовѣ. Самое же ученіе его подъ руководствомъ Палицына и дѣятельность въ Поповской академіи относятся къ 1800 г. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ находятся четыре акварельныхъ архитектурныхъ пейзажа, нарисованныхъ Алферовымъ въ Поповкѣ; на двухъ обозначено время работы—1800 годъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ, изображающій памятникъ на берегу озера въ лѣсистой мѣстности при лунномъ освѣщеніи, взятъ изъ проекта Палицына и посвященъ ему. Подъ другимъ рисункомъ, представляющимъ домъ между деревьями, Алферовъ подписалъ: «Видъ моей пустыни». Въ этомъ случаѣ ученикъ очевидно слѣдовалъ примѣру своего наставника, также называвшаго свой хуторъ пустыней, а себя Поповскимъ пустынникомъ[3]).

---

[1]) «Озеро» было напечатано въ 41 т. «Вѣстн. Евр.» 1808 г., 201—209.

[2]) «Харьк. Сборн.» I, 45.

[3]) Оба рисунка изданы въ „Альбомѣ выставки XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ“, табл. XXXII, рис. 87—88.

Любовь къ искусству влекла Алферова на югъ, въ благодатныя страны высокаго вдохновенія, въ Грецію и Италію,

Гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой;
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ.

Отецъ Алферова не могъ снабдить его средствами, достаточными для путешествія. «При малыхъ деньгахъ, говоритъ Ярославскій, какія Н. Ѳ. Алферовъ могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіей, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился черезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 г.». Въ числѣ друзей, снабдившихъ Алферова деньгами на дорогу, вѣроятно, былъ и Палицынъ. По крайней мѣрѣ, онъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и принималъ близко къ сердцу его художественные интересы. Сначала Алферовъ жилъ въ Поповкѣ въ 1800 г., годъ или нѣсколько лѣтъ—неизвѣстно; затѣмъ, былъ въ отъѣздѣ—до 1805 г., гдѣ? также невидно изъ писемъ; весной 1804 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «Поповская академія теперь торжествуетъ прибытіе своего почтеннаго сочлена Н. Ѳ. Алферова, который уже былъ многократно въ засѣданіяхъ, показавъ ненарушимыя свои къ ней чувства и предпринялъ многіе труды въ ея пользу». Затѣмъ, Алферовъ уѣзжаетъ за границу, вѣроятно, въ концѣ десятыхъ годовъ. Въ письмѣ къ Ярославскому 1-го марта 1810 г. Палицынъ говорить: «Теперь скажу вамъ о самой отдаленной, но самой близкой къ сердцу моему новости, которую и вы безъ сомнѣнія, раздѣлите. Это увѣдомленіе любезнаго нашего странника. Онъ освободился уже изъ Корфу, своего, такъ сказать, заточенія. Я получихъ отъ него нѣсколько писемъ: изъ Корфу, передъ его отъѣздомъ, потомъ изъ Неаполя и Рима. Послѣднее любопытнѣе прочихъ и показываетъ, что онъ не оставилъ нашихъ съ нимъ о художествахъ, особливо о зодчествѣ, мнѣній. Я намѣренъ послать это прекрасное письмо напечатать въ «Русскій Вѣстникъ», чего издатель очень проситъ. Не знаю только посмѣетъ ли выдать. Тамъ много такихъ смѣлыхъ замѣчаній, хотя и художническихъ, какихъ теперь ни въ чемъ не любятъ. Изъ Рима, гдѣ онъ располагалъ прожить шесть мѣсяцевъ, которые уже прошли намѣренъ онъ возвратиться черезъ Парижъ и Вѣну. И если что-нибудь непредвидимое не остановитъ его, то будущей осенью онъ могъ бы цѣловать отечество». Свою любовь къ Алферову Палицынъ доказалъ наконецъ тѣмъ, что оставилъ ему въ наслѣдство свою деревню Поповку [1]). Любовь къ искусству, воспитанная

[1]) «Харьк. Сбор.» I, 45.

въ Алферовѣ Палицынымъ, перешла потомъ и къ сыну Н. Ѳ. Алферова Аркадію Николаевичу, который составилъ драгоцѣнное собраніе картинъ, акварелей и гравюръ и по завѣщанію при кончинѣ своей въ 1872 г. передалъ всю свою коллекцію въ музей изящныхъ искусствъ харьковскаго унивеситета. Этотъ вещественный памятникъ духовной дѣятельности А. А. Палицына и Н. Ѳ. и А. Н. Алферовыхъ меожтъ составить украшеніе всякаго музея и всякаго университета, такъ какъ выражается въ 50 картинахъ масляными красками, 421 нумерѣ акварелей и рисунковъ XIX и прошлыхъ столѣтій, 64 названіяхъ различныхъ художественныхъ изданій, 100 названіяхъ книгъ, относящихся къ исторіи живописи и гравюры, и, наконецъ, въ собраніи гравюръ и офортовъ, преимущественно рѣдкихъ, старинныхъ, небольшаго числа литографій и проч. числомъ до 3000 нумеровъ. Эта коллекція оцѣнена была въ Боннѣ по наименьшей стоимости въ 14,000 талеровъ [1]).

Василій Ивановичъ Ярославскій былъ послѣ дочери Палицына и Н. Ѳ. Алферова наиболѣе дѣятельнымъ членомъ Поповской академіи. В. И. Ярославскій родился въ Тростянцѣ, ахтырскаго уѣзда, отъ дьячка мѣстной церкви въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Въ 1797 г. онъ окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ казенномъ училищѣ (родъ кадетскаго корпуса) и поступилъ на службу въ харьк. губернское правленіе канцеляристомъ; затѣмъ, считаясь по службѣ при сумской полиціи, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьк. губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора и въ это время близко сошелся съ Палицынымъ, о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ 1806 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а въ 1808 г. въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ званіи совѣтника казенной палаты въ Херсонѣ и Тулѣ, въ 1833 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Сумахъ, вблизи Поповки, о прежнемъ владѣльцѣ которой сохранилъ до смерти лучшія воспоминанія. Первое знакомство Ярославскаго съ Палицынымъ произошло такимъ образомъ: въ 1799 г. Палицынъ узналъ, что Ярославскій пріѣхалъ въ Басы, что онъ племянникъ губернскаго архитектора и охотно занимается архитектурой, и потому просилъ владѣтельницу Басовъ, вдову генерала Штеричева, отпускать къ нему въ Поповку Ярославскаго каждый мѣсяцъ. Въ первый своей пріѣздъ въ Поповку Ярославскій нашелъ хозяина сильно страдающимъ болью головы отъ гемороя. Слыша тяжкіе его стоны, Ярославскій, человѣкъ очень мягкаго сердца, прослезился, и это слезное участіе его въ болѣзни при-

[1]) Чириковъ, «Указатель» II, 244. Біографію А. Н. Алферова и свѣдѣнія о его коллекціяхъ см. у *Е. К. Рѣдина*, Музей Изящныхъ Искусствъ и Древностей Императорскаго Харьковскаго Университета (1805—1905). Харьковъ, 1904, стр. 38--46.

влекло къ нему сразу расположеніе Палицына и его семьи. До 1802 г. Ярославскій посѣщалъ Поповку временно, съ 1802 г. по 1804 г. онъ почти постоянно жилъ въ ней, затѣмъ до 1806 года опять лишь навѣщалъ временно, а съ 1806 по 1811 г. включительно велъ только переписку съ Палицынымъ. Въ качествѣ члена Поповской академіи, Ярославскій въ 1800—1806 годахъ завѣдывалъ строеніемъ нѣсколькихъ зданій, по планамъ Палицына. Кромѣ того, Яровславскій въ это время предался литературной дѣятельности, при чемъ переводилъ съ французскаго повѣсти подъ руководствомъ болѣе его сильнаго въ этомъ языкѣ Станевича. «Васъ нельзя не любитъ тому у кого есть сердце. Это ваше право. Это должная вамъ дань»—писалъ Ярославскому Палицынъ въ 1804 году и, дѣйствительно, какъ изъ автобіографіи его, такъ и изъ писемъ къ нему Палицына легко убѣдиться, что это былъ въ высшей степени добросердечный, мягкій, образованный и трудолюбивый человѣкъ. Палицынъ уважалъ въ Ярославскомъ въ особенности его «прекрасное сердце», «разумъ страстный къ просвѣщенію», «трудолюбіе» и «привычку въ работѣ находить забаву». Изъ писемъ Палицына видно, что Ярославскій давалъ ему на просмотръ свои переводы съ французскаго, чертилъ для него планы, а во время своего пребыванія въ Петербургѣ высылалъ иногда ему новыя книги и заботился о надлежащемъ изданіи его литературныхъ трудовъ.

Религіозно-мистическій писатель и стихотворецъ *Евстафій Ивановичъ Станевичъ* также входилъ въ составъ Поповской академіи. Родомъ изъ Нѣжина, Станевичъ получилъ хорошее образованіе и уже въ молодыхъ лѣтахъ выступилъ на литературное поприще. Въ 1802 г. Станевичъ пріѣхалъ въ Украину изъ Петербурга и жилъ въ Низахъ. По рекомендаціи Палицына, предводитель дворянства Г. Р. Шидловскій пригласилъ его въ учителя къ своему сыну, проживавшему въ это время въ Поповкѣ, согласно съ желаніемъ отца, для нравственнаго усовершенствованія. Станевичъ познакомился въ Поповкѣ съ Ярославскимъ и выписалъ для него сочиненія Томаса. Ярославскій перевелъ нѣсколько французскихъ статей, при чемъ Станевичъ поправлялъ его переводы. Проживая въ Поповкѣ, Станевичъ перевелъ стихами двѣ поэмы «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опыть о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послѣдній переводъ онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, который выдалъ ему въ награду за то 1000 руб., сумму, весьма крупную по тому времени. Станевичъ тяготился должностью учителя. Онъ неоднократно признавался Ярославскому, что хочетъ оставить скучную учительскую должность и что пріятели зовутъ его въ Петербургъ. Вскорѣ, око-

ло 1804 г., онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ покровителя въ лицѣ извѣстнаго писателя Шишкова. Проживая въ Петербургѣ, Станевичъ поддерживалъ переписку съ Палицынымъ. Въ 1808 г. онъ снова навѣстилъ Палицына въ Поповкѣ, но такъ какъ онъ болѣе времени пробылъ у богатыхъ помѣщиковъ Кондратьевыхъ въ Желѣзнякѣ, вблизи Поповки, чѣмъ въ самой Поповкѣ, то Палицынъ сильно обидѣлся на него, что и высказалъ въ письмѣ къ Ярославскому. Дальнѣйшія обстоятельства жизни Станевича, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, не связаны съ Поповской академіей [1]).

Въ число членовъ Поповской Академіи входили *Павелъ* и *Михаилъ Сергѣевичи Байковы*. Въ исторіи литературы имя Павла Байкова извѣстно, какъ переводчика съ французскаго «Повѣсти о двухъ пустынникахъ», изданной въ Петербургѣ въ 1785 г.

Кромѣ того, въ письмахъ Палицына упоминаются еще слѣдующіе члены Поповской академіи, уже какъ отсутствующіе: *Моисей Григорьевичъ Ушинскій*, *Антонъ Ивановичъ Кардашевскій* и какой-то *Димитрій Петровичъ* (фамилія неизвѣстна). Кардашевскаго Палицынъ называетъ «своимъ любезнымъ ученикомъ» [2]), Димитрія Петровича—стариннымъ сочленомъ Академіи, присутствовавшимъ въ Поповкѣ, между прочимъ, въ іюлѣ 1804 г. Объ Ушинскомъ Палицынъ вспоминалъ въ 1806 г. также какъ о старинномъ, отсутствующемъ уже членѣ Академіи, «гдѣ память его навсегда любезна». Этими лицами не ограничивался кругъ знакомыхъ Палицыну мѣстныхъ образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX столѣтія. Въ письмѣ отъ 30 марта 1806 г. къ Ярославскому находится слѣдующее любопытное сѣтованіе Палицына: «Все перемѣняется у людей.... Не отвѣчай даже и за то, чтобы нѣкоторыя перемѣны не случались и надъ тобою. Силенъ вихрь обстоятельствъ, случаевъ, происшествій, обычаевъ, мнѣній, предразсудковъ времени и проч. и проч..... Могъ ли я за нѣсколько лѣтъ думать, чтобы когда нибудь *К. П. Ланова*, *Пав. Серг. или братъ его Левъ Серг. Байковы*, чтобы *Ант. Ив. Кардашевскій*, *Моисей Григ. Ушинскій*, или *Вас. Наз. Каразинъ*, *Евг. Ал. Васильевъ* и проч., и проч., безъ всякихъ причинъ, безъ разрыва, можетъ быть еще и любя меня, до днесь захотѣли остаться со мной въ мертвомъ безмолвіи?...... Однако то, къ сердечному моему прискорбію, случилось».

---

[1]) Подробная статья о. Николая Лащенкова о Станевичѣ напеч. въ 9 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1897 г.

[2]) Ярославскій также называетъ Кардашевскаго ученикомъ Палицына и замѣчаетъ при этомъ, что Кардашевскій служилъ въ Черниговѣ губернскимъ архитекторомъ.

Далѣе Палицынъ имѣлъ литературныя связи съ Сергѣемъ Никол. Глинкой и Вас. Вас. Капнистомъ. С. Н. Глинка имѣлъ случай лично побывать въ Поповкѣ. Въ 1802 г. онъ былъ приглашенъ въ Рясное помѣщикомъ Хрущевымъ для обученія его дѣтей, и, поссорившись съ нимъ, вскорѣ уѣхалъ къ Палицыну. Подробный разсказъ Ярославскаго объ этомъ любопытномъ эпизодѣ напечатанъ въ 1 вып. «Харьк. Сборника», стр. 38. Въ 1807 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «С. Н. Глинку я всегда сердечно любилъ», а немного ранѣе, въ 1804 г., писалъ о Капнистѣ, что какъ его личностью, такъ и его дарованіями «плѣненъ навсегда». Изъ «Воспоминаній», Ярославскаго видно, что Палицынъ посылалъ его къ Капнисту съ рекомендательнымъ письмомъ, что указываетъ на близкое его знакомство съ этимъ крупнымъ писателемъ конца XVIII вѣка.

Бросая общій взглядъ на просвѣтительную дѣятельность А. А. Палицына, мы должны въ заключеніе статьи сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ ея основномъ характерѣ и значеніи въ исторіи развитія въ краѣ культуры. Очевидно, Поповская академія въ свое время была для Харьковскаго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ, и до открытія въ Харьковѣ Университета отчасти исполняла роль высшаго учебнаго заведенія. Душой ея былъ Палицынъ, соединявшій въ себѣ разностороннее и широкое образованіе съ мягкосердечіемъ, добродушіемъ и съ большой способностью сплачивать людей въ интересахъ общественнаго преуспѣянія, умственнаго и нравственнаго. Въ лицѣ Палицына въ харьковскомъ краѣ, въ лучшей, наиболѣе населенной и богатой его части, сумскомъ и ахтыскомъ уѣздахъ, явился разсадникъ западно-европейскаго просвѣщенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы XVIII вѣка. Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи. Ближайшій ихъ преемникъ по общественной и литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитка пошелъ далѣе Палицына и далѣе Каразина, внесши въ сознаніе мѣстной интеллигенціи идею о необходимости просвѣщенія не только дворянскаго сословія, довольно уже сильнаго въ культурномъ отношеніи и выставившаго уже такихъ свѣтлыхъ дѣятелей, какъ Палицынъ, Алферовъ, Каразинъ, Квитка, но всей массы народной, и одновременно внесъ идею о необходимости присмотрѣться къ ней, изучить ея языкъ, бытъ, нравы, обычаи. Палицынъ, Каразинъ и Квитка своей просвѣтительной дѣятельностью опредѣлили основные пути для успѣшной и цѣлесообразной дѣятельности на пользу харьковскаго края.

4.

Г. Ө. Квитка, какъ этнографъ.

Имя Г. Ө. Квитки—Основяненка извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. Ө. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи инищатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постояннаго харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала («Украинскаго Вѣстника»), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія («Листы до любезныхъ земляковъ»). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную библіотеку [1]). Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно приэтомъ замѣтить, что Квитка, человѣкъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и даже съ оттѣнкомъ пренебреженія — на этнографическихъ элементахъ въ сочиненіяхъ Квитки, изъ которыхъ многіе нынѣ имѣютъ лишь археологическое значаніе.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти XIX столѣтія.

---

[1]) *Харьков. Сборн.* 1884 г., стр. 421, 423.

Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко.
(р. въ 1778 въ Основѣ, † 1843).

Будынокъ де живъ Квитка на Основи.

Къ 54 стр.

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостного права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школъ, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей большею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики благотворители, напримѣръ, Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти «*Добрый панъ*», представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинские помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычные въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавшіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ «Преданіяхъ о Гаркушѣ» выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Іудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ «Похожденіяхъ Столбикова» помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію «мужикъ-хамово колѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова». Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ блескѣ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находитъ для нихъ другого названія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Ненасытинъ въ «Дворянскихъ выборахъ» расправляетъ свои мускулы на крестьянскихъ физіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросятъ, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошекъ, цып-

лятъ, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ «Похожденіяхъ Столбикова» опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранную гостинную, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другого имени, какъ щенокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьетъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносятъ взятку, но непремѣнно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находитъ въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамоту считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы разстраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юбка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ «ваше имѣніе», доказывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ «Панѣ Халявскомъ» онъ постоянно сопоставляетъ преж-

нихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слово «теперешній» слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ, если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Паничи Халявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ XIX вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали,— обыкновенно борщъ съ откормленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи «подвечерковали», т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигіенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суевѣріями и предразсудками. Въ «Героѣ очаковскихъ временъ» Ромаша въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурного глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашептыванія и заговоры. Онѣ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали «уроки».

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Ѳеодосію. Когда Петрусѣ Халявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, причемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе

обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ съѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабусю для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподалъ имъ правила, какъ они должны держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою—?—знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить мудрое правосудіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголъ именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный, учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ—!—«удивительный», не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халявскихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: «ну что-жъ»? «Сейчасъ» отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: «вписать ихъ въ синтаксисъ». Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссиме, поднявъ голову, сказалъ: «они могутъ быть въ піитикѣ». Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневкою, терновкою и сливянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: «впрочемъ, вписать ихъ въ риторику».

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы, воспитатели рус-

скаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ «Похожденіяхъ Столбикова», m-me Torchon въ «Украинскихъ дипломатахъ» и m-lle Ламбо въ «Харьковской Ганнусѣ». Филу обманываетъ родителей внѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усвоиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариѳметикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ безполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетушкѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи, носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца XVIII столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ впослѣдствіи одному полковнику: «въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...», полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: «молчать! если ты еще занесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушу»...

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго обрззованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ XVIII столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть XIX столѣтія, воспитаніе и образованіе состояло въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себя въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ «доброе старое время» дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халявская впервые надѣла корсетъ и юбку по истеченіи 14 лѣтъ, Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Сте-

пановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены няньками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. «Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома», заявляетъ Трушко Халявскій; «если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать». Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченный кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, «весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ». Пазинька Шпакъ служитъ представительницей старинныхъ барышенъ, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романъ; она умѣетъ надряпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенія. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая «мужняя» жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. M-me Torchon выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго, общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисьѣ Ивановнѣ Халявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ «Панна Сотниковна», «Божія дѣти» и «Украинскіе дипломаты» просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлалъ попытку представить въ литературѣ «развивателя», въ повѣсти «Ложныя понятія». Сынъ казака Омельянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ

дворянство. Онъ имя Омельянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурного мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣтельной натуры; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки далеко стояло отъ простого народа, по языку, нравамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана подалѣе. Въ «Харьковской Ганнусѣ» добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожкахъ. «Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожкахъ?». Въ трогательной драмѣ «Щира любовь» офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ Галочкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она «неривня». «Не однакови зирочки на небесахъ», поэтически объясняетъ она причину отказа, «не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблуновымъ цвитомъ; не прийме березонька липового листочка, не позбере соловейко иншои пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усему свій законъ, а чоловикови ще найбильшъ того».

Въ то время какъ данная Квиткой обрисовка дворянъ имѣетъ почти исключительно историческое значеніе, иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерцанія квиткинскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій сохраняютъ въ бо́льшей мѣрѣ живое бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то

въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а въ слѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патретъ, Мертвецкій велыкдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти «Щира любовь», несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсями, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксанъ, такъ какъ эти мягкіе и нѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями фабричными и желѣзнодорожными. Въ повѣсти *„Пархимово Сниданье“* есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Насти. Эта Настя все множилась, поглощала Марусь и Оксанъ, и теперь черезъ 60 съ лишнимъ лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгородныхъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова и отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи въ село, женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. «А зубата була! Вже не заидайся зъ нею нихто. Тилько зачепы іи, какъ разомъ якъ залящить, затрещить, загомоныть, перекореныть батька и матиръ и увесъ ридъ, и такихъ прикладокъ поприкладае, що и не додумаешься, видкиля вона усего набрала. И вже іи ни за що не переговорышъ».

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ «первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить

лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова» [1]).

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинные мѣстные кустарные промыслы: коцарскій, шаповальскій, скринницкій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишенное интереса и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. „*Маяка*" 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Конст. Сементовскаго о малороссійскихъ народныхъ праздникахъ съ цѣнными дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малоросійской старины; «многоуважаемый писатель нашъ, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ насъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи». Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малороссійскія повѣсти Квитки.

---

[1]) *Отчетъ* о 29 присужд. наградъ гр. Уварова 97.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ разсказовъ.

Въ статьѣ „*Украинцы*“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ,) гороздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кіев., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитованной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго рукомесла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотниковна“ (на рус. яз.) Квитка рисуетъ такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ па скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполнѣ отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Метлинскаго и Чубинскаго:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ему давъ славну жену въ его дому!
По двору ходыть, якъ мисяцъ сходыть;
По синцяхъ ходыть, зоря сходыть;
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зрослы—у школу пишлы.
А дочки зрослы—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—кныжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Кныжычки на стилъ, батеньку до нигъ
А дочечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб., т. Ш, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похваляется уже и

самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ опереткѣ «*Сватанье на Гончаривци*» дивчина Уляна говоритъ: «Хиба паны брешутъ? Воны сего не вміютъ и надъ дивками не будутъ гнущатись. Воны письменни». Въ повѣсти «*Маруся*» старикъ Наумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился, и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти «*Божи диты*» Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти «*Ярмарка*» по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ пріѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: «А чья эта шерсть»? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: «Овеча». «Дуракъ»! кричитъ барыня. «Я спрашиваю какого пана». Михаила Петровича. «Да какого»? Нашего. «Гей, цобе, сирый, цобе»! и, хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти «*Добре робы*» отмѣчена мимоходомъ такая черта народнаго характера: «Вы паны», говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, «и все хочете попаньски робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лышній жывемо, и лышню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своеи трудовои копійки жалко».

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, наклонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказы-

ваются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотопська видьма). Въ повѣсти «Божи диты» старики крестьяне обнаруживаютъ жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судить о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболѣе своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подкраскѣ и преувеличеніи, и провѣримъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ *„Ложныхъ понятіяхъ“* (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатой, съ кимнатой и черезъ сѣни противной комнатой; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоновыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, лыстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевые очипки, глазетовые кораблики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ «залку». Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ борисовской и суздальской школъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки

любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ «гостиненку», дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ «кухоньку», а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, «упокой», предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже заниматься «мужицкимъ промысломъ», т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ «Ложныхъ понятіяхъ». Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, облекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что «ему такъ не посчастливилось».

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ «Запискахъ» о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы XIX вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялися почти

исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы совершнино счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46),

Нѣтъ надобности доказывать, что среда алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенка предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стовбыря Квитки.

Въ повѣсти «*Малороссійская быль*» Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокомѣріе, презрѣніе къ отцу и всему родному. «Житы по-людськи» стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ своевременныя ему бытовыя явленія. *Т. П. Пассекъ* въ своихъ запискахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузъ —романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ «Віють витры, віють буйны» или «Стоитъ яворъ

надъ водою». Если слышалось «Сонце низенько», значитъ Тузъ настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ «Удовыцю я любывъ».

Вообще дѣйствующая лица квиткинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти «Добре робы». Тихонъ Брусъ—«старъ чоловикъ», уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ «розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нымъ выхвачувався». Отличительная его черта—широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. «Объ анахтемьскому барышеви» онъ не помышляетъ. Брусъ—крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, съѣздилъ въ курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его безплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ, «що коли що надумавъ то, хоть спорь, хоть лайся, а вже винъ одъ свого не отступытця. И вже не буде багато говорыты та намагатысь, а мовчки зробыть якъ хотивъ». Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, «заразъ одъ усякого двора выйшло по женцю и у одинъ день увесь ланъ Тихонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклалы. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жоденъ хозяинъ принисъ або приславъ ему по новому хлибови.— Се було на самого Прокипья. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и повалывъ народъ до Тихона.... Чоловикъ увійде, помолытця, хлибъ святый положе, та Тыхонови и прыпаде до нигъ и скризь слезы говоритъ: «Прыйми, дядьку, хлибецъ святый, що черезъ тебе Богъ пославъ мени съ семьею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастлыву годыну. Тамъ дытына вбижыть, та тежъ хлибецъ несе.... Тамъ увійде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою»... Другой прекрасный «старъ человикъ»— Захарій Скиба (въ повѣсти «Божи диты»). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ

сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученіе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишній грошикъ—купитъ въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать паравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькій.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика, Наумъ Дротъ (въ повѣсти «Маруся»), тараповскій сотникъ Миронъ Петровичъ (въ повѣсти «Панна Сотниковна») и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ «Щира любовь»). Всѣ они отличаются теплымъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣніе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянія. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день приготовляютъ узваръ и кутью? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленіе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновеніемъ при рожденіи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ что нибудь выпить за здоровье новорожденнаго. Таранецъ—человѣкъ мягкій и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насиловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщинъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманія честная и разумная Векла Ведьмедиха (въ повѣсти „Сердешна Оксана“). Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея оказалось въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечтается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни объ чимъ и не думае, а боитця, щобъ дытына не занедужала, и стала іи на пичъ покладаты и кожухомъ укрываты и водою напоnaты». Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый обольститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанской наложницей; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ

Ведмедихѣ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи родного села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашелъ Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой; теперь онъ увидѣлъ передъ собой что-то худое, прехудое, сухое, блѣдное. Петро подошелъ къ ней, разговорился, и, подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду материнскую плахту, свиту и очипокъ, да и пройдемъ по за улицами къ священнику, пусть насъ обвѣнчаетъ. Ведмедиха, увидѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ селѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена"…. „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немного споткнулась. Что ни разсказывай о капитанѣ, а и ты виновна….. „Ну та дарма, усе забуваю и ни объ чимъ згадуваты не буду, мовъ дивкою тебе беру".

Въ повѣсти „Перекотиполе" находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работящаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану нема, чи хто тебе знае!"—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та знай багатіють, а ты ось піякъ не раздобудеся ни на що, щобъ начаты господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато писля батька, те потратыла женючи тебе, думала, описля заробымо, невистка поможе. Невистка жъ ничъ день робыть, а я звалылась соби на лыхо. . . . . туть пійшлы диты; хлопчыкови вже шостый годокъ; попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а исты просятъ, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы". Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду роднаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелецъ, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. И. Костомаровъ въ «Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ», помѣщенномъ въ «Молодикѣ» 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти «Вотъ Любовь» и въ драмѣ «Щира любовь». Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасенія, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женидьбу на мужичкѣ. Чтобы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіе выходитъ замужъ за от-

цовскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не можетъ и потому чахнетъ и умираетъ. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что «Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ довести глубокое чувство, при здравомъ состояніи другихъ способностей». Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты; чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно, это была излюбленная мысль Жуковскаго, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человѣка, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти «Козиръ—дивка». Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бубликами, которые господами «судящими» были охотно приняты. Ничего не помогало. Неутомимая Ивга дошла къ губернатору, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная; ее никто не одуритъ, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся — прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только заслышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставитъ свѣчу. На свадьбѣ своей подруги она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василія и полюбила его. Василь не былъ холоденъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его от-

сутствіи, простудилась и умерла. Содержаніе повѣсти просто, несложно. Однако, повѣсть «Маруся» при своемъ появленіи произвела сильное впечатлѣніе: ею зачитывались, надъ нею плакали. Квитка раскрылъ передъ читателемъ душу чистой дѣвушки, ввелъ его въ таинственный міръ женскаго сердца, бьющаго неистощимымъ родникомъ обильнаго чувства. «Се не Маруся въ насъ передъ очима, говоритъ Кулишъ, се наша юность, се тіи дни святи, приснопамятни, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ сердци.... Красенъ Божій міръ, а ще краща душа чоловича, и тягне вона насъ до себе непобедимою сылою. Велики скарбы своеи благости розсыпавъ Богъ у своему красному мырови, а ще бильшими скарбами збогатывъ чоловичу душу. И не того намъ хочетця жыты, щобъ тилько на Божій миръ дывытись: бильше намъ хочетця душею въ чужи души входыты и благодатни скарбы на скарбы миняты».

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Ганнуся имѣютъ сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безотвѣтной наложницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безотвѣтную рабу; она собралась съ силами и бѣжала отъ негодяя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застѣнчивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Ганнуся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застѣнчива. Она трудолюбивѣе ихъ обѣихъ. «Се сокровище, а не дивка, говоритъ о ней старая Запорожчиха. Послушна, работяща, ни съ кимъ ни залается, ни засварится. А щобы, когда пишла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Тилько и прогулкы, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевъ, на Ивана въ Основу».

Въ основаніи многихъ разсказовъ Квитки лежатъ народныя сказки. Содержаніе разсказа *„Перекотыполе“* просто. Мужикъ Трохимъ шелъ домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелецъ Денисъ Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлью грабежа. Умиравшій Трохимъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему степнымъ вѣтромъ траву перекотиполе. Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохима перекотиполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработалъ народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохыма и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершенія преступленія.

Въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. записана весьма сходная сказка о перекатиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокій яръ и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: «прощай перекотыполе; та гляды, будешь мени свидокъ». Убійца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала [1]).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка «Ковыль-трава» слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковыль-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня»! Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мужъ признался, и потомъ жена за побои выдала его влястямъ [2]).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодого поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: »плодъ этого одинокого дерева заговоритъ и обвинитъ убійцу». На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король. Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ [3]).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійцъ поэта Ивика уличили журавли, вполнѣ соотвѣтствующіе перекатиполю и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подноситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій разсказъ „*Пидбрехачъ*“, напечатанный впервые въ «Молодыкѣ» 1843 г., представляетъ передѣлку, народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что «недобре дило брехаты», фабула разсказа состоитъ въ слѣдующемъ: «Просывъ Пархимъ

[1]) *Рудченко*, Народн. южно-рус. сказки, 1 № 79).
[2]) *Садовниковъ*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380.
[3]) *Владиміровъ*, Защитительныя рѣчи, 450.

Остапа, щобъ пійшовъ за нёго старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный хочъ куды. Остапъ-ничого робыты, каже: «Добре пійду, абы-бъ товариша зиськаты.

Зострився зъ Самійломъ.

«Здилай мылость, Петровичу Самійло», каже Остапъ: «йды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

—Та чы зъумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дили!

«Та воно нетрудно», каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватаютъ; а безъ брехни вже не можно! Я збрешу на палець, а ты пидбрехуй на цилый локоть; то й закинчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть, якъ знають»!

— Добре, Остапе, зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою». Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святый пидъ плече, палычки у руки, пишлы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяину поклоныдыся и почалы казаты законныи речи про порошу, про князя, про купыцю, и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хврипы усе слухаютъ; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

«Та у нёго чымало е чого», каже першый староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачъ. У нёго усёго е багацько.

«Е й волыки».

— Та яки волыки? такы настоящи волы.

«Е й овечата», почына першый староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

«Е й хатына».

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

«И у господарстви недуже дае кому воли».

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкаютъ, що таке добро достанетця ихъ дочци; та й почалы пытаты, хто ыменно парубокъ.

«Отъ колы знаете, Пархимъ», сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

«Э! се-бъ-то той крывый на ногу?» спытала маты Хврина.

«Та винъ такъ трошкы хрома, па одну ногу»—сказавъ першый староста.

— Де то хрома? и не на одну, а винъ и обома нездужа ходыть! пидправывъ пидбрехачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

«Такъ, выпье по-трошку, колы-та-колы», каже Остапъ.

— Де-то-вже колы-та-колы? такы по-всякъ день; и такы не по-трошку, а пъе, поки звалытця.

«Та троха чы не косый?» пыта батько Хвиринъ.

— Та такъ, косенькій на одно око, каже староста.

«Де-то-вже на одно? и не косенькый овси; винъ и обома ничого не бачытъ!»

«Та, кажуть, щось-тамъ нашкодывъ, чы не буде ёму биды?» допытуетця батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы, сказавъ староста.

«Якъ-то можно трошкы? Его таки гарно катъ кнутомъ попобъе, та й на Сыбирь зошлють», закинчавъ пидбрехачъ...

Писля такои розмовкы, що батькови и матери Хиврыпымъ робыты? Выпроводылы нечестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бешкетъ, що за такого женыха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й повикъ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идуть вмѣстѣ брехачъ и подбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ. что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у подбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Подбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ ней заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а подбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ пни той гречки [1]).

Въ бѣлорусской сказкѣ «Лгала и Палагала» выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и подбрехачъ. Здѣсь опи лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжецъ, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку—ковригой хлѣба, подбрехачъ—двумя волками, двумя ковригами. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а подбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за кочанъ капусты, и желѣзпая ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огород-

[1]) *Kolberg*, Pokucie, IV № 52.

никамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солнца невидно, а подбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжецъ сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ попомаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяцъ въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глупые плотники повѣрили [1]). Послѣдній мотивъ взятъ уже изъ другихъ сказокъ—о глупыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.) [2]).

Содержаніе разсказа «*Мертвецькій Велыкдень*» состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторые подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*» былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: «На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ «запусты», послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или въ рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ; какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатеринин-

[1]) *Добровольскій*, Смолен. сб. 665—669.

[2]) См. мое изслѣдованіе «Анекдоты о глупцахъ».

скій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница».

Разсказъ «*Конотопська видьма*» построенъ всецѣло на преданіяхъ историко-бытоваго характера. «Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь, щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылы описля якои капости»?—спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. «Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: «Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькихъ, а у гори позвъязано верёвками, та впьять, якось то хытро та мудро переплутано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а воны не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ, не сети и не вьятери, а те жъ верёвкы.... Калавурны стереглы ныжку видёмъ и прыдывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру».... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ, передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ верёвкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду [1]).

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго небыло дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой [2]). Припомнимъ здѣсь, что и въ «Конотопской вѣдьмѣ» Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, «хлопци отчесалы терновыми». Въ Угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ воду, чтобы обнаружить колдуню, по милости которой продолжается бѣдствіе [3]).

---

[1]) *Квитка*, Малор. пов. I, 197—214.
[2]) *Чуб.* I, 26.
[3]) *Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣсн. 25.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топленіе вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали накрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинной [1]). Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г. [2]) Въ *„Культурныхъ переживаніяхъ“* подъ № 4 мы подробно останавливались на топленіи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій «Божій судъ водой»—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топленія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы *„На пущаньня якъ завъязано“* и *„Пархимове сниданьня“* написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ *„Знахарь“* (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти «Маруся» отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—«побигла до знахарки, щобъ вмыла, або злызала; бо се іи мабуть зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть». Отецъ же Маруси Наумъ «заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды трошки напытысь, а самъ пидкурювавъ іи херувимськимъ великоднымъ ладаномъ»...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуалъ, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсортировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, гильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы начала XIX вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка

[1]) *Антоновичъ*, въ «Трудахъ» Чубинскаго I 347.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. III 511.

„Украинцы“, можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ *„Пидбрехачъ“* (по изд. 1887 г. II 193) и *„Маруся“* (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ *„Козырь—дивка“* (II, 87—91) и въ *„Сватаньѣ на Гончаривци“*.

Описаніе вечерницъ находится въ повѣсти *„Маруся“* (I 34) и въ *„Панѣ Халявскомъ“*.

Похороны дѣвушки изображены въ *„Марусѣ“* (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ разсказъ *„Панна Сотниковна“*.

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ *„Маруся“* (I 77, 80) и *„Отъ тоби и скарбъ“* (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ *„Божія дѣти“* и *„Панна Сотниковна“*.

О ярмаркѣ въ *„Солдатскомъ патретѣ“*, *„Пархимовомъ сниданьѣ“* и отчасти въ *„Ярмаркѣ“* (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малоруссовъ (въ «Украинцы» и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдовствѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ- трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, «не одна обѣщалася дванадцять пьятинокъ говиты, не исты и не пыты ничого; не—одна тыхенько видъ матери по пьятинкамъ пряла на свичечку»... («Божи диты» II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 городовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ го-

дамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ— сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стовбыри, Харьки, Насти стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; напримѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повторяется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

5.

Главные мотивы поэзіи Т. Г. Шевченка.

Предисловіе—значеніе и условіе изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Постороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Пѣсня. Нива. Кобзарь. Пророкъ. Апостолъ правды. Народность. Заимствованія и подражанія. Народныя пѣсни, повѣрья, обычаи, обряды, сравненія. Народность въ міросозерцаніи и описаніяхъ быта. Внѣшняя природа: солнце, мѣсяцъ, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпръ. Украина, флора и фауна. Историческіе мотивы: гетманщина, казачество, панщина, чумачество, солдатчина, чужина. Религіозно-нравственные мотивы. Религіозное чувство. Молитва. Кіевскія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы этнографическіе, автобіографическіе и литературно-бытовые. Славянофильство. Мотивы семейно-родственные. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байструки. Мать, сынъ и дочь. Покрытка. Наймичка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ Чалаго и Конисскаго. Сравнительно меньше сдѣлано для изученія его поэзіи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ— Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ III ч. «Записокъ Товариства Шевченка» (стр. 36—152) о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзіи Шевченка представляетъ фантасмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ—звучное, красивое, но и только.

Научное изученіе поэзіи Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по внѣшнему объему Кобзарь не великъ; но по внутреннему содержанію—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развитіи, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести стараго времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспоминанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—

вліяніе Мицкевича, Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились кіевскія святыни, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшійся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ міромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачъ Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Бояна рокотали славу древне-русскимъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзіи Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне трудно, почти невозможно опредѣлить, гдѣ кончается молорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературныя вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товариства Шевченка) отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинскаго въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе «Братьевъ разбойниковъ» на Варнака (282, 283), вліяніе «Египетскихъ ночей» (362) и «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова. Есть еще одно препятствіе для научнаго анализа Шевченка—художественная цѣльность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкія поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльныхъ мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубоко жизненныхъ явленій, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которыя ранѣе не были

замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусскаго народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явленіями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественнаго творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи состоитъ въ томъ, чтобы дать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще предварительно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ опредѣленію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непочатое поле), т. е. строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п. 3) нужно привлечь прозаическія статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соотвѣтствующія литературныя параллели въ поэзіи малорусской, великорусской и польской, съ одной стороны въ цѣляхъ опредѣленія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой—для уясненія общихъ пріемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ сопоставленія мотивовъ нужно опредѣлить главные запасы житейскихъ наблюденій, накопленныхъ Шевченкомъ, и его личныя точки зрѣнія. Послѣдняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разносторонняго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему сродству и отчасти комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, развернуть данныя въ скобкахъ цифровыя ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта *о значеніи и цѣляхъ художественнаго творчества* вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ относящихся сюда мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говоритъ о своемъ словѣ или о своей музѣ—всѣмъ извѣстныя «Орыся, моя ниво», или «Не нарикаю я на Бога», «За думою дума» и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462а 479, 406, 407, 442, 426, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово муза*,

пѣсня, *нива*) еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значеніе поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастьѣ, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится *о кобзарѣ*, *о пророкѣ* и о *думкахъ*, какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарскаго. О кобзарѣ Шевченко говоритъ очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12—13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. объ апостолѣ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. «Неначе праведныхъ дитей», замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муза, (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности разсматривать эти мотивы и въ другомъ порядкѣ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности внѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наслѣдственной. Опредѣленіе внѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямые источники въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Опредѣленіе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологическіе такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякій, даже посторонній заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую національную окраску.

Къ внѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія *народныя пѣсни*, приводимыя мѣстами цѣликомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемыя. Такъ, въ «Перебендѣ» Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и

пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополю у края дороги, про руйнованье Сичи, «веснянки», «у гаю»— любопытный репертуаръ пѣсенъ, должно быть, особенно любимыхъ поэтомъ и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня «Пугачъ» упоминается, какъ чумацкая, въ «Катерынѣ»; «Петрусь» и «Грыцъ» въ «Черныцѣ Марьянѣ»; «Ой не шумы, луже» упоминается дважды,—въ «Перебендѣ» и «До Основьяненка». Въ «Гайдамакахъ» и въ «Невольныкѣ» находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчается нѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрезныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ «Гайдамакы» (стр. 120, 125). По всему «Кобзарю» разсѣяны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсенъ (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) *Легенды, преданія, сказки и пословицы* сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. «У Бога за дверьми лежала сокыра». Изъ преданій взятъ разсказъ о томъ, что «ксендзы нѣкогда не ходили, а ѣздили на людяхъ» (302). Пословица «скачы враже, якъ панъ каже» (7) въ «Перебендѣ». Нѣсколько поговорокъ рядомъ въ «Катерынѣ» (на 45 стр.). Много народныхъ пословицъ и поговорокъ разбросано въ «Гайдамакахъ».

3) Въ большомъ количествѣ встрѣчаются народныя *повѣрья и обычаи*. Таковы, повѣрья о сонъ-травѣ (229), о томъ, что на мѣсяцѣ «братъ брата на вильцяхъ держе» (513), что «веселка воду позычае» (248). Таковы многіе свадебные обычаи—обмѣнъ хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровая и др. (150—152, 233, 335), обычныя формы ласки (мытье головы стр. 188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (132), повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о прыстритѣ (179, 59).

4) Многіе художественные *образы* взяты изъ народной поэзіи, напр., образъ смерти съ косой въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встрѣчаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступаетъ очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста «Кобзаря», гдѣ говорится о долѣ—и такихъ мѣстъ очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 119,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ «Невольныкѣ» (174—175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народно-поэтическихъ *сравненій* и *символовъ*, напр. склоненіе явора—горе парубка (181), весилье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символъ отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встрѣчается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестные часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадять,
А вона мене порадыть
И порадыть, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зрѣніями на внѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣляется элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, нѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—внѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія. *Внѣшняя природа* обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмары, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мѣсяцъ* круглый, блѣднолицый, гуляя по небу, смотритъ на «море безкрае» (65) или «выступае съ сестрою зорею». Всѣ эти образы дышатъ художественно-миѳическимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ. *Тучи*, хмары упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчь съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завирюха обрисована въ «Катеринѣ» (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Конисскаго «Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка» въ 30 № «По морю и сушѣ» 1895 г., гдѣ собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутными болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взялы
Зъ моеи темнои коморы
И въ море нышкомъ однеслы,
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лита, мое добро,
Мою нудьгу, мои печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представленіе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато—серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днѣпръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческія воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ «Кобзарѣ» Днѣпръ—символъ и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ Vater Rhein въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. «Немае другого Днипра», говоритъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеалъ счастливой народной жизни, тихой и въ довольствѣ:

Мижъ горамы старый Днипро,
Неначе въ молоци дытына,
Красуетця, любуетця
На всю Украину,
А по надъ нымъ зеленіють,
Широкія села,
А у селахъ у веселыхъ
И люды весели...

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаетъ о козацкомъ горѣ (20); онъ реветъ, стонетъ, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ-за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ «старый» (354), потому что Днѣпръ «сывый козакъ» (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похороненъ (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 201, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка—*Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ пріуроченіе Украины представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273, и др.). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гаи, садочки, широкія степи (209, 246, 249 и др.[1]).

Для кого я пышу, для чого,
За що я Вкраину люблю,
Чи вартъ вона огня святого?
А все таки іи люблю
Мою Украину шыроку... (292—293).

Изъ этой коренноіі психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственныя описанія малорусской *флоры* и *фауны*—тополи (13 и др.), перекатиполя (219), лилеи (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229, и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др.), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. «На вичну память Котляревському» построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣсняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Интересно сравнить «Лилею» Шевченка (227—229) съ «Лилеей» Манжуры. Можно подумать, что первыя строки стихотворенія Шевченка повліяли на Манжуру; но, несомнѣнно, что сти-

[1]) См. еще *Партицкаго* «Провидни идеи въ письмахъ Т. Шевченка».

хотвореніе Манжуры обработано вполнѣ оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соотвѣтствующаго стихотворенія Шевченка.

Историческіе мотивы весьма разнообразны—плачъ Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печальнаго запустѣнія (239, 354), историческіе шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы казацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе уніатами (10, 301 и др.), историческія мѣстности—Чигиринъ, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ Хмельницкій, Дорошенко, Семенъ Палій, Пидкова, Гамалія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ однихъ мѣстахъ гетьманы «варшавське смиття» (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется «святой» (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ *о чумакахъ*. Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣе чумачество было убито желѣзными дорогами. Въ «Кобзарѣ» чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благопріятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними «батожками» (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсенъ, и мѣстами подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, что можетъ быть наглядно выяснено соотвѣтствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панщиной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдаютъ паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ «Пусткѣ» (233) и въ «Ну що, здавалося, слова». (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсенъ, меланхолически и неопредѣленно (213, 217, 350 и др.).

На чужыни не ти люде—
Тяжко зъ ными житы...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникаютъ весь «Кобзарь»

(см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Извѣстно молитвенное обращеніе Ш. къ Богу:

Дай житы—серцемъ житы
И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный,
И людей любыты.

Въ посланіи до живыхъ и непарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ вліяніемъ нѣмецкой науки. Какъ человѣкъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ *о силѣ молитвы* (425, 402), *о кіевскихъ святыняхъ, о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы* (263), *о богомолкѣ* (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы *добра* (289, 321, 322 и др.), въ особенности *прощеніе* врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено *надежды* (279, 288). Все это спасло поэта отъ *пессимизма* и *отчаянія*, лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пробивающихся въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горестнаго восклицанія, что «нема раю на цимъ свити, хиба що на неби» (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ поэта стоятъ всѣ мотивы *о богатствѣ и бѣдности, о значеніи труда* (42: 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ имущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люди на свити—
Срибломъ—злотомъ сяютъ,
А доли не знають,
Ни доли, ни воли!
Здается, пануютъ,

Отсюда совѣты—«не женыся на багатій, бо выжене съ хаты»; въ другомъ стихотвореніи: «Не завыдуй багатому; багатый не мае ни пріязни, ни любови—винъ все те наймае...» Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміе заробыть,
То той не вмитыме й пожить (569).

Наука Шевченка благочестива и человѣколюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупаетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—«и чужому научайтесь и свого не цурайтесь». Поэту, однако, совсѣмъ была

чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки въ связи съ моралью и неудачное иронизированіе надъ людьми «письменными и друкованными», которые будто бы солнце «гудять» (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
«И мы не мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ни пекла, а ни раю,
Нема ни Бога, тилько я,
Та куцый нимець узловатый,
Та бильшъ никого...

Поэтъ хотѣлъ «своей мудрости»; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самообразованія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политическіе мотивы*, хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ «Кобзаря», мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарѣ немало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда примыкаетъ стихотвореніе «славянамъ», изданное въ октябр. кн. Кіевск. Стар. 1897 г. Славянофильство было характерной чертой украинскаго народничества. Оно, какъ извѣстно, входило въ программу Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Наклонность къ славянофильству обусловлена была отчасти исторіей Украины, ея старыми культурными связями съ южными и западными славянами (подроб. см. въ моей ст. въ «Южн. Кр.» 1882 г. № 485).

Кое гдѣ разбросаны *этнографическіе мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301). Что касается основного по опредѣленію отношеній къ полякамъ ст. Ш. «Ляхамъ», то тутъ, очевидно, вліяніе Богдана Залѣсскаго и романтизма (см. *Франко*, въ Литер.-Наук. Вистн. 1904 VI).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографическіе*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263),

«Мени тринадцятый мынавъ» и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдѣльныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212). Шафарикѣ (194), Марко-Вовчкѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключеніемъ двухъ-трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья есть настоящая суть всего «Кобзаря», а такъ какъ основу семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ собой всѣ лучшія произведенія Шевченка [1]). П. И. Житецкій въ «Мысляхъ о малор. думахъ» (стр. 72) говоритъ, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г. Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти сужденія вполнѣ примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по развитію семейно-родственныхъ идеаловъ примыкаетъ непосредственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семейно-родственныхъ началъ—*село* обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361, 389, 464, 465). Какъ въ пародной поэзіи, у Шевченка село обыкновенно риѳмуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было, чтобы «пустыню опановалы веселіи села» (464). Есть и «убоги села», и «село неначе погорило»— все отъ панщины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полнѣе описана *хата*—излюбленный мотивъ Шевченка (396, 191, 202, 269, 271, 465, 236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321, 354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большей частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эпитета «бѣлая: «Хатки биленьки— мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ» (269, 293, 321, 354), «хатына, неначе дивчына, стоить на прыгори» (465); въ хатѣ «живе надія» (279, 298). Въ несчастныхъ семьяхъ хата «пусткою гніе» (244), покои немазани, сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія хаты въ ст. «Хатына» (396). и «Вечиръ» (236) Своеобразны сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202), хата—славянство (291), хата—могила (486).

Молодость, молодыя лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисованы въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе и перепѣвъ.

---

[1]) О Шевченкѣ, какъ другѣ семьи, краткая статья А. Кониссдаго въ 8 № «По морю и сушѣ» 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блѣдно, случайно и мимоходомъ (напр. на 389); *дивчина* входитъ во многія стихотворенія, чаще всего описаніе дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), дивованья (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкѣ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи «И станомъ гнучкымъ» написано подъ вліяніемъ извѣстной «Молитвы» Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружины (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленная (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ «Черниця Марьяна» и «Назаръ Стодоля» описаны *вечерницы*, на стр. 413 *сговоръ*, 151—*коровай*, 39 и др. *весилье*, 338—*бракъ неравный по лѣтамъ*, 390, 398, 402—*бракъ неравный по общественному положенію*. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ «Кобзаря» (напр. 221), а *идеалы* тихой и радостной *семейной жизни* выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помимо Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивиной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Кониского въ «Русской Мысли» 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода —«И золотои, и дорогои» (292— 293)—имѣетъ крупное автобіографическоезначеніе.

Незаконнорожденныя дѣти, или *байструки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неначе воронъ той, летячы,
Про непогоду людямъ кряче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ,
Хоть и никому ихъ не жаль,
Росказую та плачу.
Мени ихъ жаль!....

Семейныя отношенія выражены 1) въ обрисовкѣ *матери* вообще (396, 412, 457), 2) отношеній *между матерью и сыномъ* (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношеній *между матерью и дочерью* (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—30, 39, 59 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живой дѣйствительностью.

Отношеніе *отца къ сыну* въ «Сотникѣ» (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевчека—*покрытка*. У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. Ѳ. Квитка. Въ народной поэзіи покрытка встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельнаго изученія соціальныхъ условій, порождавшихъ при крѣпостничествѣ покрытокъ, и заслуга изображенія ихъ не только художественнаго, но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О покрыткахъ говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлыя поэмы «Катерына» и «Видьма» трактуютъ о покрыткѣ. Наибольшая идеализація покрытки выразилась въ концѣ «Видьма». Въ другомъ видѣ идеализація покрытки, еще болѣе искусственная («ій шкода мужыка да жаль святого сиряка»), проведена въ «Марынѣ». Поэтъ не жалѣлъ темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли покрытки, мѣстами не безъ крупныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности «покрываніе» сходило для дѣвицъ легче, при значительной снисходительности общественнаго мнѣнія. О покрыткахъ, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882 Ш. 427—429.

Большимъ сочувствіемъ Шевченка пользовались также *наймички*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Мои голубки молодыи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ выросли чужіи,
У наймахъ косы побиліютъ,
У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено наймычкѣ и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много теплаго, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ «Наймычки», то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ

малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость*, Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ—бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 192, 273 и др.). Таково симпатичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), стараго кобзаря Перебендя (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. «По надъ полемъ иде» и въ «Невольникѣ» въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи со многими старинными произведеніями поэзіи и искусства, какъ южно-русскими, такъ и западно-европейскими. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая національная обработка широкаго международнаго культурнаго мотива.

Даже *кладбище* описано у Шевченка такъ, что выдѣляется нѣчто характерно украинское (стр. 295, 421).

По горѣ
Сады стоятъ темныи, а въ садахъ
Лежатъ собѣ у холодочку,
Мовъ у раю, мои стари.
Хресты дубовыи похилились,
Слова понѣмъ позамывались...
И не понѣмъ, и не слова
Гладенько Сатурнъ стирае!...
Нехай святыи спочиваютъ
Мои стари.

Въ этихъ словахъ сказалось также глубоко-христіанское настроеніе поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христіанами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ краткое «cum sanctis» или даже одно «sanctis», въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

6.

„Сонце заходыть“ Т. Г. Шевченка

(въ бытовой и литературной обстановкѣ)

1847 годъ—роковой въ жизни Шевченка. Въ этомъ году онъ былъ сосланъ въ пустынный и глухой Оренбургскій край рядовымъ, съ запрещеніемъ писать и рисовать. Любимая кисть стала сразу недоступной; но слово, летучее, свободное слово не могло быть совсѣмъ связано, и вотъ однимъ изъ первыхъ стихотвореній Шевченка въ ссылкѣ, въ томъ же 1847 г., въ новой суровой обстановкѣ было «Сонце заходыть»:

Сонце заходыть; горы чорніють;
Пташечка тыхне; поле ниміе;
Радіютъ люде, що одпочинуть!
А я дывлюся и сердцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину;
Лыну, я лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочивае.
Чорніе поле, и гай, и горы,
На сыне небо выходыть зоря.
Ой зоре, зоре!—и слезы кануть—
Чи ты зійшла вже и на Украйни?
Чи очи кари тебе шукаютъ
На неби сынимъ, чи забуваютъ
Коли забулы—болай заснулы,
Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Орская крѣпость, куда впервые попалъ Шевченко, представляла грустное и пустынное захолустье. «Рѣдко, говоритъ Шевченко, можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско... Мѣстоположеніе грустное, однообразное, тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь». «Всѣ преж-

нія страданія мои, писалъ Шевченко кн. Репниной въ октябрѣ 1847 г., въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! [1])» Біографъ поэта Кониссkій, по даннымъ въ посланіи Шевченка къ Козачковскому, говоритъ: «Поэтъ иногда какъ будто оживаетъ, всходитъ на гору, начинаетъ сравнивать природу родного края съ тою, которая окружаетъ его: и тамъ, и здѣсь степи; но какая разница! Такъ (на Украйнѣ) степи зеленыя, голубыя, мережаныя, усѣянныя высокими курганами; здѣсь степь красноpыжая, здѣсь пески, сорныя травы, хоть бы одинъ курганъ, который говорилъ бы о прошломъ» [2])...

Обстановка стихотворенія глубоко реальная. Постороннихъ литературныхъ вліяній тутъ нельзя допустить, хотя, какъ далѣе будетъ указано, въ литературѣ существуетъ много произведеній, весьма сходныхъ по мысли и по строенію. Эти сходныя произведенія интересны для опредѣленія цѣнности отдѣльныхъ художественныхъ образовъ и способа сочетанія ихъ подъ различными индивидуальными и національными вліяніями.

Изображеніе сумерокъ въ поэзіи разнообразно. Въ частности въ народной поэзіи существуютъ различныя обрисовки вечернихъ сумерокъ. Чаще всего такія обрисовки встрѣчаются въ обжинковыхъ пѣсняхъ, изрѣдка въ свадебныхъ и еще рѣже въ любовныхъ. Народно-поэтическіе образы, при всей ихъ краткости, отличаются высокой художественностью и тонкимъ чувствомъ природы, напр.:

Уже сонце котыться—
Намъ до дому хочется...
Разгорыся вечерняя зоря передъ раннею стоя.
Ужъ сонце надъ дубами...
Ой вже сонечко надъ рикою [3]).
Сонейко низко, вечерейко близко [4]).

Простота и естественная послѣдовательность въ изображеніи вечера у Шевченка выдѣляются отчетливо, если сравнить стихи Шевченка съ стихотвореніемъ Тютчева «Сумерки», въ своемъ родѣ также прекраснымъ. Здѣсь, наоборотъ, выдвинута вечерняя неопредѣленность въ звукахъ и свѣтовыхъ тонахъ:

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились

---

[1]) *Кіевск. Стар.* 1893, II, 262.
[2]) *Кониссkій*, Жизнь Шевченка, 181.
[3]) *Чубинскій*, Труды этн. стат. экспед. III, 230, 236, 245.
[4]) *Головацкій*, Пѣсни галиц. и угор. Руси IV, 205.

Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ...

Гораздо ближе къ Шевченку стоятъ первыя строки стихотворенія Тютчева:

День вечерѣетъ, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь...

У Шевченка картина расширяется постепенно и послѣдовательно въ нѣжныхъ ласкающихъ тонахъ. Въ началѣ главное впечатлѣніе: «Сонце заходыть»... Лучезарное свѣтило спускается къ горизонту; на землѣ ложатся ночныя тѣни, и подъ ихъ покровомъ—«горы чорніють»—реальная внѣшняя обстановка наступленія сумерокъ у подножія обнаженныхъ холмовъ Орской крѣпости.

«Пташечка тыхне»—обычное явленіе въ мірѣ птицъ при наступленіи сумерокъ. Малочисленныя степныя птички рано затихали, и пѣсни ихъ, должно быть, не были звонкими для украинскаго поэта, тѣмъ болѣе, что Шевченко сначала было заподозрилъ полное отсутствіе голосистаго птичьяго міра въ печальныхъ мѣстахъ Орска. «Страшная пустыня, окружающая крѣпость, показалась ему раскрытою могилой, готовой похоронить его заживо... Подъѣзжая къ крѣпости, онъ думалъ: поютъ-ли здѣсь птицы? И готовъ былъ Богъ знаетъ что прозакладывать, что не поютъ» [1]). Но Орская природа оказалась добрѣе...

«Поле німіе...
Радіють люде, що одпочинуть»...

Реальная обстановка для послѣдняго стиха могла быть такая, какая дана Шевченкомъ въ письмѣ къ кн. Репниной отъ 24 октября 1847 г. Поэтъ вышелъ за крѣпостной валъ и увидѣлъ, что по степи шелъ бухарскій караванъ на верблюдахъ. «Поле німіе»—характерная обрисовка вечерней тишины. Въ малорусскихъ жатвенныхъ пѣсняхъ встрѣчается сходный поэтическій образъ:

Ой чіе жъ то поле задримало, стоя? въ значеніи спѣлой колосистой ржи, склонившей къ землѣ колосья въ ожиданіи серпа.

У Шевченка встрѣчаются болѣе подробныя и болѣе эффектныя описанія вечера. Тамъ же, за Каспіемъ, немного позднѣе—въ 1849 г.—Шевченко далъ слѣдующее яркое и оригинальное описаніе лѣтняго вечера:

За сонцемъ хмаронька плыве,
Червони полы ростылае,
И сонце спатоньки зове

---

1) *Кониссній*, 272.

У сине море; покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годыночку,
Малую годыну
Нибы серце одпочыне.
Зъ Богомъ заговорыть...

Этотъ стихъ восполняетъ тѣ картины природы, при видѣ которыхъ отдыхало истомленное сердце поэта.

Въ такіе моменты мысль поэта уносилась въ Малороссію, на берега Днѣпра, или въ темные украинскіе садочки

...серцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину.

Малорусскіе сады часто упоминаются у Шевченка, при чемъ «темные садочки» наряду съ Днѣпромъ составляютъ наиболѣе характерные признаки Украины. Пушкинъ также считалъ сады характерной особенностью Малороссіи. Въ письмѣ въ Малороссію къ младшей сестрѣ А. П. Кернъ онъ приписалъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

И въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются сады, большей частью, какъ мѣсто свиданія или мѣсто пріятныхъ и дорогихъ воспоминаній.

Въ народной символикѣ, развивающійся садъ означаетъ любовь, цвѣтущій—бракъ.

Не вси то ти сады цвитутъ,
Що на весни розвываются,
Не вси то ти винчаются,
Що вирне кохаются [1]).

Мягкій вечеръ внесъ въ утомленную душу поэта успокоеніе, что выражено въ стихѣ:

Лыну я, лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочивае...

Природа успокоила сердце поэта; мысль понесла его на далекую прекрасную родину; его согрѣли «думы» или, что то же, поэзія. Поэзія даетъ великія утѣшенія своимъ питомцамъ. Объ этомъ говорятъ и мел-

[1]) Чубинскій, V, 96.

кіе, и крупные поэты. Кюхельбекеръ, поэтъ декабристъ, послѣ многихъ лѣтъ тюремнаго заключенія и ссылки въ Сибирь, въ «Дневникѣ» своемъ отмѣтилъ: «имя мое забудется; всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны. Несмотря на то, я никогда не буду жалѣть о томъ, что былъ поэтомъ. Утѣшенія поэзіи были очень велики». Баратынскій въ стих. «Риѳма» говоритъ:

Среди безжизненнаго сна,
Средь гробового хлада свѣта
Своею ласкою поэта,
Ты, риѳма, радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему съ родного брега
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

И Пушкинъ съ личной точки зрѣнія дорожилъ поэзіей, потому что ея «звучный лепетъ» усмирялъ его сердечный трепетъ и усыплялъ печаль.

Шевченко въ другомъ стихотвореніи—«И знову мени не привезла ничого почта зъ Украины»—оцѣниваетъ поэзію въ духѣ Баратынскаго и Пушкина:

Люде скажуть, люде зрадять,
А вона мене порадыть,
И порадыть, и розважыть,
И правдоньку мени скаже.

Главная часть въ стихотвореніи Шевченка—воспоминаніе объ Украинѣ и о дорогой женщинѣ съ карыми очами, воспоминаніе, навѣянное вечерней звѣздой. Эти мотивы встрѣчаются у многихъ поэтовъ, при чемъ у однихъ поэтовъ звѣзда напоминаетъ о далекой родинѣ, у другихъ—о милой, и лишь у немногихъ оба мотива находятся во взаимномъ сліяніи въ одномъ стихотвореніи, у Шевченка съ нѣкоторымъ перевѣсомъ мотива о карыхъ очахъ.

Замѣчательную литературную параллель къ стихотворенію Шевченка представляетъ элегія Пушкина 1820 года:

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины;
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;

Онѣ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило.
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ.
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Принимая во вниманіе, что Шевченко любилъ поэзію Пушкина, можно на первый взглядъ принять его «Сонце заходыть» за простое подражаніе Пушкину, но такому предположенію противорѣчитъ глубокая искренность стихотворенія Шевченка и его очевидная обоснованность личными обстоятельствами. Сходство между Шевченкомъ и Пушкинымъ въ данномъ случаѣ обусловлено сходными условіями ихъ поэтическаго творчества при созданіи этихъ элегій. Пушкинъ въ с. Каменкѣ, кіевской губерніи, вспомнилъ о своемъ пріятномъ пребываніи на южномъ берегу Крыма въ семействѣ ласковаго и просвѣщеннаго генерала Раевскаго, всѣ дочери котораго были, по словамъ Пушкина, прелестны; къ одной изъ нихъ поэтъ питалъ глубокое чувство любви. Шевченко въ Орской крѣпости вспоминаетъ о своей далекой прекрасной родинѣ и о милой дѣвушкѣ, быть можетъ, о княжнѣ Репниной, съ которой онъ въ 1847 г. состоялъ въ дружественной перепискѣ. Краски и образы у Пушкина ярче и сильнѣе, насколько ярче крымскіе мирты и кипарисы сравнительно съ украинскими садочками. Стихотвореніе Шевченка подкупаетъ въ свою пользу глубокой задушевностью. Видно бѣдное, изстрадавшееся сердце. У Пушкина вмѣсто горестнаго чувства просвѣчиваетъ граціозная меланхолія.

Талантливый англійскій поэтъ Вордсвортъ (1770—1850) въ молодости путешествовалъ по Франціи; при вечерней звѣздѣ онъ также вспоминалъ о своей родинѣ и, при сходныхъ внѣшнихъ условіяхъ, создалъ стихотвореніе, похожее на отмѣченные выше стихи Пушкина и Шевченка.

Сравненіе всѣхъ трехъ стихотвореній—англійскаго, русскаго и малорусскаго—открываетъ замѣчательную психологическую перспективу. Англійскій поэтъ, человѣкъ свободный, мечтаетъ о родинѣ при видѣ вечерней звѣзды, связываетъ ихъ вмѣстѣ и на обѣихъ призываетъ благословеніе. Втораго мотива—о милой—у Вордстворта нѣтъ. Вся мысль

его сосредоточена на его родной странѣ. «Прекрасная вечерняя звѣзда, украшеніе запада, звѣзда моей страны! Ты висишь на горизонтѣ, ты точно спускаешься на грудь Англіи... Ты—эмблема моей страны» и проч.— впечатлѣнія живыя и реальныя. Такъ и чувствуется, что поэтъ стоитъ вечеромъ на берегу французскаго Ламанша, съ глазами, устремленными на далекую блестящую звѣзду, мягкій свѣтъ которой одновременно льется на родномъ поэту англійскомъ берегу. Въ стихотвореніи много задушевной мягкости и искренняго патріотизма.

Въ граціозномъ стихотвореніи Пушкина звучитъ нотка опальнаго поэта, который располагалъ ограниченной свободой передвиженія лишь благодаря добродушію своего ближайшаго начальника генерала Инзова. Ему пріятно вспомнить дорогіе призраки минувшихъ дней, помечтать о мирной странѣ нѣжныхъ миртовъ и тѣмныхъ кипарисовъ, о сладостномъ шумѣ таврическихъ волнъ.

Наконецъ, у несчастнаго украинскаго поэта, заброшеннаго въ глубину оренбургскихъ степей, лишеннаго права не только писать, но даже рисовать, стихотвореніе естественно заканчивается грустной жалобой на «доленьку». Оттого у одного Шевченка проскальзываетъ признаніе о слезахъ.

Ой, зоре, зоре, и слезы кануть...

Подробность чисто автобіографическая. Шевченко плакалъ, вспоминая при вечерней звѣздѣ о своей далекой родинѣ.

У Шевченка заключительный мотивъ «кари очи», у Пушкина— «дѣва юная», у обоихъ поэтовъ на почвѣ ихъ личныхъ знакомствъ и симпатій.

При всемъ томъ, весь мотивъ покоится на широкомъ основаніи, на тайномъ влеченіи души человеческой къ звѣздамъ, въ сознаніи какого-то космическаго съ ними родства. Современный поэтъ г. Ѳедоровъ въ 8 кн. «Вѣстн. Европы» 1898 г. въ стихотвореніи «Звѣзда» говоритъ:

Среди несмѣтныхъ звѣздъ...
Одна звѣзда влечетъ невольно грустный взглядъ.
У каждаго звѣзда своя есть, говорятъ.
Быть можетъ, въ эту ночь прозрачно-голубую
Моя душа нашла звѣзду свою родную...

Гораздо ближе къ концепціи Шевченка и Пушкина стоитъ современный нѣмецкій писатель Зудерманъ въ прозаическомъ разсказѣ «Звѣзды, къ которымъ не стремятся» на гетевское выраженіе «Die Sterne, die mann nicht begehrt». «Здѣсь внизу сидитъ бѣдный, грѣшный сынъ земли. Онъ смотритъ на васъ, высокія звѣзды. Пусть одна изъ васъ—только одна —

обратитъ ко мнѣ свое сіяющее лицо и пусть она упадетъ въ мои объятія. Ты мнѣ такъ нужна, прекрасная незнакомая звѣзда. Въ твоемъ пламенномъ дыханіи я хочу согрѣть мое одинокое сердце; въ твоихъ лучистыхъ глазахъ («кари очи» Шевченка) я хочу прочитать отвѣтъ на вопросъ, любишь ли ты меня». «Другъ мой, такъ заканчиваетъ Зудерманъ свой разсказъ: къ звѣздамъ питаютъ стремленіе, это правда; но стремятся къ нимъ, какъ къ женщинамъ».

Въ народной словесности распространенъ мотивъ о вечерней звѣздѣ и любви. Такъ, въ великорусской свадебной пѣснѣ:

Ты, зоря моя, зоренька,
Ты вечернее солнышко,
Высоко ты восходило,
Далеко свѣтило.
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тутъ лежала досточка дубовая,
Перекладина сосновая,
Никто по тѣмъ доскамъ не хаживалъ,
Никого за собой не важивалъ.
Перешелъ (имя жениха).
Перевелъ (имя невѣсты) [1]...

Въ малорусской народной поэзіи звѣзда обычный символъ дѣвицы, напр., въ прекрасной пѣснѣ:

Ой зійды, зійды, зиронька та вечирняя,
Ой выйды, выйды, дивчино моя вирная...
А зиронька зійшла—усе поле освитыла,
А дивчина вышла—козаченька звеселыла [2].

Въ иноплеменныхъ пѣсняхъ встрѣчаются сходные мотивы, напр., въ одной чувашской хоровой пѣснѣ:

Въ самой вышинѣ семь звѣздъ (Большая Медвѣдица).
Это приноситъ красу міру,
Въ этой игрѣ семьдесять дѣвушекъ
Это приноситъ красу игрѣ [3].

Особенно въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее обращеніе къ вечерней звѣздѣ въ пѣснѣ испанскихъ арабовъ X—XV в. (въ перев. г. Вейнберга):

---

[1]) Воронежск. Юбилейн. Сборникъ, 87.
[2]) *Чубинскій*, V, 134.
[3]) *Этногр. Обозр. XIII*, 59.

Въ небесахъ я взорами блуждаю
И ищу, лишенный всѣхъ отрадъ,
Не найду ль ту звѣздочку, къ которой
Въ этотъ мигъ и твой прикованъ взглядъ.

Мотивъ, очевидно, Шевченка о карыхъ очахъ. Сравнивая стихотворенія Шевченка и Пушкина о вечерней звѣздѣ съ соотвѣтствующими народными пѣснями, мы видимъ, что мысль народныхъ поэтовъ идетъ параллельно съ мыслью поэтовъ интеллигенціи, и въ области собственно словеснаго художественнаго творчества поднимается на большую высоту. Вся разница въ сравнительно большемъ кругу наблюдательности интеллигентнаго поэта и въ большемъ запасѣ словъ. Потому у Пушкина «сладостно шумящія таврическія волны», а у народнаго пѣвца лишь «синее море», у Пушкина кипарисы и мирты, а у Шевченка лишь темные украинскіе садочки.

«Сонце заходыть» стоитъ въ тѣсной связи съ другими стихотвореніями Шевченка 1847 и 1848 годовъ, первыми годами его ссылки. Наиболѣе оригинально въ этомъ стихотвореніи обращеніе къ вечерней звѣздѣ. Всѣ другіе мотивы повторяются въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ; особенно часто повторяются мотивы о горькой долѣ, о слезахъ и о далекой прекрасной родинѣ, воспоминаніе о которой было единственнымъ утѣшеніемъ «геніальнаго горемыки».

7.

Рисунки и картины Т. Г. Шевченка.

«Когда среди ночи неожиданно прорѣжетъ синюю тьму неизвѣстно съ какихъ высотъ сорвавшійся метеоръ и, сверкнувъ мгновенно блескомъ, навсегда исчезнетъ въ хаосѣ невозвратнаго прошедшаго, невольная грусть закрадывается въ сердце, и въ головѣ зарождаются величавыя, строгія думы. И жаль этого осколка неизвѣстнаго погибшаго міра, жаль этого безслѣдно исчезнувшаго свѣта...

Человѣкъ также загорается божественнымъ пламенемъ, также сіяетъ мгновеннымъ свѣтомъ и также тухнетъ, исчезаетъ въ непроглядной ночи вѣковъ...

И бѣдное человѣчество борется изъ всѣхъ силъ противъ вѣчно стоящаго предъ нимъ грознаго призрака смерти... Нагромождаются камни на камни, воздвигаются переживающіе тысячелѣтія пирамиды и обелиски съ пышными надписями, создаются великія произведенія искусства, чтобы хоть на время отдалить ужасъ безслѣднаго исчезновенія... Каждая минута, отнятая отъ вѣчнаго забвенія, есть уже побѣда надъ страшнымъ безобразнымъ призракомъ...

Воскрешая въ памяти потомковъ факты и дѣянія людей, послужившихъ на пользу или радость человѣчеству или хотя бы своему народу, мы продолжаемъ ихъ духовную жизнь и тѣмъ хоть отчасти отплачиваемъ имъ за то, что они сдѣлали для насъ»...

Эти прочувствованныя строки взяты изъ статьи г. Кузьмина о Шевченкѣ, какъ художникѣ, въ «Иск. и худож. промышл.» 1900 г. и теперь умѣстно повторить ихъ при оцѣнкѣ Шевченка, какъ художника, повторить на томъ основаніи, что, по справедливому замѣчанію г. Кузьмина, «рисунки и офорты Шевченка являются одной и далеко не маловажной стороной его жизни».

Изученіе Шевченка, какъ живописца, представляется труднымъ дѣломъ, по разбросанности и малой доступности его произведеній, лишь

случайно попадавшихъ на выставки и въ очень маломъ числѣ. Большая часть рисунковъ Шевченка хранится въ далекомъ и глухомъ Черниговѣ въ музеѣ Тарновскаго. Издано очень немногое и въ отрывочной формѣ. Изслѣдованій и описаній мало (Шугурова, Русова, Горленка, Кузьмина, Гринченка); изслѣдованія кратки, касаются частныхъ вопросовъ, и недавно еще, въ декабрѣ 1900 года, г. Кузьминъ не безосновательно жаловался, что о Шевченкѣ, какъ художникѣ, «почти ничего не говорилось».

Мнѣнія о Шевченкѣ, какъ рисовальщикѣ, значительно расходятся. Такъ, г. Кузьминъ говоритъ, что «Шевченку по справедливости можетъ быть приписана слава едва ли не перваго русскаго офортиста въ современномъ значеніи этого слова». Еще ранѣе Сошенко усматривалъ въ Шевченкѣ живописца не послѣдней пробы. Иначе смотритъ г. Русовъ (въ Кіев. Стар. 1894 г.). По его мнѣнію, Шевченко въ живописи былъ лишь «фотографомъ окружающей природы, къ которой и сердце его не лежало, и въ созданіи жанра онъ не пошелъ дальше ученическихъ пробъ, шутокъ, набросковъ, въ которыхъ, при всемъ желаніи найти какую-либо художественную идею, мы уловить ее не въ состояніи, до такой степени неопредѣленна композиція рисунковъ». И Кузьминъ, и Русовъ признаютъ въ живописи Шевченка несоотвѣтствіе ея поэтическимъ его сюжетамъ, но въ то время, какъ г. Русовъ усматриваетъ въ этомъ недостатокъ, г. Кузьминъ, напротивъ, видитъ достоинство.

Каково же значеніе Шевченка, какъ живописца и гравера? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, нужно оцѣнивать его произведенія въ совокупности и съ разныхъ историческихъ точекъ зрѣнія, не подгоняя ихъ подъ то или другое излюбленное требованіе.

Къ художнику, разумѣется, прежде всего нужно примѣнить художественную мѣрку. Шевченко въ этомъ отношеніи заслуживаетъ изученія, какъ извѣстная сила, отразившая на себѣ настроеніе эпохи, какъ ученикъ опредѣленныхъ художественныхъ теченій. Кто пожелаетъ ознакомиться обстоятельно со школой Брюллова и выяснить его вліяніе, нѣкоторую долю отвѣта найдетъ въ рисункахъ и картинахъ Шевченка. Кто пожелаетъ изучить вліяніе въ Россіи Рембрандта, также не можетъ обойти Шевченка.

Внутреннее достоинство художественнаго произведенія состоитъ въ отчетливомъ выраженіи настроенія художника подъ вліяніемъ внѣшней природы, народнаго быта или историческихъ традицій, и художественное настроеніе чувствуется во многихъ рисункахъ Шевченка. Несомнѣнно, что онъ къ искусству относился съ глубокой искренностью, и благодар-

ное искусство платило ему за то откровеніемъ своихъ тайнъ и доставляло ему утѣшеніе въ горькія минуты его жизни. Потому Шевченко особенно настойчиво хлопоталъ о разрѣшеніи ему рисовать; онъ стучался съ такой просьбой и къ Жуковскому, и къ Гоголю, умоляя ихъ о ходатайствѣ передъ властями.

Рисунки Шевченка имѣютъ не малое значеніе для его біографіи. Есть рисунки, взятые прямо изъ окружавшей поэта бытовой обстановки, съ хронологическими датами. Распредѣленные по годамъ (что сдѣлано уже отчасти г. Гринченкомъ въ 2. т. Каталога музея Тарановскаго), рисунки въ совокупности обрисовываютъ художественные вкусы и стремленія Шевченка, и составляютъ важную параллель къ его стихотвореніямъ.

Кстати, по поводу отношенія Шевченка-художника къ Шевченку-поэту; въ печати есть упрекъ по адресу перваго. «При перелистываніи рисунковъ, говоритъ г. Русовъ, указывающихъ на ту или другую обстановку жизни поэта и переносящихъ насъ изъ Кіева, то въ Казань, то на Аралъ, то въ академію художествъ, изображающихъ то Днѣпръ съ кіевскими горами, то дворъ сельской хаты, спрашиваешь себя невольно: будутъ ли среди этой массы рукотворныхъ памятниковъ поэта хоть какіе-нибудь намеки на тѣхъ героевъ его поэмъ и стихотвореній, которые онъ носилъ, по собственному своему признанію, «неначе цвяшокъ въ серце вбитый», которыхъ онъ считалъ своими «сынами», своими кровными «дѣтьми», своими «слезами»? Гдѣ же то море, по которому плавалъ Пидкова и казаки, гдѣ лѣса съ ихъ гайдамаками, гдѣ степы, шляхи, могилы, тополи, тѣ Катерины, Наймички, Титаривны, сотники, гетманы, конфедераты, утопленны, черныци, которыхъ Шевченко такъ образно умѣлъ «вымережаты»?.. Поэтъ едва ли и пытался когда-нибудь самъ изобразить карандашемъ на бумагѣ то, что вынашивалъ въ себѣ въ формѣ поэтическихъ образовъ».

Здѣсь прежде всего нужно сдѣлать поправку: у Шевченка есть, хотя и въ небольшомъ числѣ, картины и рисунки, иллюстрирующіе его поэтическія произведенія. Таковы картина «Катерына» въ музеѣ Тарновскаго, рисунки русалокъ, хатъ и нѣкоторые др., но не въ этомъ суть дѣла. Поэтъ и художникъ могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ и часто совмѣщаются (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій, А. Майковъ), но врядъ ли можетъ совмѣщаться въ лицѣ поэта и иллюстраторъ собственныхъ его произведеній. Для такого совмѣщенія нѣтъ достаточнаго психологическаго основанія. Чуткая душа художника или поэта пользуется словомъ и карандашомъ, какъ двумя разными орудіями, для достиженія разныхъ

цѣлей и въ два молота восполняетъ свою жизнь. Воспроизведеніе въ краскахъ впечатлѣнія, пережитаго ранѣе въ словѣ, или обратно, не можетъ интересовать ни художника, ни поэта, потому что такое копированіе или подражаніе представляется по существу лишнимъ. Г. Русовъ, напримѣръ, на частномъ примѣрѣ допытывается, «отчего Шевченко, какъ живописецъ, не могъ или даже не имѣлъ побужденія взяться за изображеніе на бумагѣ такой идиллической картины, какая дана въ его «Вѣчиръ», или подобной». Вѣроятно, въ запасахъ слова у него оказалось болѣе средствъ. Пейзажъ вечера туго поддается граверу, а Шевченко былъ болѣе граверъ, чѣмъ живописецъ, къ краскамъ прибѣгалъ рѣдко, и его работы этого рода большими достоинствами не отличаются.

Кромѣ автобіографическаго значенія, рисунки Шевченка имѣютъ значеніе историческое. Одно время поэтъ, по порученію кіевской археографической коммиссіи, срисовывалъ малорусскіе памятники старины въ Переяславѣ, Субботовѣ, Густыни, Почаевѣ, Вербкахъ, Полтавѣ. Тутъ находятся рисунки домика Котляревскаго, развалинъ Густынскаго монастыря до исправленія, мѣста погребенія Курбскаго и др.

Въ настоящее время историческую цѣнность имѣютъ многіе жанровые рисунки—таковъ, напримѣръ, рисунокъ «Въ былое время» изъ собранія С. С. Боткина въ Петербургѣ. На рисункѣ изображено наказаніе шпицрутенами, печальная въ памяти «зеленая улица». Приговоренный къ наказанію сбросилъ сорочку; у ногъ его валяются снятые тяжелые желѣзные кандалы. Передъ нимъ тянется длинный рядъ его невольныхъ палачей. Вблизи ведро, должно быть, съ водой. Вдали на горѣ очертаніе крѣпости. Это—правдивая страница изъ исторіи русскаго быта. Вспоминая, однажды, солдатчину, въ концѣ своей жизни, Шевченко досталъ изъ альбома этотъ рисунокъ и далъ ему такое поясненіе своему ученику Суханову, что послѣдній тронутъ былъ до слезъ, и Шевченко поспѣшилъ утѣшить его, сказавши, что этому звѣрскому истязанію наступилъ конецъ. Нынѣ историческое значеніе имѣетъ, также, въ свое время лишь бытовой рисунокъ «Товарищи», изображающій тюремную камеру съ двумя скованными арестантами впереди, причемъ желѣзная цѣпь идетъ отъ руки одного арестанта къ ногѣ другого—превосходая иллюстрація къ статьѣ А. Ѳ. Кони о докторѣ Гаазѣ. Характерно обрисована вся тюремная обстановка.

Есть еще одна сторона въ рисункахъ Шевченка, на которую не обращено вниманія, сторона, однако, весьма любопытная—этнографическая. Если разобрать многочисленные рисунки Шевченка съ фольклорными цѣлями, то въ итогѣ получится цѣнная этнографическая коллекція.

Такъ, для ознакомленія съ постройками могутъ пригодиться рисунки: старинное зданіе въ украинскомъ селѣ, комора въ Потокѣ, батьковская хата; для ознакомленія съ костюмами рисунки — ярмарка, дѣвушка, разсматривающая рушникъ, женщина въ намиткѣ выходитъ изъ хаты, «коло каши» (четыре крестьянина ѣдятъ подъ вербой кашу изъ казанка), «знахарь» въ костюмѣ, характерномъ для крестьянъ кіевской губ., «старосты» въ интересный моментъ подачи невѣстой рушниковъ и мн. др. Для малорусскаго жанра стараго времени интересны рисунки чумаковъ въ дорогѣ среди кургановъ, бандуриста, дѣда у царины, пасѣчника— «батько на пасици вулыкы довбае, а диточки несуть ему обидать»,—волостного суда—«судня рада» съ подписью: «отаманъ сбира на село громаду, колы що трапытця незвычайне, па раду и судъ. Громада, порадывши и посудывши добре, расходится, пьючи по чарци позвовои» и др. Въ этихъ рисункахъ Шевченко является достойнымъ современникомъ Ѳедотова.

Ограниченное мѣстное значеніе имѣютъ многочисленные рисунки среднеазіатской природы, той пустынной, степной обстановки, среди которой Шевченко вынужденъ былъ влачить свою жизнь. Бѣдная природа, песчаные бурханы, скалистые берега рѣкъ, рѣдкіе кустарники, группы солдатъ и татаръ съ верблюдами, магометанскія кладбища, рисунки этого рода, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ и большей частью прекрасно исполненные, могутъ послужить хорошей иллюстраціей къ нѣкоторымъ горестнымъ стихотвореніямъ Шевченка изъ первыхъ тягостныхъ лѣтъ его ссылки.

Тутъ не мѣсто входить въ описаніе и оцѣнку отдѣльныхъ рисунковъ и картинъ Шевченка. Достаточно здѣсь подробно остановиться лишь на двухъ картинахъ Шевченка, написанныхъ масляными красками находящихся нынѣ въ Харьковѣ. Заслуживаетъ уже вниманія, что картины эти написаны масляными красками, а Шевченко лишь изрѣдка прибѣгалъ къ кисти. Судя по обстоятельному каталогу г. Гринченка, въ богатомъ собраніи Тарновскаго въ Черниговѣ (свыше 300 №№) находится всего лишь четыре картины масляными красками—«Катерына», «Голова молодого человѣка», «Портретъ кн. Репниной» и «Кочубей». Г. Горленко въ «Кіев. Стар.» 1888 г. указываетъ еще на три картины Шевченка масляными красками—пасѣчникъ, портретъ Маевской и собственный портретъ.

Уже по малочисленности картинъ Шевченка масляными красками двѣ харьковскихъ его картины представляются интересными, а если принять во вниманіе, что картины эти бросаютъ свѣтъ и на пройденную Шевченкомъ художественную школу, указываютъ на главныхъ его учителей

и вдохновителей, Рембрандта и Брюллова, то за ними нужно признать и нѣкоторое историческое значеніе, быть можетъ, не совсѣмъ малое въ глазахъ любителей исторіи распространенія въ Россіи художественнаго образованія.

Въ Харьковѣ есть частный музей, небольшой по числу картинъ, но составленный съ большимъ художественнымъ вкусомъ, съ крупными затратами—имѣемъ въ виду художественную коллекцію Б. Г. Филонова. Есть въ этой коллекціи такіе шедевры, какъ «Узникъ» В. Е. Маковскаго, одно изъ лучшихъ произведеній этого художника; «Пушкинъ, читающій нянѣ свои сказки» Ге—картина, нѣкогда украшавшая кабинетъ Некрасова; «Крестьяне за столомъ» Мясоѣдова—одно изъ лучшихъ его произведеній въ излюбленномъ имъ родѣ жанра; большая картина Айвазовскаго, замѣчательная тѣмъ, что на ней нѣтъ моря; картина изображаетъ малорусскій пейзажъ—закатъ солнца въ степи; далѣе замѣчательны «Бобыль» Прянишникова, «Лѣсная тропа» Шишкина, «Березы» Волкова—небольшая, но прелестная картинка, «Степь» Васильковскаго, «Лѣсъ» бар. Клодта, портретъ неизвѣстнаго (Алфераки?), по предположенію кисти Брюллова, и др.

На видномъ мѣстѣ виситъ большая картина Шевченка «Спаситель», вышиной аршина два и шириной полтора, въ большой золоченой рамѣ, въ верхней своей части закрывшей надпись І. Н. Ц. І.—обычную въ запрестольныхъ образахъ. По преданію картина эта была нарисована Шевченкомъ, по заказу крестьянъ, въ одну сельскую церковь, какъ запрестольный образъ; но затѣмъ сельское общество прислало другихъ своихъ представителей, которые вызвали чѣмъ-то неудовольствіе художника, и картина была имъ подарена петербургской школѣ рисованія и живописи. Долгое время она здѣсь служила для учениковъ источникомъ копированія, была выставлена на Морской для продажи по оцѣнкѣ въ 1700 руб. и куплена Б. Г. Филоновымъ съ уступкой за 1350 руб. Работа чистая; краски свѣжія, отлично сохранившіяся; но стиль чисто академическій. Христосъ изображенъ по поясъ въ профиль со взоромъ, обращеннымъ на небеса. Ликъ, какъ и должно быть въ запрестольномъ образѣ, исполненъ величаваго достоинства и носитъ печать сердечной доброты. Въ картинѣ замѣтно вліяніе Брюллова, и самый ликъ Христа напоминаетъ отчасти ликъ Спасителя въ картинахъ и эскизахъ Брюллова, изображающихъ «Положеніе Христа во гробъ». Если вѣрно предположеніе о принадлежности этой картины Шевченку, а сомнѣваться въ томъ нѣтъ достаточнаго основанія, то «Христосъ» Шевченка представляется одной изъ лучшихъ картинъ школы Брюллова.

Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковскаго университета находится небольшая картина Шевченка, написанная на холстѣ масляными красками съ надписью бѣлой краской: «Та нема гирше такъ никому, якъ бурлаци молодому». Высота картины 6¼ вершк., ширина 5½ вершк. Картина эта поступила въ университетъ въ даръ въ 1879 г. отъ проф. Н. Д. Борисяка. На картинѣ находится поясное изображеніе пожилого малоросса, съ небольшими усами, безъ бороды и безъ бакенбардъ. Улыбка на лицѣ не отвѣчаетъ надписи. Бурлакъ лѣвой рукой подпираетъ щеку, а въ правой держитъ маленькую трубочку-люльку. Фонъ картины почти совсѣмъ черный. Коричневый пиджакъ освѣщенъ слабо; ярко освѣщено лишь лицо, руки и трубочка. Вблизи изъ чернаго фона у стола выдѣляется неясно какой-то предметъ за деревянной перегородочкой; тоны и композиція рембрандтовскіе; вообще вся эта небольшая картинка, хотя и не отличается высокимъ художественнымъ достоинствомъ, замѣчательна, какъ лучшій образецъ рембрандтовскаго вліянія на Шевченко [1]).

Если ужъ говорить объ учителяхъ Шевченка, какъ офортиста, то истиннымъ руководителемъ Шевченка былъ не столько проф. Іорданъ, который былъ граверомъ иглою или рѣзцомъ, а не офортистомъ, сколько Рембрандтъ, какъ геніальный образецъ. Съ Рембрандтомъ Шевченка связывало какъ сходство вкусовъ, такъ и склонность къ свѣтотѣни. Шевченко рано полюбилъ и сталъ изучать Рембрандта. По словамъ В. В. Тарновскаго, Шевченка въ академіи называли русскимъ Рембрандтомъ, по существовавшему тогда обыкновенію давать наиболѣе даровитымъ ученикамъ названія излюбленныхъ художниковъ-образцовъ, съ манерой которыхъ работы этихъ учениковъ имѣли наиболѣе сходства. Въ офортахъ Шевченка обнаруживаются характерныя черты работъ великаго голландца: тѣ же неправильныя, пересѣкающіеся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ штрихи, длинные, частые для фоновъ и затемненныхъ мѣстъ, мелкіе, почти обрывающіеся въ точки въ мѣстахъ свѣтлыхъ, причемъ каждая точка, каждый мельчайшій завитокъ, являются органически необходимыми, то какъ характерная деталь изображаемаго предмета, то для усиленія чисто свѣтового эффекта. Для изученія картинъ Рембрандта, Шевченко имѣлъ богатый источникъ въ знаменитой рембрандтовской залѣ Императорскаго Эрмитажа, и что изученіе это простиралось на картины Рембрандта—доказательствомъ служитъ харьковскій «бурлака».

Въ 1893 г. въ Харьковѣ гостила интересная коллекція рисунковъ Шевченка— собраніе Каховскаго въ количествѣ 281 №. За коллекцію просили 3000 руб.; мѣстный художникъ С. И. Васильковскій опредѣ-

---

[1]) Снимокъ данъ въ «Альбомѣ выставки XII Археол. Съѣзда» 1903 г., л. 48.

лилъ стоимость рисунковъ въ 300 руб. Б. Г. Филоновъ предлагалъ 1000 руб.; но соглашеніе не состоялось, и коллекція была возвращена по принадлежности. Краткое описаніе этой коллекціи далъ въ «Кіевск. Стар.» г. Русовъ, видѣвшій ее въ Харьковѣ. Такъ какъ во 2-мъ т. каталога музея В. В. Тарновскаго 1900 г. встрѣчаются многіе рисунки, поименованные въ статьѣ г. Русова, то можно думать, что коллекція эта вошла въ составъ этого музея; но отсутствіе въ каталогѣ г. Гринченка названій нѣкоторыхъ рисунковъ украинскаго содержанія, упомянутыхъ въ статьѣ г. Русова, вызываетъ предположеніе, что собраніе Каховскаго вошло не въ полномъ своемъ составѣ, и, если предположеніе это вѣрно, то приходится только пожалѣть о томъ, такъ какъ музей Тарновскаго обратился въ общественное учрежденіе.

Въ послѣднее время рисунки Шевченка случайно попали на выставку гоголевско-жуковскую въ Москвѣ въ 1902 году и на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 г.; но здѣсь они терялись въ массѣ другихъ предметовъ. Въ Харьковѣ были выставлены двѣ гравюры Шевченка 1844 года—«Судня рада» и «Дары въ Чигиринѣ»—обѣ изъ коллекцій проф. М. М. Ковалевскаго въ Двурѣчномъ Кутѣ харьковскаго уѣзда, и приписываемый Шевченку рисунокъ «Сельскій праздникъ» [1]).

Въ заключеніе настоящей статьи не могу не повторить уже высказанное пожеланіе (напримѣръ, г. Горленкомъ въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г.), чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы въ формѣ совмѣстнаго собранія, что весьма пригодилось бы и для исторіи русскаго искусства, и для біографіи Шевченка.

---

[1]) Снимокъ данъ тамъ же, л. 31.

8.

И. И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ.

Въ маѣ 1893 года въ екатеринославской земской больницѣ скончался даровитый этнографъ и поэтъ Ив. Ив. Манжура, человѣкъ глубоко несчастный. И. И. Манжура страдалъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его пріѣзда въ Харьковъ въ 1885 году, когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно больной и потерянный человѣкъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ, крупное поэтическое дарованіе и живой интересъ къ народоизученію.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6-го іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣто провожу въ своемъ хуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: «Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; разскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто вродѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слыхали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкралъ и привелъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревицкой, скоро попалъ въ часть, въ тогдашнюю яму, въ общество всякого отребья. Былъ я въ это время и не помнящимъ родства, ѣлъ изъ арестантскаго котла, былъ и пріемнымъ сыномъ у какого-то пожарнаго или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцомъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ прошелъ съ отцомъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалялся отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмачки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои

шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патеръ мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромлѣ я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе: но мой маршрутъ лежалъ черезъ Харьковъ; другого я не зналъ. Буду разсказывать по порядку. Въ Боромлѣ отецъ запилъ: обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ, въ шинкѣ прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минутъ я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой-то боромлянки. Отправляясь въ лавку, я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и разсказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрашиваній, она согласилась, даже показала и разсказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ; бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ѣвши, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ-то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая-то рѣка [1]). Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чумаки меня приняли, и, благодаря моей бойкости, даже поручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокалывалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда сами ѣхали. Но на утро, видно, раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой-то боръ. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему-то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорогой обувь), вышелъ на какіе-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, разспросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему плелъ), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отправить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сошелся съ партіей какихъ-то, очевидно,

[1]) Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

профессіональныхъ, богомолокъ, которыя велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, поводивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я пошелъ съ ними, не знаю за чьего-то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъ ѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: «Ваня, Ваня», или что-то вродѣ этого. Оказалось—что это ѣхалъ на богомолье мой бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросивши, что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заштатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія. Не правда ли, просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего patera не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣритъ».

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 году, учился въ харьковской второй гимназіи, гдѣ былъ моимъ товарищемъ до 5 класса, когда вышелъ изъ гимназіи. Это былъ нѣсколько сумрачный и некрасивый лицомъ юноша, способный, но какой-то угловатый. Одно время онъ учился въ ветеринарномъ институтѣ, но курса въ немъ не кончилъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ поселился у одного екатеринославскаго помѣщика, своего товарища по гимназіи, и съ этого времени начались его этнографическія изученія. Манжура входилъ въ глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ, на пасѣкахъ, и такимъ путемъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній о бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ малорусскаго народа, превосходно усвоилъ его живую и литературную рѣчь. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ проживалъ большей частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ Манжура не прерывалъ до самой кончины.

Въ 1889 году, при содѣйствіи проф. А. А. Потебни, вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры «Степови думы та спивы».

Мои личныя сношенія съ Манжурой были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по вопросу о редактированіи приготовляемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсенъ. Такъ какъ сборникъ написанъ «кулишевкой», то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чему его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: «всѣ свои позорящія качества я отри-

нулъ и исправился»; но это «исправленіе» было непродолжительное, и въ февралѣ 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: «Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.); можно было бы пріодѣться и устроиться, а то я — яко благъ, яко нагъ, перебиваюся по пригороднимъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку».

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой матеріальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгоношествомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки «Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ», а въ 1886 г. передѣлку другой сказки «Лыха годына». Приславъ мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: «Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелыкивъ, я замѣтилъ, что симпатичные разсказы, напр., Мордовцева «Дзвонарь» и «Салдатка», а также оповидання Марка Вовчка и другіе подобные наводятъ на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ разсказы Стороженка и Квитки одушевляютъ слушателей, заставляютъ смѣяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни — она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей».

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспондеціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: «Не везетъ мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту.

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ этнографическихъ записей; я ихъ не бросаю. Не знаю писалъ ли Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ московскому обществу любителей антропологіи и этнографіи [1]), №№ болѣе полусотни, да и теперь кое-что имѣю. Кромѣ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

[1]) Манжура состоялъ членомъ этого общества.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ «у въ одно око». Вѣдь это, сколько помнится, приключеніе Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ «у въ одно око», сандаліи, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и перешлю для Общества, можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ «Декамерона» и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ».—Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: «Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ *улешныхъ* пѣсенъ въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоятъ особенно и темъ общепѣсенныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ».

При письмахъ И. И. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографическаго ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задушевности выдается «Велыкдень».

На зразокъ зъ Я. Полонськаго.

Я свитло погасывъ, дримаю въ самотыни.
Ажъ чую въ хату ось поналиталы
Сумни, таемни-жъ, марнишни тини
И въ головахъ у мене поставалы.
И чуты жъ воны таемно шепотилы:
—Хай засне винъ, душею хай скротытся...
—А чи давно его мы счастеви радилы?..
Нехай же добрый сонъ ему прыснытся.
—Бидаха вже заснувъ, глядить якъ винъ кохае...
—То мыла любо думку его буде...
—А завтра винъ цего ничего не згадае,
—А то й зъ проклёномъ згадуваты буде.
—Погляньте якъ пры насъ ви сни винъ молодіе,
Якъ може винъ ще вирыты й любыты,

—А завтра бидный гиршь винъ знову постаріе
—И пиде якъ допрежъ цего терпиты.
—А мы?.. Мы ранкомъ подамось укрыти снамы
—Та мріямы людськими всего свиту,
—И счастя мрія те жъ полыне зъ намы,—
Завьялый квитъ колышнего розцвиту.

Стихотвореніе Полонскаго безъ особаго заглавія было напечатано въ 12 № «Нивы» 1891 г. Изъ этого видно, что передѣлка Манжуры сдѣлана имъ въ концѣ жизни:

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
Нахлынувъ, темною толпою ко мнѣ влетѣли;
Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи
И увидѣлъ ихъ тьму вокругъ моей постели.
Таинственно онѣ мигали и шептались:
«Вотъ онъ сейчасъ уснетъ, сейчасъ угомонится...
Давно ль мы страстнымъ сномъ счастливца любовались,
Авось, веселый сонъ несчастному приснится.
Вотъ онъ заснулъ... бѣднякъ! Глядите, какъ онъ любитъ,
Подруги свѣтлыхъ дней онъ свѣтлый образъ видитъ...
Все это на яву онъ завтра же забудетъ—
И, все, что хуже сна, душой возненавидитъ...
Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ.
Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить
А завтра вновь сожметъ его житейскій холодъ.
И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...
И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ
Раскроетъ бездну золъ, вражды, потерь и горя,
Разбудитъ богача, измятаго развратомъ,
И нищаго, что пьетъ, изъ-за копѣйки споря...
А мы умчимся въ ночь, обвѣянныя снами
И грёзами живыхъ и мертвыхъ поколѣній,
И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами.
— Поблеклые цвѣты весеннихъ вожделѣній»,
Полуночныхъ тѣней уловленныя рѣчи
Встревожили мой сонъ и подняли съ постели,
Я руку протянулъ и вновь зажегъ я свѣчи;
И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,
И къ окнамъ хлынулы, и на порогѣ стали—
Я видѣлъ при огнѣ ихъ чуть замѣтный трепетъ;

Но то, что я писалъ, онѣ ужъ не видали,
И я записывалъ таинственный ихъ лепетъ.

Сравненіе стихотвореній показываетъ, что Манжура сократилъ переводъ въ серединѣ на 4 строки и въ концѣ на 7 строкъ.

На Купала.

На купала—дивча мало
Виночка зьязаты,
Та не знало одыноке—
Кому его даты.
Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ
Жупанъ голубенькій,
Лычко биле—якъ у пана,
И самъ молоденькій.

Сполохнулось серденятко
Дивоче, якъ пташка;
—Ось для кого мій виночокъ,
—Колы ёго ласка.
Та пройихавъ козакъ поузъ
И окомъ не глянувъ...
А дивча винокъ порвало—
Щобъ марно й не вьянувъ.

Велыкдень.

Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!
Лунае въ селахъ и зъ небесъ.
Любують янгольскія очи
На те, якъ рады ціи ночи,
Изъ пиднебеснои имлы
На землю зори мовъ зійшлы...
Бо де не церква—тамъ видъ брамы
Іи святои—якъ зиркамы
По селахъ вкрылысь вулычкы...
Тожъ не зирки, а свичечкы,
Що люде добри посвитылы
По-надъ паскамы и освятылы
Той божій даръ, та це весели
Несуть до риднои осели,
Де жде мала ихъ дитвора...
Весела, радистна пора!
Та сердце щось мое бо, друже,
Радіе ій теперъ не дуже...
Не разъ зъ очей слезу змахнешь—
Якъ крадькома хочь позирнешь.
На радисть цю людську та втиху...
Оттакъ прыспало его лыхо.

Бурлана.

Та вже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови
Мандривочка пахне.

—

Та теперь вже молоденькій
Коня не сидлае,
А цапыни постолы винъ
На ногы взувае,

—

Замистъ спыса бере косу,
За шаблю--мантачку;
За кырею жъ одягае
Свытыну бурлацьку

—

Не пытае у дивчины
Теперъ винъ дорогы—
Куды у Крымъ, куды на Динъ,
Куды за порогы,

—

А пытае въ молодои
Нимецькои хаты,
Дебъ то статы—заробыты
Соби хочь на латы.

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаетъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Кое-что исключено было цензурой; кое-что устранено изъ того, что уже было ранѣе въ печати. Такъ, въ «Степовыя думы» не вошла «Веснянка», напеч. Манжурой подъ псевдонимомъ Иванъ Каличка въ 12 № «Степи» 1886 г.

Весняночка—паняночка,
Чомъ на тоби пусто?
Чомъ не мае челядонькы,
Якъ бывало густо.
На вулыци била челядь,
Весну такъ гукае
Самисенька.... Парубацтво
Десь іі блукае
У далекихъ зарабиткахъ
По чужихъ краинахъ,—
Що зъ осены розыгнала
Тяжкая годына
Усыхъ зъ дому—кого куды
Хлиба заробляты....
Тильки въ сели и зостались
Хвори та дивчата.
Не весела вулыченька,
Сумни іі спивы....
Ой, зиглянься на ихъ долю,
Боже мылостывый!

Лирическія стихотворенія можно распредѣлить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическія стихотворенія—«Маты», въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, «Весна», «Споминъ», «По весни», NN (Самъ не знаю), «Мынуле», «Переспивъ» (Мени цвила...), въ которыхъ выразились воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости, первое вступительное стихотвореніе «Не треба мини», въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и

опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи («любовь къ людыни»), и въ особенности «До товарыща», «Писня» «Босяцька писня», «Старый музыка», «Бурлака», «Бурлакова могыла» и «Незвычайный». Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный“ и «До товарища».

Нема сылы, нема воли,
Нема и небуде,
Бо ще змалку повыилы
Все чужіи люде.
Не такъ люде въ чужихъ хатахъ,
Якъ ридный той батько;
Нехай ему Богъ прощае,
Мени жъ—а ни гадкы.
Тилько инколы въ куточку
Пожурышься стыха,
Та гирькою (не слёзою...)
Зальешъ свое лыхо.

Якъ зальешъ—мовъ позабудешъ,
Пишовъ шкандыбаты;
Заразъ люде и пидзорять
Та й ну дорикаты.
«Хвылозопію» пидпустять,
«Нравственность» якусь то...
А бодай имъ божевильнымъ
Симъ разъ на день пусто!
Воны певно, бачъ, обашни!
Имъ про те байдуже,
Що тутъ серце въ грудяхъ плаче
Зпивечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно «шкандыбалъ».

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ василечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхе горе та бидонька
Мовъ гирька та лобидонька
Его змалку проросло.
. . . .

. . . .
И теперь ось даремное
Життя наше никчемное
Соби марно досклива—
Мовъ огоныкъ въ дороженьци
На попасномъ обложенци
Де забутый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполнѣ народными, частью лично-субъективными, вполнѣ оригинальными. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительнаго сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелесть этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи «попасный облогъ», т. е. поросшія спорышемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссійскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей «забутый огоныкъ». Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественнаго созерцанія природы.

Соціально экономическія стихотворенія посвящены тому, что составляетъ въ Малороссіи «власть земли»—земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ «хлиборобскихъ» стихотвореніяхъ на первый планъ выступа-

ютъ заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостачъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картины живительнаго лѣтняго дождя и губительнаго града. Таковы: «Дума», «На степу и въ хати», «Зъ заробитковъ», «На добрій ныви», «Грядъ», «Сонъ», «Роскишъ-доля». Здѣсь выступаютъ все «темни сиріи люде», для которыхъ хлѣбъ—«святый», которые при хорошемъ урожаѣ говорятъ «гарнее житце, помножъ его Боже». Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ «радіе», когда дождь ороситъ истомленную засухой ниву; съ нимъ «турбуется», когда нива лежитъ «стомлена, спечена, пыломъ прибыта»; этимъ доброжелательствомъ внушены два молитвенныхъ стихотворенія «Зъ охрестамы» и «Страсты». Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія «На пасици» и «Бджолы». Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всей обстановкой малороссійскаго пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотвореніе--баллада «Ренегатъ», затѣмъ «Нечеспа», «Веснянка», «Нехай», «Переспивъ» (Зиронька ясна), «Въ раньци»—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описаніе тумана я нахожу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстникѣ 1893 г.) и «Лыліи». А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малоизвѣстной поэзіи И. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошны лыліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
На втыху соби завезлы.
Любують ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ,
На нихъ якъ погляне, нудьга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать.
Оттакъ воны пышни, усякому втишни
Мыръ въ сердце людське подають,
А люде не знають и гадкы не мають,
Якъ слезы въ почи воны льють.
Чого жъ то имъ шкода? Аджежъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ е...
Нелюба имъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ кращи у бидній краини ихъ ридній

За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и вихорь летючый,
Що ихъ опалялы колысь....

Далѣе слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтическаго образа къ дѣвушкѣ, заѣхавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Неначе лыліи мои;
Сдаеться й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ ридпимъ краи.
Твій поглядъ ясненькій, твій смихъ веселенькій
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ витають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай бо ни вроку)!
Та й скажешъ: «життя тоби рай»,
А вся жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ «Лиліяхъ» Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно— и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнанныхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О «байкахъ» не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большею частью подслушанные у народа. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Какъ поэтъ, Манжура обладалъ превосходнымъ знаніемъ малорусскаго языка и большой чуткостью къ художественнымъ красотамъ народной словестности.

Въ краткомъ отзывѣ о «Степовыхъ спивахъ» Манжуры въ сент. кн. Кіевск. Стар. 1889 г. В. П. Горленко отмѣчаетъ знаніе сельскаго народа и языка, имъ созданнаго. «Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, по словамъ критика, сообщило стихамъ Манжуры характеръ реальности». Къ лучшимъ стихотвореніямъ причислены «Зъ охрестамы», «На пасици», «Бурлака», «Бджолы». Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣченъ «сухой разсудочный характеръ». Далѣе критикъ говоритъ, что у Манжуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета по агрономіи или изъ

доклада статистическаго бюро, встрѣчаются странныя, какъ бы выдуманныя слова, мѣстами неуклюжія выраженія.

Въ болѣе суровомъ отзывѣ въ галицкой «Зорѣ» Манжурѣ поставлено было въ вину незнаніе малорусскаго языка, человѣку, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему пѣшкомъ харьковскую и екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсенъ и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же послѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ «Зорѣ» упрекали Манжуру въ незнаніи малорусскаго языка, глубокій лингвистъ и общепризнанный знатокъ малорусскаго языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именно за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ. И. И. Манжура при тяжкой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая, онъ могъ сказать словами Мармеладова въ «Преступленіи и Наказаніи» Достоевскаго: «пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день...и всѣхъ разсудитъ и проститъ».

* * *

Заслуги Манжуры, какъ этнографа, велики. Записи его многочисленны, разнообразны, точны. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ было имъ собрано въ екатеринославской губерніи и сообщено П. В. Шеину. Въ «Русской Старинѣ» Манжура издалъ три великорусскія историческія пѣсни—«Осада Смоленска», «Взятіе Хотина» (Кистрина?) и «Новороссія». Громадное большинство записей малорусскія. Часть ихъ поступила въ Кіевъ въ Юго-западный отдѣлъ Географическаго общества и была издана М. П. Драгомановымъ въ «Малорос. народ. преданіяхъ» и въ «Полит. писняхъ украинскаго народа»; часть поступила въ Харьковское историко-филологическое общество и была издана во 2 и 6 томахъ его Сборника. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны Манжурой въ «Кіевской Старинѣ», «Этнографич. Обозрѣніи», «Живой Старинѣ», «Степи» и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ». Въ общей сложности матеріалы, собранные Манжурой, составляютъ весьма цѣнный

вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній Манжуры «Степовы спивы та думы». А. А. Потебня высоко ставилъ Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ «Сборника Харьк. историко-филол. общества» и издалъ «Степови думы». Въ 1891 г. Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при Московскомъ университетѣ избрало Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О наиболѣе крупномъ трудѣ Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ «Этнограф. Обозрѣніи», «Wisla» и «Revue des traditions populaires».

Этнографическіе матеріалы Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ «Малор. нар. преданія и разсказы» (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей Манжуры. По признанію редактора этого сборника *Драгоманова*, отъ Манжуры поступило «особенно много и все превосходнаго качества». Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ «Рус. Стар.» 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ «Древ. и Нов. Россіи» 1877 г. Манжурой сообщены апокрифическіе разсказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), разсказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и насѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разсказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разсказы изъ записей Манжуры разбросаны въ «Кіев. Стар.», «Степи», «Этногр. Об.» и «Жив. Стар.». Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ «Кіев. Стар.» 1888, VIII, 50—53, въ Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888, № 67 и въ «Живой Стар». 1892, I, 80 напечатаны Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ «Кіев. Стар.» Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе рыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ «Кіев. Стар.» 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда *о Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментаріемъ Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены мной въ 1 вып. «Соврем. малор. этногр.» при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой «юги» (св. Петро вивци гопе). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, пріуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, «якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли». Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ «Кіев. Стар.» 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка Манжуры къ вопросу *о кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемыя народомъ (кумы клыканые, стричаные и одкупные).

Въ «Кіевск. Стар.» 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову;* въ «Кіев. Ст.» 1890, X, 151 маленькая замѣтка *о полозѣ;* въ «Живой Старинѣ» 1892, II, 78—79 три разсказа объ *упыряхъ*—варіанты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ «Степи» (1885—1886) и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ» (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ Манжуры, напр. въ 51 № «Степи» 1886 статейка *о купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ Манжуры «*Сказки, пословицы и т. п., зап. въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ*» напечатанъ въ II т. Сборника Харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника нахо-

дится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, «Довгомудыкъ» и «Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ».

Сказка «Довгомудыкъ» (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкурку и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка «Баринъ, пѣтухъ и жорновы» записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣтухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклятый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ его ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (Zavilinski, Z powieesci i piesni № 5).

Во французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфаліи, въ

Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцовъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однѣхъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ «Fraschmeuseler» Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin*, Contes popul. II, n. 45). Очень любопытный японскій варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ «*День*» 1891, № 1270 и въ «*Москов. Вѣдом.*» 1891 № 332.

Сказка «Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ» имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьяго рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листъ и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того какъ баранъ сбилъ себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расчину, и, наконецъ, попадья сказала попу, послѣ того какъ онъ обрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка «O swince pyrdce»: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакѣ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку—крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski*, Powiesci i opowiadania, I, n. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ «*Wisla*» 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошъ и блоха или мышь, въ испанской—муравей, въ сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ. Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева, и, узнавъ о несчастіи воробья, сбилъ свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль; далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: «жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога» и проч. Таковы были похороны жены воробья (Ib., I, 206--207).

Двѣ маленькихъ сказки «Павукъ та соплякъ» и «Блоха та муха», въ которыхъ городъ противоставляется селу, мѣщане--крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня «Блоха и муха» записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими, именно: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, о Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Киріакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ея богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказочные мотивы этого рода принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія

же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себильо, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), грековъ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аѳанасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Киріакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ, Jean de l'Ours—французскихъ, Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Jean de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы итальянской сказки. Коварные друзья Киріака Вернydубъ и Вернырора являются и во французскихъ сказскахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ миѳическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстныя особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку находится краткое описаніе свадьбы: «зійшлысь бабуси, липлять шишки, каравай, все шо тамъ треба». Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червоные черевички.

Болѣе мѣстно—народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго простонародія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка «Двѣ доли» имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, «Дидъ та ракъ»—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія, «Божа тростка»—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующіе литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонъ). «Отъ йиде, а ослинъ и миша ему спаты: э, каже, чортивъ ослинъ! я на двохъ ногахъ та и то бъ до дому дійшовъ, а ты на чотырёхъ та недойдешь? — та взявъ и скинувъ его зъ воза» (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной

въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: «ты на трехъ ногахъ скорѣе меня можешь прійти домой, если захочешь; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ», и пошелъ другой дорогой (*Cosquin,* II, 178).

Нѣсколько разсказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ незакрытыхъ и неперекрещеныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка «Вѣдьма прячетъ зори» представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мною въ «Кіев. Стар.» 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью «Сказанія о займѣ дней» въ «Рус. Филол. Вѣстникѣ» 1891, № 3.

Въ сборникѣ Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка «Якъ вовкы въ хати завелысь» ранѣе была уже извѣстна по сборникамъ *Рудченка,* I, № 61, *Чубинскаго,* II, № 39 и *Kolberg'a* («Pokucie», IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка «Якъ чоловикъ у коробку стукавъ»: Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: «Мини здается, якъ бы ты взявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ распрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнитъ, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнитъ, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: «Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ, чья рука вѣрнѣе

бросить». Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣстъ. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. «Чего ты такой веселый сегодня?» спрашиваетъ его купецъ. Сипай разсказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣрье, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ варіантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныя лѣчебныя средства. По мнѣнію народа, «дорога», т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: «якъ бигалы видъ панивъ, то по ній и шли» (148). Не лишеннымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй представляется народное повѣрье: «якъ смалыты ракову шкаралупу, то гадюки позлазятся до вогню» (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: «якъ колютъ къ Риздву кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша» (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій «юга—це Петро вивци жене» (157) разъяснено Манжурой въ сентябр. кн. «Кіевской Старины» 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: «Сишненко (февраль) казавъ: «якъ бы мени батькови лита, то я бъ быкови третяковы ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромыселъ до плечей приморозывъ» (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяцъ, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ «Romania» 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaineanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ «Сны и ихъ значеніе». Всего 71 толкованіе. Матеріалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обра-

щено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ «Этногр. Обозр.» 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованїяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своебразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голуби—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь, горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря—ссора, судъ—хлопоты, орелъ—свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣріями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуетъ 400 приказокъ и присловій съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про «пюхаривъ», бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрёзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., «хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы» (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобитъ, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): «Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu» (глаза), или «J'accroupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme» (треножникъ и кострюля) и мн. др. т. п. (Κρυπτάδια, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари бѣдны въ количественномъ отношеніи и неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментаріемъ, именно, слова: «кумъ», «дубъ», «клейно», «гуркало», «пашена яма», «прытьмо» и «пужарь». При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстныя названія животныхъ и растеній: волыкъ, дженчыкъ,

келепъ, музычка, невстаха, носаль, пичкуръ, полежань, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарѣ приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (авряктъ, арышъ) изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ «Полит. пѣсни» Драгоманова—малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что въ большинствѣ могли быть изданными и въ Россіи. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей Манжуры: варіанты къ напечатаннымъ въ 1 т. «Истор. пѣс. малор. нар.» Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватаньѣ), начало пѣсни «Павлечко коника сидлае», пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня «Та ще не свитъ», относимая или къ 1776 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ »Кіев. Стар». 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки «Стоитъ яворъ надъ водою» и пр. (Относятъ ко времени алешковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня («Зажурилась Украина» и пр.) представляетъ варіантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей Манжуры пѣсню про Морозенка («Та литае воронъ»), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ «Кіев. Стар.» 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дивчину, приглашавшую казака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго пріуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣ-

чается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щеголева «Орелъ».

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ «Кіев. Стар.» (1883 г., I) напечатана пѣсня «*про украинскую гетеру*»; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ «Объясненіяхъ», II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь типъ свободной украинки», какъ та «Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна» (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. «Кіев. Стар.» 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку *о нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акад.» 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великорусовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у малороссовъ цѣлой литературы о табакѣ. Извѣстно много народныхъ разсказовъ и пѣсенъ о пристрастіи къ табаку малороссіянъ, въ особенности запорожцевъ [1]).

Уже по смерти Манжуры, въ VI т. Сборника Харьк. истор. филол. общества 1894 г. были напечатаны записанныя имъ въ екатериносл. губ. малорусскія сказки, преданія, пословицы и поговорки, съ приложеніемъ моихъ библіографическихъ указаній. Этотъ сборничекъ въ 37 стр. заключаетъ въ себѣ много характерныхъ анекдотовъ, присказокъ и присловій. Всѣхъ присловій 233, и во многихъ изъ нихъ ярко отражается украинскій бытъ, украинская народная психологія.

Въ екатеринославскихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяно значительное число маленькихъ, но любопытныхъ этнографическихъ замѣтокъ. Такъ, въ Екатеринославск. Губ. Вѣд. 1888 г. № 67 напечатана Манжурой статья «О богатыряхъ», въ «Степи» 1886 г., № 7 ст. «Государыня широкая масляница», тамъ же въ № 6 некрологъ малорусскаго писателя Петра Раевскаго; попадались мнѣ еще въ какомъ-то екатерино-

---

[1]) См. *Эварницкаго*, Запорожье II, 14; *Его же*, въ «Екатерин. Губ. Вѣд.» 1889 № 63. *Я. Новицкаго* въ «Кіевск. Стар.» 1888, II, 20, *Катрухина* такъ же 1900, VIII.

славскомъ изданіи небольшія, но весьма интересныя замѣтки о названіяхъ рыболовныхъ статей, о бублейницахъ г. Новомосковска. Вездѣ видно живое, любовное отношеніе къ народной жизни; вездѣ обнаруживается умѣнье подмѣтить характерныя черты народнаго быта. Вездѣ есть нѣчто новое, впервые вынесеное наблюдательнымъ авторомъ изъ глубины народной.

Въ распоряженіи харьковскаго историко-филологическаго общества находится еще въ рукописи сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Манжурой въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ. Всѣхъ пѣсенъ—1135 №№—колыбельныхъ, свадебныхъ, историческихъ, колядокъ и др. Въ настоящее время сборникъ этотъ приготовляется для печати.

Вообще Манжурѣ принадлежитъ огромное число этнографическихъ записей высокаго научнаго достоинства, и нельзя не видѣть въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ фольклористовъ XIX столѣтія, а въ его сборникахъ чрезвычайно большого ископаемаго этнографическаго богатства.

9.

Суботы св. Дмытра.

30-го мая 1898 года въ Харьковѣ стоялъ ясный, теплый день. Екатеринославская улица, наканунѣ омытая и освѣженная обильнымъ весеннимъ дождемъ, выглядывала весело и чисто. Солнечные лучи заливали дома, экипажи, прохожихъ. Тѣмъ печальнѣе выдавалась на этомъ фонѣ мрачная похоронная процессія: къ мѣсту вѣчнаго успокоенія несли харьковскаго старожила, талантливаго малорусскаго поэта Якова Ивановича Щоголева.

По случайному совпаденію, въ этотъ же самый день на окнахъ книжнаго магазина «Новаго Времени» появилась изящная книжечка въ весенней свѣтлозеленой обложкѣ, съ заголовкомъ: «Я. Щоголевъ. Слобожанщина. Лирна поэзія», въ 145 страницъ, съ 103 стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, съ эпиграфомъ «теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ».

Вышла эта книжечка на улицу проводить почившаго поэта, и своимъ внѣшнимъ видомъ какъ бы говорила, что «есть бо древу надежда, аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ и лѣторосль его не оскудѣетъ»...

Такъ провожала своего поэта старая слобожанщина, сама постепенно вымирающая среди новыхъ условій жизни, новыхъ теченій, новыхъ потребностей, стирающихъ все старое, слободско-украинское.

«Въ Слобожанщинѣ» есть слабыя стихотворенія, написанныя очевидно человѣкомъ старымъ и больнымъ, напримѣръ, «На чужыни», «Рута», «Родына», «До чарывныци», «Крамарь», «Три дороги».

Но въ той же «Слобожанщинѣ» встрѣчаются прекрасныя стихотворенія, по красотѣ языка и художественной законченности, напримѣръ, «Зимній ранокъ», «Хортыця», «Травень», «Барвинова Стинка», «Ничъ», «Въ диброви», «Зимній шляхъ», «Бабусина казка», «Клыментовы млыны».

Прекрасно, напримѣръ, послѣднее, «Клыментовы млыны», большое стихотвореніе, гдѣ народное повѣрье о появленіи огненнаго пѣтушка

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ.
(† 1898 г.).

Къ 139 стр.

на мѣстѣ заклятаго клада изложено въ правдивой бытовой обстановкѣ, съ сохраненіемъ мѣстнаго колорита. Изъ 41 куплета лучшіе первые одиннадцать, гдѣ описанъ сосновый боръ подъ Ахтыркой, по дорогѣ въ Тростянецъ, и помолъ на водяныхъ мельницахъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Здѣсь сказался въ лицѣ автора мѣстный ахтырскій уроженецъ, живо сохранившій до конца дней своихъ вынесенные изъ дѣтства дорогіе образы родного края.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ обоихъ сборникахъ стихотвореній Я. И. Щоголева, окрещенныхъ имъ мѣстными названіями «Ворскло» и «Слобожанщина», найдется немало сильныхъ и выразительныхъ стихотвореній, настолько сильныхъ, что любая европейская литература отвела-бы имъ почетное мѣсто.

Въ общемъ, подъ свѣтлой обложкой «Слобожанщины» скрывается мрачная поэзія. Грозный призракъ смерти витаетъ надъ стихотвореніями Щоголева. Стихи написаны поэтомъ въ старости и въ болѣзняхъ, послѣ тяжелыхъ семейныхъ потерь, послѣ смерти дочери невѣсты и юноши сына, милыхъ и добрыхъ, отличавшихся большими музыкальными дарованіями. Оттого въ поэзіи Щоголева много грустнаго и тяжелаго. Одно изъ самыхъ мрачныхъ и наиболѣе характерныхъ для его міросозерцанія стихотвореній «Суботы св. Дмытра».

Дмитріевской субботой, какъ извѣстно, называется суббота передъ днемъ св. Димитрія Солунскаго 26 октября. День этотъ поминальный. Простой народъ изстари чтитъ этотъ печальный день; мѣстами народный обычай придаетъ поминальное значеніе и другимъ ближайшимъ къ 26 октября субботамъ.

Октябрь—время года мрачное и грустное, когда въ самой природѣ все замираетъ. Дни пасмурные. Сѣрое небо угрюмо. Деревья стоятъ, какъ обнаженные скелеты. Опалый листъ покрываетъ землю. Въ воздухѣ виситъ сырой туманъ. Часто льютъ безпросвѣтные, тоску наводящіе дожди, и монотонно журчащія дождевыя струи напоминаютъ слезы.

Стихотвореніе Щоголева начинается съ мрачной и унылой картины осени.

Бувъ день осинній. Сира мла
Габою [1]) землю одягла,
И сіявъ дощъ. Ишла пора
Передъ суботами Дмытра.

Народъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, чтитъ эти мрачные дни, какъ дни поминальные:

---

[1]) Габа—грубое сукно, старое слово турецкаго происхожденія.

А й доси нашъ веселый край
Шануе шыро той звычай,
Зъ которымъ ще прадиды жылы
И нащадкамъ въ ридъ передалы,
Щобъ въ ти суботы помынать
Кого намъ пріязно згадать.

Обычай старинный, особенно излюбленный въ средней Россіи, гдѣ сохранилось много поминальныхъ синодиковъ. Поэтъ создаетъ такой синодикъ въ своихъ мысляхъ,

Я въ думци вразъ перелетивъ
Ряды похованыхъ годивъ;

Передъ нимъ выростаетъ величественная и мрачная картина шествія умершихъ, картина въ духѣ Виктора Гюго и Леконта де Лиля.

Якъ въ темну пичъ въ таемнимъ сни,
Тоди побачылось мени,
Що зъ щирокоханыхъ могилъ
Встаютъ ряды безсмертныхъ сылъ,
И безборонно ти ряды
Идутъ—невидомо куды...

Первыми идутъ старики, усталые, похилые, безъ силъ, безъ надеждъ:

Онъ ветхи деньми. Въ очахъ йихъ,
Колысь блескучихъ и жывыхъ,
Утома, горе и годы
Зробылы буринні слиды.
Надій въ йихъ серци не жыве,
Нищо ихъ дали не зове,
Нищо не клыче йихъ назадъ,—
Недбало йде оджывшыхъ рядъ...

Мрачную и тяжелую сцену старческой немощи и горя поэтъ заканчиваетъ поминальнымъ обращеніемъ къ милосердію Божіему, какъ единственному и высшему утѣшенію:

О, помьяны, мій Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твойихъ!

Далѣе идутъ молодые люди, безвременно сошедшіе въ могилу. Самая смерть не могла вырвать изъ ихъ груди юной отваги и свѣтлыхъ надеждъ:

Дывлюсь: въ краси и мочи литъ,
Якъ въ день весняный первоцвитъ,
На зоряхъ шастья, зоряхъ сылъ

Встаютъ юнакы изъ могылъ;
Въ йихъ чыстыхъ душахъ теплынь мрій;
Въ йихъ очахъ свите блискъ надій;
Воны мынулымъ не жывуть
Воны чогось видъ доли ждуть;
На те й уваги йимъ нема,
Що йимъ дорогу перейма
Нещадно смерти гризна тинь
И жде въ земли холодна тлинь...

Далѣе тотъ же величественный поминальный аккордъ, для всѣхъ одинаково могучій въ борьбѣ съ смертью:

О, помьяны, мій Боже, йихъ
У житлахъ праведныхъ Твойихъ!

Но вотъ еще открываются печальные ряды загробныхъ тѣней, это идутъ молодыя женщины и дѣвушки, оставившія свѣтъ во цвѣтѣ лѣтъ.

...О не тамъ,
Царицы свита, жыты бъ вамъ!
Чаривни, постатью гипки,
На чолахъ мраморныхъ винки...
Я бачу искры йихъ очей,
Я чую голосъ йихъ ричей...

. . . .

Что замѣнитъ имъ красоту и радость жизни? Ничто, кромѣ высшей надежды на Божіе милосердіе, и поэтъ молитъ о немъ

О, звеселы, мій Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твойихъ.

Въ заключеніе повторяется тотъ же поминальный мотивъ, въ самомъ широкомъ обобщеніи, охватывающемъ всѣхъ—

И тихъ, хто тутъ безъ смуты жывъ,
И тихъ, хто страждавъ и терпивъ,
И хто бувъ гришный, хто святый,—
Иихъ дійи мылостью покрый!

Очевидно, Я. И. Щоголевъ среди умершихъ «юнаковъ» вспомнилъ своего сына, среди умершихъ «чаривныхъ ладъ» свою дочь; горечь семейныхъ утратъ вылилась въ страстномъ молитвенномъ обращеніи къ милосердію Божію за всѣхъ, за грѣшныхъ и святыхъ.

Мицкевичъ на склонѣ своей жизни, въ пылу религіознаго воодушевленія, находилъ, что для поэта одна только дорога—вдохновеніе и Богъ:

Wiedzcie, ze dla poety jedna tylko droga
W sercu szukac natchnienia i dazyc do Boga!

И для Щоголева въ концѣ жизни замерли и заглохли почти всѣ интересы и наклонности. Опорой осталось исключительно религiозное настроенiе, какъ единственное утѣшенiе поэта, котораго, судя по стихотворенiямъ въ «Слобожанщинѣ», постоянно преслѣдовала мысль о смерти.

Въ этомъ настроенiи, въ твердой незыблемой вѣрѣ, Я. И. Щоголевъ почерпнулъ силы и средства для созданiя стихотворенiя «Суботы св. Дмытра»

Всему свой чередъ; пришла очередь для поминанiя самого Я. И. Щоголева, и, памятуя «Суботы св. Дмытра», умѣстно помянуть почившаго поэта его собственными словами, чтобы Богъ «звеселилъ» его «у жытлахъ праведныхъ своихъ».

Терентій Марковичъ Пархоменко.

Пархоменко, одинъ изъ лучшихъ современныхъ бандуристовъ, род. въ 1872 г.—въ Сосницк. уѣздѣ Черниг. губ., учился въ школѣ, ослѣпъ на 11 году, бывалъ въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, гдѣ пользовался указаніями Н. В. Лисенка. Репертуаръ большой—54 пѣсни, въ томъ числѣ 10 думъ и 28 духовныхъ стиховъ. Подроб. см. въ V т. Сборн. Истор. Филол. Общ. при Нѣжинскомъ Институтѣ кн. Безбородко, въ монографіи проф. М. Н. Сперанскаго.

Къ 143 стр.

10.

Современное изученіе кобзарства.

Усчитать всю пользу, принесенную бывшимъ въ Харьковѣ XII археологическимъ съѣздомъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, по разнообразію связанныхъ съ нимъ явленій. Несомнѣнно только, что польза, большая, и, несмотря на значительное число журнальныхъ отчетовъ, далеко еще не выясненная въ главныхъ своихъ частяхъ. Несомнѣнно, что и Харькову, въ особенности харьковскому университету, археологическій съѣздъ пригодился во многихъ отношеніяхъ, премущественно, въ дѣлѣ расширенія знаній и накопленія цѣнныхъ коллекцій по этнографіи и археологіи. Къ несчастью, харьковскій университетъ, по своей хронической тѣснотѣ и бѣдности, не можетъ въ достаточной степени воспользоваться собранными матеріалами; два своихъ новыхъ музея—археологическій и этнографическій, университетъ вынужденъ держать па положеніи двухъ складовъ, для всѣхъ закрытыхъ, по неудобству помѣщенія и нагроможденности матеріала. Все это тѣмъ болѣе досадно, что есть силы, есть свѣдущіе люди, которые могли бы разсортировать все собранное богатство, могли бы установить его въ системѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, могли бы освѣтить своими объясненіями, и не достаетъ лишь матеріальныхъ средствъ; досадно тѣмъ болѣе, что людей этихъ и силъ не такъ много, и были годы, многіе годы когда ихъ совсѣмъ не было—имѣемъ въ виду, напримѣръ, каѳедру по исторіи искусства, которая нынѣ въ Харьковѣ занята ученымъ выдающагося трудолюбія и большихъ познаній, послѣ того какъ была вакантной около тридцати лѣтъ, имѣемъ въ виду многихъ мѣстныхъ спеціалистовъ по русской исторіи, археологіи и архивовѣдѣнію, когда еще такъ недавно въ Харьковѣ обнаруживались по этой части большіе недочеты, а въ 60-хъ годахъ русская исторія не читалась въ университетѣ по нѣсколько лѣтъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ людей.

Достойно сожалѣнія, что значительные запасы умственной и нравственной энергіи остаются безъ примѣненія, и какъ это ни странно, въ

приложеніи преимущественно къ университету, по причинамъ весьма разнообразнымъ, въ числѣ которыхъ тѣснота помѣщеній играетъ немаловажную роль.

Харьковскій археологическій съѣздъ далъ большой толчокъ изученію репертуара и быта кобзарей и лирниковъ и, повидимому, послужитъ исходнымъ пунктомъ вь дѣлѣ улучшенія ихъ соціальнаго и профессіональнаго положенія. Въ этомъ отношеніи харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ и его достоуважаемымъ предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой сдѣлано много, и результаты этой плодотворной работы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживаются и въ научной литературѣ, и въ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи кобзарей и лирниковъ наука и жизнь, древность и современность пошли рука объ руку, и предвидятся серіезныя пріобрѣтенія не только въ области знаній, но и въ сферѣ бытового добра и справедливости. Намѣчены пути для облегченія участи многихъ сотенъ несчастныхъ слѣпцовъ, добывающихъ себѣ скромныя средства къ жизни музыкой и пѣніемъ. Обратились къ ихъ подсчету, къ изученію ихъ матеріальнаго положенія, заговорили объ устройствѣ для нихъ спеціальной музыкальной школы, которая съ одной стороны должна сохранить лучшіе мотивы ихъ пѣсенъ и мелодій, съ другой—поднять ихъ технику и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заработокъ и облегчить имъ усвоеніе музыкальнаго кобзарскаго и лирницкаго репертуара.

Еще до открытія въ Харьковѣ археологическаго съѣзда уважаемый профессоръ Н. П. Дашкевичъ, предсѣдатель кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, выразилъ пожеланіе, чтобы харьковскій съѣздъ занялся кобзарями. Предварительный комитетъ издалъ спеціальную программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Частью по этой программѣ, частью независимо отъ нея разными лицами предприняты были соотвѣтствующія описанія, большей частью изданныя въ «Трудахъ Предварит. Комитета». Во время самого съѣзда было прочитано нѣсколько рефератовъ о кобзаряхъ и лирникахъ, и, благодаря усердію г. Хоткевича, устроенъ былъ общедоступный кобзарскій и лирницкій концертъ, о которомъ въ свое время были подробныя сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ. Главное, съѣздъ постановилъ возбудить передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ просьбу объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ, какъ хранителямъ старины, въ ея лучшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ остаткахъ. Начало было положено; интересъ къ кобзарямъ возбужденъ, дѣло изученія пошло расти, а съ нимъ стали отчетливо обнаруживаться и благотворныя послѣдствія ходатайства о покровительствѣ.

Въ научномъ отношеніи лучшимъ плодомъ харьковскаго археологическаго съѣзда по части изученія кобзарства представляется вышедшее недавно изслѣдованіе проф. М. Н. Сперанскаго о кобзаряхъ и лирникахъ, по даннымъ на съѣздѣ матеріаламъ, преимущественно о талантливомъ молодомъ кобзарѣ Пархоменкѣ, который извѣстенъ по участію въ концертѣ въ Харьковѣ. Проф. Сперанскій подробно останавливается на репертуарѣ Пархоменка. Вообще, какъ сводъ матеріаловъ въ строго научномъ распорядкѣ и освѣщеніи, книга проф. Сперанскаго производитъ хорошее впечатлѣніе и несомнѣнно принесетъ значительную пользу.

Благодаря доброжелательству и энергіи графини П. С. Уваровой, ходатайство о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ получило успѣшное направленіе. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве запросилъ сначала графиню П. С. Уварову относительно статистическаго матеріала. Графиня Уварова обратилась за справками въ нѣкоторыя южно-русскія ученыя Общества, ранѣе собиравшія свѣдѣнія, и въ частности поручила мнѣ составить докладную записку съ соотвѣтствующей фактической мотивировкой состоявшагося на археологическомъ съѣздѣ постановленія, что и было мною исполнено. Я препроводилъ свою объяснительную записку П. С. Уваровой, и графиня дала дѣлу дальнѣйшее движеніе, а что дѣло это подвигается, прямымъ доказательствомъ тому служитъ полученная мной обстоятельная работа кіевскаго губернскаго статистическаго комитета о кобзаряхъ и лирникахъ кіевской губерніи въ 1903 году, составленная по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мировыми посредниками и полицейскими чиновниками. Матеріалы эти редактированы опытнымъ лицомъ, г. Доманицкимъ, снабжены имъ маленькой объяснительной статьей, при краткомъ предисловіи г. Ник. Василенка. Въ данномъ трудѣ кіевскаго статистическаго комитета я съ удовольствіемъ нахожу оправданіе и подтвержденіе той мысли, которую я развилъ въ докладной запискѣ, а здѣсь я, между прочимъ, говорилъ, что по моему мнѣнію, ученыя Общества не располагаютъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ о кобзаряхъ, не могутъ одновременно производить изслѣдованія въ огромномъ раіонѣ всей южной Россіи и не обладаютъ такими средствами, чтобы широко поставить собираніе матеріаловъ, и что въ этомъ отношеніи само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ располагаетъ гораздо большими средствами для собиранія соотвѣтствующихъ статистическихъ свѣдѣній одновременно во всѣхъ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, причемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что для систематизаціи и изученія собраннаго матеріала въ южно-русскихъ

историко-филологическихъ Обществахъ найдется достаточно ученыхъ силъ. На дѣлѣ такъ и вышло; большой матеріалъ по кіевской губерніи собранъ органами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а разработанъ кіевскими учеными. Въ изданіи кіевскаго статистическаго комитета есть одинъ большой пробѣлъ—полное умолчаніе о репертуарѣ кобзарей и лирниковъ, что и не входило въ програму, присланную Министерствомъ; но статистическій комитетъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣлъ послѣдующими изученіями. Репертуаръ кобзарей и лирниковъ, дѣйствительно, требуетъ уже особаго изслѣдованія, по особой программѣ, и людьми со спеціальной ученой подготовкой; такая задача, разумѣется, не могла входить въ цѣли министерской программы, разсчитанной всецѣло на выясненіе основныхъ вопросовъ, кому, въ какомъ числѣ и въ чемъ можно оказать «покровительство».

Такъ какъ порученіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, навѣрно, распространено на всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ, то и изданная кіевскимъ статистическимъ комитетомъ книга можетъ послужить пособіемъ относительно распредѣленія матеріала.

Въ 1881 г., по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, на огромное число слѣпыхъ въ кіевской губерніи въ 4221 человѣкъ, занимающихся игрой на лирѣ показано лишь 13. И вотъ, несмотря на признаваемый всѣми упадокъ кобзарства и лирничества, въ 1903 году, по подсчету статистическаго комитета, кобзарей и лирниковъ въ кіевской губерніи оказалось 289. Нужно думать, что кіевская статистика двадцать лѣтъ назадъ сама страдала слѣпотой. Изъ 289 человѣкъ только три кобзаря и 286 лирниковъ. Впрочемъ, эти цифры подлежатъ большому сомнѣнію, такъ какъ лица, собиравшія матеріалъ, повидимому, плохо отличали кобзарей отъ лирниковъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой жизни народной обнаруживается иногда смѣшеніе ихъ. Данныя относительно числа кобзарей въ другихъ губерніяхъ такъ мало заслуживаютъ довѣрія, точнѣе, составлены по такимъ ограниченнымъ раіонамъ и въ такой степени случайно, что нѣтъ никакой возможности строить на нихъ какіе-либо выводы, до новаго разслѣдованія, вродѣ кіевскаго. Такъ, въ харьковской губерніи насчитано всего 32 бандуриста и лирника, но насколько сомнительна эта цифра, видно изъ того, что одинъ лишь И. М. Хоткевичъ въ небольшомъ раіонѣ двухъ уѣздовъ, харьковскомъ и богодуховскомъ, и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ насчиталъ 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Очевидно, что тутъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и обстоятельный опросъ по всей губерніи можетъ дать совсѣмъ неожиданныя цифры. Если кіевскую мѣрку приложить ко всѣмъ

губерніямъ съ малорусскимъ населеніемъ, то выйдетъ около двухъ тысячъ кобзарей и лирниковъ, число не малое, и, слѣдовательно, вполнѣ умѣстно дальнѣйшее настойчивое изученіе ихъ положенія, и вполнѣ были бы умѣстны немедленныя мѣры по части улучшенія ихъ быта, прежде всего учрежденіе безплатной профессіональной школы для усвоенія кобзарства и лирничества, въ лучшихъ мелодіяхъ и съ наилучшими техническими пріемами. Это будетъ со стороны образованнаго общества достойной отплатой бѣднымъ, слѣпымъ народнымъ музыкантамъ за то, что они въ своей несчастной темнотѣ вынесли изъ глубины прошлыхъ временъ преданія и пѣсни, историческія и религіозно-нравственныя, въ значительной степени содѣйствовавшія развитію мягкихъ и гуманныхъ чувствъ въ массѣ безграмотнаго простого народа. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, дававшихъ отвѣты на министерскую программу, замѣчаетъ, что въ глазахъ сельскаго люда лирникъ не простой нищій-попрошайка; онъ прежде всего «несчастный», предназначенный судьбою на служеніе Богу, «благочестивый горемыка», и если у крестьянъ такой гуманный взглядъ, то интеллигенція должна добавить къ нему литературные и историческіе мотивы и поставить этихъ «несчастныхъ» въ возможно лучшія условія жизни, открыть имъ доступъ въ спеціально для нихъ приспособленную музыкальную школу, поднять ихъ вкусъ, улучшить технику ихъ ремесла и облегчить пути для добыванія средствъ въ жизни всѣми возможными для слѣпца способами.

11.

Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго.

Николай Флавицкій, харьковскій писатель начала XIX ст., какъ личность, совсѣмъ неизвѣстенъ. По сохранившимся его рукописямъ видно только, что онъ проживалъ въ селѣ Федоровкѣ и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ богатымъ помѣщикомъ волчанскаго у. А. Я. Донцомъ-Захаржевскимъ. Весьма начитанный въ Священномъ Писаніи, Флавицкій недурно владѣлъ словомъ и съ большимъ усердіемъ писалъ религіозно-нравственныя сочиненія, которыя посвящалъ Донцу-Захаржевскому. Изъ сочиненій Флавицкаго не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ духовному сословію; но произведенія его носятъ вполнѣ духовный характеръ. Въ Харьковское Историко-Филологическое Общество поступило двѣ тетрадки его произведеній, въ разное время, одна въ 1893 году въ собственность, другая въ 1905 г. во временное пользованіе.

Въ 1893 г. покойный харьковскій старожилъ Ив. Ив. Колтуновскій передалъ въ распоряженіе Историко-Филологическаго Общества небольшой сборникъ духовныхъ стихотвореній Николая Флавицкаго 1827 г., посвященный А. Я. Донцу-Захаржевскому. Такъ какъ Колтуновскій лично бывалъ у послѣдняго представителя этого рода, убитаго въ 1871 году, то можно думать, что и сборникъ этотъ полученъ былъ имъ отъ Донца-Захаржевскаго. Рукопись и бумага того времени. На бумагѣ водяной знакъ У. Ф. Л. Н. 1826.

Сборникъ безъ заглавія. Состоитъ онъ изъ 16 незанумерованныхъ страницъ писчей бумаги. На 1 стр., «Андрею Яковлевичу Донецъ-Захаржевскому усерднѣйшее приношеніе», на 2 слѣд. обращеніе: «Благотворитель! Ясли сердца Вашего безъ сомнѣнія пріяли въ себя Слово безначальное, Духа Свободы, Сына Бога живаго, иже и плоть бысть. Поздравляя васъ съ торжественнымъ воспоминаніемъ явленія Искупителя на землѣ нашей, душевно желаю, чтобы вы, непереставая оусществлять вѣру свою добрыми дѣлами во славу Божію, достигли наконецъ въ мѣру

возраста и исполненія Христова!» «25 декабря 1827. Сл. Б.-Бурлукъ Николай Флавицкій».

На первомъ мѣстѣ стоитъ переводъ въ стихахъ первыхъ четырехъ главъ изъ соборнаго посланія св. ап. Іакова къ 12 племенамъ разсѣяннымъ. Какъ извѣстно, посланіе это маленькое, состоитъ всего изъ 5 главъ, и, странно, что Флавицкій оставилъ безъ перевода небольшую пятую главу, заключающую въ себѣ много прекрасныхъ мыслей. Можно думать, что онъ постерегся повторить богатому помѣщику слова апостола: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше тлѣнно, и одежды ваши изъѣдены молью».

Какъ образчикъ перевода возьмемъ первые стихи первой главы:

Возлюбленные! къ вамъ я слово обращаю
И таинство Креста Христова возвѣщаю,
Когда прельщеніямъ судьба подвергнетъ васъ,
Не сокрушайтесь, но радуйтесь въ тотъ часъ
И знайте: ежели приходятъ искушенья
Для испытанія и вѣры, и терпѣнья,
И чтобы васъ плѣнить тщетою благъ земныхъ:
То это для того—чтобъ побѣдить вамъ ихъ;
Чтобъ міра прелесть, исчадія Геенны,
Презрѣли дѣломъ вы и были совершенны!
Но если мудрости не достаетъ кому,
Да проситъ у Творца ее—и дастъ ему;
Онъ просто всѣмъ даетъ, за даръ неупрекая;
Но только съ вѣрою да проситъ, отвергая
Сомнѣнія ума, которыя морскимъ
Подобятся волнамъ, что вѣтры воздымаютъ
И въ то жъ мгновеніе на части разбиваютъ!
Двоякій человѣкъ рабъ суетамъ мірскимъ.
Коль сердце и Творцу и міру раздѣлится:
Какая вѣра въ немъ тогда укоренится?
Не можно быть слугой и міру и Творцу!
Чего желаетъ Сей, другой то отвергаетъ;
Кто міру рабствуетъ, тотъ Бога забываетъ
И нерадитъ служить нѣжнѣйшему Отцу.
Да хвалится же братъ убогій высотою
Души, вознесшейся надъ всею суетою;
Богатый же всегда въ смиреньѣ да живетъ
И помнитъ какъ трава онъ въ мірѣ отцвѣтетъ.

Взойдетъ свѣтило дня, настанетъ зной полдневный,
Засохнетъ на травѣ цвѣтъ, солнцемъ опаленный,
Исчезнетъ красота и съ нею жизнь ея.
Такъ въ предпріятіяхъ богатый увядаетъ,
Когда въ сокровищахъ надежду полагаетъ,
Когда не ищетъ онъ по смерти бытія....

По внѣшней формѣ переводъ довольно хорошъ; слогъ плавный; но мѣстами нереводъ не отличается близостью къ тексту и представляетъ свободную передачу.

Слѣдующія за тѣмъ три небольшихъ оригинальныхъ стихотворенія: «Въ день архистратига Михаила»[1]), сонетъ «Обращеніе Савла» и «Вѣчная истина глаголетъ» («Не собирайте на земли богатства»...) не выходятъ изъ обычнаго шаблона старинныхъ духовныхъ стиховъ семинарскаго издѣлія.

Вторая рукопись, найденная Е. М. Ивановымъ въ архивѣ Задонскихъ, болѣе позднихъ владѣльцевъ Б.-Бурлука, состоитъ изъ 62 перенумерованныхъ страницъ такого же формата и того же почерка, съ хронологической помѣткой—ноября 30 дня 1830 г., съ такимъ предисловіемъ: «Благотворитель! Благотворить—добродѣтель, свойственная душамъ христіанскимъ: быть благодарнымъ—священнѣйшій долгъ облаготвореннаго. Пріймите умственную лепту сію! Посвящая оную вамъ, надѣюсь, что по возможности плачу вамъ долгъ свой. Ахъ нѣтъ! никогда не будетъ въ состояніи заплатить вамъ долга своего облаготворенный вами Николай Флавицкій».

Рукопись носитъ общее заглавіе: «Утреннія и вечернія размышленія грѣшника кающагося»; но такъ какъ эта рукопись начинается съ 4 утра, то нужно думать, что ранѣе были уже «размышленія» на первые три дня. Содержаніе этой рукописи слѣдующее.

Утро четвертое—О Молитвѣ Господней . . . . . стр. 3
Вечеръ четвертый—«Яко овча на закланіе ведеся» . » 19
Утро пятое—«Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ» » 30
Вечеръ пятый—«Боязнь смерти нападе на мя» . . » 39
Утро шестое—«Призови мя въ день скорби» . . » 48
Вечеръ шестый—«На мѣстѣ идѣже полизаша свиніи и псы кровь его» . . . . » 55

Всѣ произеденія прозаическія; послѣ каждаго отмѣчены с. Федоровка, время составленія «размышленія» напр. послѣ «утра пятаго»—«соч. 8 ноября 1830 г. отъ 10 до 12 час. утра, переписывалъ послѣ обѣда»,

[1]) Храмъ въ Бурлукѣ во имя Архистратига Михаила.

и послѣ каждаго отмѣчена погода, напр., послѣ «5 утра» — «при восходѣ солнце показалось на минуту; цѣлый же день пасмурно». Всѣ «размышленія» духовны до крайности, безъ малѣйшаго отраженія народнаго быта, личныхъ отношеній или внѣшней природы, одни разглагольствованія, скучныя и сухія, мѣстами аскетически суровыя. Авторъ обличаетъ грѣшниковъ вообще и щедро разсыпаетъ угрозы смерти и ада.

Не прибѣгая къ изданію «размышленій» Флавицкаго, отмѣтимъ для общаго знакомства съ ихъ стилемъ и характеромъ два—три мѣста. Достаточно сказать, что первое и главное «размышленіе» о Молитвѣ Господней начинается такой тирадой: «Богъ, Творецъ безчисленныхъ міровъ, въ солнцѣ полагаяй селенія своя, создавый небо и основавый землю, Владыка видимыхъ и невидимыхъ, маніемъ вращающій вселенную, Тотъ, въ десницѣ Коего ключи ада и смерти, Безначальный, Безконечный, Премудрый, Всемогущій, Правосудный, Милосердный Богъ, Отецъ Сына возлюбленнаго, Спасителя нашего, прежде всѣхъ вѣкъ отъ него рожденнаго, по непостижимому человѣколюбію своему, благоволилъ повелѣть и намъ, червямъ пресмыкающимся, праху и пеплу, преступникамъ Закона Любви, грѣшникамъ, недостойнымъ помилованія его, именовать себя Отцомъ. Со страхомъ и трепетомъ, яко рабъ неключимый, во прахѣ, яко сынъ праха, поверженный едва смѣю возвести очи мои на небо и отверзти скверная и нечистая уста мои для воззванія къ Тебѣ: «Отче нашъ!»...

Такое крѣпостнически-холопское отношеніе къ Божеству проходитъ черезъ всѣ размышленія Флавицкаго. «Воля человѣческая есть источникъ зла»... «Человѣкъ съ перваго мгновенія бытія своего презирается Богомъ»... Во многихъ мѣстахъ обнаруживается осужденіе богачей, но въ самыхъ общихъ формахъ, что не мѣшало искать «благотворителей» и пользоваться подачками современныхъ помѣщиковъ. «Роскошные Сарданапалы» охотно принимали именинныя и праздничныя литературныя приношенія. Любопытно, какъ подгонялись эти приношенія. Относительно А. Я. Донца-Захаржевскаго, напримѣръ, извѣстно, что онъ торжественно справлялъ дни Пасхи, Рождества Христова и день своего ангела—30 ноября, и посвященія Флавицкаго относятся—одно къ 25 декабря, другое къ 30 ноября. Относительно личности А. Я. Донца-Захаржевскаго находятся весьма интересныя сообщенія въ IV т. «Истор. стат. опис. Харьк. епархіи Филарета» (309—314). Особенности его личнаго характера въ значительной степени объясняютъ появленіе «размышленій» Флавицкаго.

«Въ числѣ прихожанъ, говоритъ арх. Филаретъ, весьма замѣчательнымъ лицомъ и притомъ въ христіанскомъ отношеніи былъ создатель

храма (въ честь арх. Михаила) Андрей Яковлевичъ Захаржевскій... Въ дѣтствѣ лишенъ матери, Андрей Яковлевичъ воспитывался въ домѣ родственниковъ. Еще въ дѣтствѣ Андрей Яковлевичъ отличался особенной добротою, кроткимъ и чувствительнымъ сердцемъ. Слабый здоровьемъ, онъ не обнаруживалъ въ себѣ блистательныхъ дарованій, не отличался и ловкостью въ обращеніяхъ, такъ высоко цѣнимой въ свѣтскомъ быту. При слабомъ здоровьи онъ недолго служилъ въ военной службѣ, и оставилъ ее въ чинѣ ротмистра. Кромѣ нездоровья заставила его выйти въ отставку преимущественно болѣзнь отца, который отъ паралича лишился употребленія языка, рукъ и ногъ... Но сколько сынъ былъ нѣженъ къ больному отцу, столько отецъ не оказывалъ ласки сыну... Онъ заставлялъ его довольствоваться тѣмъ, что давалъ ему на содержаніе управляющій, изъ крестьянъ, человѣкъ жестокій»... По смерти отца въ 1801 г., Андрей Яковлевичъ взялъ управленіе въ свои руки. Онъ женился, но черезъ 11 лѣтъ овдовѣлъ, вскорѣ потерялъ любимаго брата Владиміра. «Потеря доброй супруги сильно подѣйствовала на кроткую душу Андрея Яковлевича; онъ сталъ болѣе прежняго усерденъ къ храму Божіему, и суетность всего земного еще живѣе стала представляться душѣ. А смерть любимаго брата и друга Владиміра († 1824 г.) произвела еще болѣе рѣшительную перемѣну въ душѣ его. Съ этого времени онъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ. Въ это время онъ рѣшилъ построить храмъ Богу и построилъ храмъ, достойный Его имени. Ни съ кѣмъ изъ мастеровыхъ онъ не дѣлалъ торга: я строю храмъ для Бога; бери, чего стоитъ трудъ твой, только дѣлай дѣло по совѣсти для того же Бога. Когда храмъ былъ конченъ, многіе спрашивали о его стоимости. Онъ отвѣчалъ: съ Господомъ не велъ я счета, а желалъ только одного, чтобы ему была пріятна моя жертва. Андрей Яковлевичъ веселился иногда съ другими. Особенно дни Рождества Христова, Пасхи и день своего ангела онъ проводилъ весело: званный и незванный тогда были его гостями». Въ эти дни Донецъ-Захаржевскій оказывалъ разныя благотворенія, помогалъ должникамъ, бѣднымъ и т. д. Арх. Филаретъ приводитъ нѣсколько случаевъ его щедрой благотворительности. Андрей Яковлевичъ Донецъ-Захаржевскій скончался въ 1841 году.

Сочиненія Флавицкаго, стало быть, приходятся ко времени наибольшаго развитія въ Донцѣ-Захаржевскомъ его религіознаго настроенія, по смерти жены и брата.

12.

Бесѣды неизвѣстнаго южнорусскаго сельскаго священника 1823 г.

Въ 1885 г. въ харьковское историко-филологическое Общество для временнаго пользованія была доставлена Л. С. Мацѣевичемъ рукопись «Бесѣдъ» малорусскаго священпика 1823 г. Въ свое время эта рукопись не была использована и возвращена была Л. С. Мацѣевичу по принадлежности. Всѣхъ бесѣдъ 17; изъ пихъ 7 было мной переписано, и эти 7 словъ положены въ основу настоящей статьи. Очень скромныя на первый взглядъ эти бесѣды оказываются весьма интересными при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Передъ нами явленіе въ высокой степени симпатичное: простой сельскій священникъ обращается съ простыми словами поученія и любви къ своимъ прихожанамъ на родномъ ихъ украинскомъ языкѣ, и что еще болѣе симпатично, этотъ скромный, неизвѣстный даже по имени служитель алтаря выступаетъ откровеннымъ и прямымъ сторонникомъ свободы совѣсти, другомъ просвѣщенія и проповѣдникомъ добра.

Въ ясной, общедоступной формѣ, живо, задушевно и убѣжденно добрый пастырь объясняетъ въ бесѣдахъ символъ вѣры, таинства и заповѣди Моисея; бесѣды въ произношеніи занимаютъ каждая около получаса времени. Религіозные мотивы въ «Бесѣдахъ» тѣсно переплетаются съ мотивами бытовыми, при чемъ въ вопросахъ религіозныхъ авторъ обнаруживаетъ большую независимость и свободу сужденія. Характерно, напримѣръ, то мѣсто въ 14-ый бесѣдѣ, гдѣ авторъ, объясняя первую заповѣдь—«да не будутъ тебѣ иные бози», проводитъ различіе въ почитаніи Бога, пр. Богородицы и святыхъ. «Первая заповѣдь Божія требуетъ, чтобы человѣкъ возлюбилъ Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ. Эта заповѣдь научае и приказуе намъ на единаго Господа Бога Творца и Создателя нашего всю надию въ житіи своемъ покладати, его единаго бояться и его единаго якъ тильно можно наибильше поважати, чтити и

шановати, ему единому молитися и отъ милосердія и отъ щедрости его всякои ласки и всякаго добра просити, надѣятися и чекати. Но вы христіане православные! запитайте мене, коли единому Господу Богу нашему Іисусу Христу треба тилько молитися, то нащо мы молимся до пресвятой и пречистой дѣвы Маріи и до святыхъ? На що ихъ шануемъ и праздники поважаемъ? отповѣдаю такъ вамъ на сіе запитанье: Пресвятая пречистая Дѣва Марія есть такая Дѣва, которая своимъ смиреніемъ, своею чистотою, своею святостію и всѣми добродѣтелями своими, такъ далеко перевисила всѣхъ людей, що Господь Богъ назначилъ ей родити Единороднаго Сына Его, Спасителя всему міру Іисуса Христа, котораго она родивши стала Матерію Божіею непрестанно молитъ сына своего и Бога нашего Господа Іисуса Христа о насъ грѣшныхъ и святыми молитвами заступается и покрываетъ насъ отъ всякихъ на свѣтѣ бѣдъ и несчастій и готовитъ намъ легчайшій доступъ до царствія небеснаго: то потому-то мы пресвятую пречистую Дѣву Марію, яко Матерь Божію, яко Премилостивую Заступницу и Покровительницу нашу и повинни чтити и поважати, и таковыми выше всѣхъ святыхъ и до ней молитися еднаково, не такъ якъ до самаго Бога, бо Господь Богъ самъ въ тимъ першимъ приказаніи своемъ говоритъ: да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене, немай иншихъ боговъ опричь мене; повинни мы и до святыхъ молитися, ихъ шанувати, праздники чтити, праздновати и поважати, но трохи менше, якъ молимся, якъ шануемъ и поважаемъ Господа Бога нашего Іисуса Христа ради того, що святіи не суть Богъ, а тилько добріи слуги Божіи, слуги такіе, которые святымъ добродѣтельнымъ и щастливымъ житіемъ на землѣ догодили Господу Богу такъ, что Господь Богъ, принявши ихъ съ великою радостію до царствія небеснаго, допустилъ ихъ дуже близко до небеснаго своего трону и даровалъ имъ ласку свою, щобъ воны завше смѣло молилися до него и просили его о тихъ жившихъ на землѣ людяхъ, которые шануючи ихъ дни и поважаючи праздники ихъ будутъ съ своими молитвами удаватися и черезъ нихъ шукати и просити у Господа Бога ласки и спасенія душамъ нашимъ. Для того грѣшатъ противъ першей заповѣди Божіей тѣ люди, которые думаютъ, що святыхъ Божіихъ такъ треба шановати, поважати и такъ треба бояться, якъ самого Господа Бога, що ихъ праздники такъ шановне праздновати треба, якъ и праздники Господа Бога нашего Іисуса Христа, що имъ равно треба кланятися и молитися, якъ и самому Господу Богу. Но се грѣхъ противъ первой заповѣди Божіей не стилько еще важный и великій, уважайте лишь далый кто-то грѣшитъ? Якіи люди! якъ сильно и страшно грѣшать противъ першой заповѣди Божіей,

гдѣ Господь Самъ о себѣ говоритъ: Азъ есть Господь Богъ твой и мощно приказуе, да не будутъ тебе бози иніи развѣ мене; кто-же и якіи люди грѣшатъ противъ сей заповѣди Господней? Грѣшатъ противъ першой заповѣди Божіей перше тыи люди, которые Господа Бога не знаютъ и знати Его не хотятъ, которые во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли не вѣруютъ, и вѣрить не хотятъ, коротко сказать, грѣшатъ противъ сей заповѣди святой Божіей всѣ невѣрніи и безбожіи люди, друге грѣшатъ также, якъ безбожники и невѣрніи, або еще гирше грѣшатъ волшебники, колдуны, шепотники, заславщики, ворожбыти, знахари, грѣшатъ страшно тыи всѣ, що шепчутъ и будто отшепчуютъ яки хороби, и замовляютъ кровь, що дивлятся на мисяцъ, па звѣзди, на руки и будто угадаютъ чіе нибудь счастіе, або несчастіе, що ворожатъ чимъ небудь, що закручуютъ во пашнямъ закрутки, будто на чію голову, и на чіесь зло. Всѣ волшебства, всѣ колдувьства, всѣ шепти, замовки, ворожбы, знахурства выдуманы въ пеклѣ. Сатана велѣлъ своимъ пекельнымъ слугамъ діаволамъ вынести ихъ изъ пекла, рознести по земли и научити ихъ дьявольскимъ шептамъ, ворожбамъ, знахурствамъ тѣхъ людей, которые отстанутъ отъ Господа Бога и Творца своего и пристанутъ до нихъ, ихъ слухаютъ и пріймуютъ ихъ пекельную науку. Для того то всѣ волшебники, колдуны, знахари, замовщики, ворожбити и шептуны и грѣшатъ противъ сей заповѣди Божіей предъ Господомъ Богомъ».

Развивая въ 15 «Бесѣдѣ» мысль о грѣховности колдовства и знахарства, авторъ касается важнаго пункта — общественной полезности знахарей и рѣшаетъ его такъ: «Знайте, православные христіане, що якъ грѣшатъ волшебники, колдуны, чародѣи, ворожки, шептухи, знахари и замовщики, такъ равно грѣшатъ и тыи, що вдаются до нихъ. Знаю, що вы мене можете сказати, що удаваться до ворожокъ, до знахаривъ, до шептухъ заставляе человѣка иногда великая бѣда и остатная нужда. Скажите мепе до кого бѣдному человѣковѣ на семъ, коли захоруе, або самъ, або жинка, або дитинка, вдатися, якъ не до бабы, котора умѣетъ шептать добре, и замовляти и разными способами людямъ помогати? кого спитати, коли трафится яка пропажа? або яке буде счастье, якъ не ворожки? хто може на полѣ въ пашнѣ выкрутить закрутку, або въ други, яки при господарствѣ бѣдѣ порадити и запобѣгти злому, якъ не знахуръ? а я вамъ скажу, чимъ бильшая бѣда и несчастіе трафится человѣковѣ, тѣмъ скорѣе винъ повиненъ удаватися и прибѣгати до Господа Бога, чи трафится тебѣ, або женѣ твоей и дѣтитѣ захоровати прибѣгай на самой передъ и якъ можно скорѣйше, до того, кто

болѣзни творитъ и паки возставляетъ. Прибѣгай и вдавайся до Господа Бога всемогущаго, або другія яке несчастіе или бѣда приключится тебѣ прибѣгай заразъ до его-же Милосердія, до Его-же Пресвятой Ласки».

Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчательную попытку противоставленія научной медицины суевѣрному знахарству и, какъ бы въ предчувствіи будущей земской работы, относится къ медицинѣ съ большой похвалой: «Коли грѣхъ удаватися въ болѣзняхъ и хоробахъ до бабъ знахурокъ, то може грѣхъ удаватися и до докторовъ? ни до докторовъ не тилько не грѣхъ удаватися, но и самъ Господь Богъ приказуе до нихъ удаватися, послухайте що слово Божее повѣдае о докторахъ: почитайте врача противу потребъ честію его, ибо Господь созда его, отъ вышняго бо есть исцѣленіе. Господь созда отъ земли врачеваніе, то есть шануй доктора, бо его Господь Богъ создалъ и докторомъ Господь Богъ выкуруе тебе отъ болѣзни. Такъ бачите чего не грѣхъ въ болѣзняхъ удаватися до докторовъ, для того Господь Богъ и докторивъ создавъ и повелѣвъ землѣ родити такія травы и зелія, съ которыхъ доктора лѣкарства роблятъ и хорихъ ними лѣчатъ и курують».

«Еще вы можете мене сказати, що хоть и грихъ до бабъ и знахуривъ удаватися, але треба ихъ боятися, боятися треба для того, що воны знаются съ сатаною и съ его бѣсами, то можутъ шкодити людямъ. Я вамъ отповѣдаю, що ныже мало нетреба бабъ и знахуривъ боятися, хоть то було и правда, що воны съ бисами знаются. Нетреба говорю боятися, для того що сатана со всѣми своими такъ лютый, що радъ бы за однимъ разомъ весь народъ крещеный пожерти, однако винъ не може ни одному христіаниновѣ ни на волосъ ни якого зла зробыти, да не тилько христіаниновѣ, або каждому человѣковѣ, но каждой скотинѣ не можетъ зробыти зла... Правда що сатана и бѣсы могутъ людямъ зло робити, але тогда, коли Господь Богъ дозволитъ и допуститъ. Коли же Господь Богъ дозволяе и допускае? тогди коли люди не тилько перестаютъ Господа Бога шановать, и любить, и боятися, но и забуваютъ Его, тогди коли хоть молятся, хоть говорятъ Отче нашъ иже еси на небесехъ и Вѣрую во единаго Бога отца вседержителя, но не щире молятся и неправду говорятъ, бо воны боятся и вѣруютъ въ колдуны бильше, ворожекъ, шептухъ, знахуривъ, видьмамъ, упиривъ, волкуловъ, якъ во едина Бога Отца вседержителя. Тогди Господь Богъ позволяе и допускае, щобъ бѣсы зло и пакости робили людямъ».

Въ 16 «Бесѣдѣ» осуждаются народныя повѣрья о дурныхъ встрѣчахъ: «послухайте приччу. Есть люди, которые и думаютъ и вѣрятъ, що коли воны якую нибудь вещъ, то есть, або яку траву, або зелье яке, або

камишикъ якій, або другій якій крутецъ, або кусочекъ дерева будутъ завше коло себе носити, то съ ними ниякого зла, ниякого нисчастія не може трафится. Есть люди що уважаютъ, чи кто зъ повнымъ ведромъ, чи съ порожнимъ ведромъ переходитъ имъ дорогу, чи пипъ, чи жидъ ихъ встрѣчае и коли имъ кто переходитъ дорогу съ повнымъ, або жидъ ихъ встрѣчае на дорогѣ, то пріймаютъ се за знакъ добрый и вѣрятъ що имъ дорога будетъ счастлива, а коли имъ кто перейде дорогу съ порожнимъ и встрѣне на дорогѣ священника, то маютъ сее за злый знакъ и вѣрятъ, що уже счастья и удачи небуде и потому иногда вертаются назадъ и откладываютъ дорогу и дѣло до другого часу. Есть люди, которые разбираютъ дни и вѣрятъ, що такій-то день счастливый, а такій-то несчастливый, въ такій день можно яке нибудь дѣло зачинати, або въ дорогу выѣзжати, а въ такій не можно. Есть люди, которые снамъ своимъ такъ вѣрятъ, якъ Божьему Ангеловѣ. Все сіе и подобное до сего повымышливъ сатана, и люди, котори такихъ сатанинскихъ вымысливъ причисляются, ихъ обсервуютъ и имъ вѣрятъ называются суевѣрами. А суевѣръ и безбожникъ все одно, безбожникъ ниже малѣйше не вѣритъ у Господа Бога, а суевѣръ хотя вѣритъ, но пустая, никчемная, або лучше сказать мертва его вѣра. Для того що винъ пріймаючи и вѣруючи, якобы до него не допуститъ, ни якого зла и несчастія якого, якая нибудь пустая и ничего невартая вещь, не вѣритъ уже и не пріймае премудраго Божьяго промысла, то есть пресвятой и премилосердной опеки Божьей надъ всѣмъ міромъ, а найбильше опеки о человѣковѣ христіанинովѣ и бильше вѣритъ въ никчемную вещь, нижъ въ всемогущаго Бога, и потому и вѣра его никчемна, мертва вѣра такая, которая ничего ему до спасенія не поможе и съ такою вѣрою человѣкъ передъ Господомъ Богомъ все равно, якъ безбожный и невѣрный. Мы знаемъ, якъ христіане, що Господь Богъ Творецъ Спаситель и благодѣтель нашъ повсюди снаходится и завше съ нами есть».

Лучшимъ украшеніемъ «Бесѣдъ» является широкая вѣротерпимость автора. Въ 16 «Бесѣдѣ» онъ говоритъ: «Итакъ повинни мы всякаго человѣка любить, не разбираючи чи такой винъ вѣры якъ мы, чи иншой. Чи мае винъ яку вѣру, чи не мае жадной, бо нашъ Господь Богъ приказавъ любити ближняго своего, а не разбирати якій кто вѣры? но схоче кто? Якъ менѣ любити такого человѣка, который не одной со мною вѣры, зо мною не молится и зо мною не ходитъ разомъ въ церковь? А такому отповѣдаю, що не разбирай, кто какой вѣры, а люби подобнаго тебѣ человѣка. Не твое дѣло думати о вѣрѣ того человѣка, котораго ты повиненъ любити, а дѣло Господне. Господь Богъ одинъ разбираетъ вѣру

каждаго человѣка найлѣпше, и коли еретики и раскольники въ вѣрѣ своей грѣшатъ, то грѣшатъ не передъ людьми, а передъ Господомъ Богомъ и который ихъ може и що захоче съ ними робити, а ты коли бачишъ и знаешъ, що воны грѣшатъ, повиненъ Господу Богу молитися, щобъ Господь Богъ показавъ имъ правдивый свѣтъ Святаго Евангелія Своего и настановивъ ихъ на правую дорогу въ вѣрѣ. Такъ святая православная церковь наша приказуе намъ, чадамъ своимъ, молитися и сами молимся, яко чуете завше коли священникъ говоритъ: о мирѣ всего міра, о благостоянія святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся, що значитъ: помилуй Господи, дай Господи міровѣ твоему, тишину и спокойствіе, утверди Господи святыя твои церкви и всѣ церкви соедини, щобъ воны пресвятое имя твое величали, славили и хвалили во единомысліи, любви и согласіи, такъ якъ подобае. Грѣшатъ дуже тѣ люди предъ Богомъ, которые видячи человѣка другой, якъ воны вѣры, цураются его, гнѣваются, ненавидятъ и кривдятъ его, да еще думаютъ, що воны цимъ роблятъ Господу Богу не малую прислугу; правда, що прислуга велика, але сатанѣ, а не Господу Богу, бо Господь Богъ приказуе любити и ворогивъ своихъ, а сатана и брата на брата вооружае. Колибъ Господь Богъ не схотивъ, щобъ другихъ вѣръ не було, якъ тилько одна, то однимъ своимъ словомъ мигъ въ одинъ мигъ всѣ вѣры истребити, а оставить одну, якъ-бы ему подобалось, а коли Господь Богъ разныя вѣры пріймае на земли, то людямъ що до того? Хиба воны хотятъ бути мудрѣйшими отъ Бога».

Чтобы ознакомиться съ практическимъ гуманизмомъ автора, трезвостью его взглядовъ и доступностью языка приведемъ въ цѣлости одну его «Бесѣду», именно 12-ю о бракѣ: «Сказавши вамъ уже, православные христіане, якъ мнѣ Господь Богъ допомогъ сказати, о пятомъ сокраментѣ, о крещеніи, о миропомазаніи, о причастіи, о сповѣди, о священствѣ, хочу сказати и о шестомъ сокраментѣ о бракѣ, или прошу-же васъ возлюбленные! Слухайте и уважайте, що вы якъ люди христіане повинны знати о малженствѣ, повинни знати то, що сей сокраментъ малженство самъ Господь Богъ установилъ. Колижъ его установивъ? тогди якъ только создавъ першихъ на свѣтѣ двоихъ людей Адама и Еву и поблагословивши ихъ сказавъ имъ: плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю, якъ и Святее Боже Писмо оповѣдае намъ, и сотвори Богъ человѣка пообразу Божію, сотвори его, мужа и жену, сотвори ихъ и благослови ихъ Богъ глагола, раститися и множитеся и наполняйте землю. Сими словами установилъ Господь Богъ сокраментъ малженьство. А для чего сокраментъ сей установивъ, то мы можемъ познати сее изъ тѣхъ Господа Бога словъ,

що винъ сказавъ раститеся и множитеся, и наполняйте землю, то есть Господь Богъ малженьство установивъ для размноженія рода людскаго и не просто для размноженія, но щобъ люди размножуючись славили, хвалили, и благодарили Господа Бога Творца своего за те, що винъ ихъ создавъ, подаривъ ихъ всякими благодѣтельствами и ласками своими, то слушайте якими благодѣтелъствами одаривъ Господь Богъ людей своихъ создавши ихъ.

Найпершее и найбольшее благодѣтельство для людей есть то, що Господь Богъ сотворивъ ихъ на образъ и подобіе свое, то есть тѣло Адамове зробивши изъ земли, а Евине изъ ребра Адамоваго, даровавъ имъ душу безсмертную, святую, чистую, праведную и безгрѣшную и давъ имъ разумъ, волю и память. А другое благодѣтельство то, що якъ сказавъ имъ Господь Богъ раститеся и множитеся и наполняйте землю, то прибавивъ еще то и господствуйте ею и обладайте рыбами морскими и звѣрями, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающими на землѣ. И рече Господь: се дахъ вамъ всяку траву сѣменную, сѣющую сѣмя еже есть верху земли всея; и всякое дерево еже имать въ себе плодъ сѣмянне сѣяннаго вамъ будетъ въ снѣдь, то есть сказавъ Господь Богъ раститеся и множитеся и наполняйте землю и будете господами и панами надъ всѣми рыбами водными, надъ звѣрями, надъ птицами небесными, надъ скотами, надъ всѣми гадами земными, словомъ будете господами и панами насъ всею землею, и даю вамъ всякій плодъ земной и древесный и все що родитъ земля въ покормъ. За такіи милости и благодѣтельства чи не повинны люди Господа Бога и Творца своего славити, хвалити и благодарити и размножатися на землѣ, а бильше всего памятуючи, на то неисповѣданное благодѣтельство, которое Господь Богъ правовѣрнымъ и добродѣтельнымъ христіанамъ даруетъ по смерти въ царствіи Своемъ небесномъ. А щобъ размножающіеся люди одни по другихъ Господа Бога и Творца своего добре знали и Его за все славили, хвалили и благодарили, то мужъ и жена, яко родители, повинны дѣтей своихъ научати, щобы воны знали Господа Бога и Творца Своего, щобъ его найбильше шановали, щобъ отъ всего сердца своего любили и боялись Его, щобъ Законъ Божій, Десятеро Боже приказане знали и жаловали. Повинни родители дѣтей своихъ научати Господу Богу молитися, повинни ихъ изъ малешня водить въ церковь Божію и наказывати, щобъ воны въ церквѣ стояли, со страхомъ Божіимъ, щобъ съ набожностію слухали службы Божіи и той науки, котору священникъ каже для збудуваньня и пожитку душъ, коротко сказать повинностью родительскою есть пильнее наше стараніе, щобъ дѣти були якъ выростутъ людьми

добрыми, честными, счастливыми, богобоязливыми, набожными, словомъ щобъ були правдивыми христіанами, то будутъ по смерти въ царствіи небесномъ вѣчно счастливыми.

Для сего то, православные христіане, Господь Богъ установилъ сокраментъ малженьство. Но що вамъ треба знати при малженьствѣ уважайте. *Перше* тѣмъ що забираются малженьства молодецъ повиненъ мати отъ роду не менше пятнадцати лѣтъ, а дѣвчина не менше тринадцати, хотябы менше сихъ лѣтъ мавъ того святая церковь непозволяетъ вѣнчати, а коли святая церковь не позволяетъ, то значитъ, що не позволивъ сего глава церкви Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, также святая церковь и такого шлюбу даваты, гдѣ дѣвчина значне старше лѣтами отъ молодца непозволяе. *Друге* тыи особы, що забираются до малженьства, повинны умѣти Богу молитися, повинни умѣти Отче нашъ, Богородице Дѣво, Вѣрую во единаго Бога и другія христіанскія молитвы, также неотмѣнно повинни знати Десятеро Божіе приказаніе, бо коли воны хотятъ вступитъ въ малженьство, для чого щобъ бути родителями, то повинни знати родительскія повинности, которыя потребуютъ отъ нихъ, щобъ воны дѣтей, якихъ Господь Богъ имъ дастъ, могли учинити добрыми людьми и праведными христіанами, а также стыдъ имъ будетъ передъ людьми и грѣхъ великій передъ Богомъ. *Третье* тои особы, що забираются до малженьства, повинни забираться до него добровольно безъ жаднаго примуса; грѣхъ великій тому, кто нехотящаго примушае до малженьства. Церковь святая того шлюбу, до котораго, хотя одна особа приступая не подоброй воли, а спримусу, не дозволяе давати и благословити, а приказуе, щобъ священникъ, якъ тилько молодые, прійдутъ до шлюбу, спитався ихъ напередъ, чи воны доброю своею волей и безъ жаднаго примусу хотятъ брати шлюбъ. Для того-то священникъ заразъ, якъ станутъ до винца и говоритъ до молодого: имаши ли благое и непринужденное произволеніе и крѣпкую мысль пояти себе въ жену сію еже здѣсь предъ собою видиши и необѣщался ли еси иной невѣстѣ, то есть маешь-ли ты добрую и власную безъ жаднаго примусу волю и мощную мысль взяти себѣ за жену свою, що передъ собою бачишь? Чи не дававъ слова другѣ? Сими словами пытается и молодой, а коли священникъ дае шлюбъ такимъ особамъ, що не по своей доброй воли пришли до шлюбу, або хоть одна особа не по доброй воли пришла до шлюбу, а съ примусомъ, то дуже гришитъ передъ Богомъ. *Четвертое.* Якъ до малженьства забираются люди взрослыи то повинни розумѣти силу сего сокрамента и важность, котора потребуетъ того, щобъ молодыи приходили до шлюбу въ трезвости, ничего неѣвши и не пивши

и съ набожностью слухалы, якъ слуга Божій священникъ проситъ и молитъ объ нихъ Господа Бога, щобъ даровавъ имъ Господь Богъ доброе здоровье и довгій вѣкъ, щобъ благословивъ ихъ любовію, согласіемъ, миромъ, чадородіемъ и всѣмъ добромъ, и сами тутже повинни молитися со слезами Господу Богу милосердному. *Пятое.* Добрыя дѣти забираются до малженьства, съ воли и согласія своихъ родителей, бо зналибъ, кто вступая малженьство безъ воли родителей, то Господь Богъ такого малженьства пресвятою ласкою своею неблагословляе и такое малженьство частѣйше бувае несчастнымъ и недолговѣчно, для того-то дѣти повинни за все до малженьства собираются съ воли своихъ родителей, а родители въ добрѣ волѣ дѣтей не повинниніякой перешкоды имиты, хибабъ мали до того дуже яку важную причину. Также повинни якъ дѣти, которыя забираются до малженьства, такъ и родители ихъ добре уважати и подумати, чи нема якой перешкоды по кровенству, або по кумовству и коли знайдуть якея близке покровинство, або кумовство, то повинни уклониться отъ такого малженьства, да и церковь святая не позволяе въ покровинствѣ, або кумовствѣ вѣнчати, хоть бы особы хотѣли и просили. *Шесте.* Коли уже благословивъ Господь Богъ черезъ своего слугу священника шлюбомъ, то повинни мужъ жену, а жена мужа любити, ажъ до самой смерти жити согласно и тихомирно, одно другому въ трудахъ и работахъ помогати, одно другого жалѣти, межъ собою не гнѣваться и не злится, одно другого непокидати, бо въ малженьствѣ найбольшее передъ Богомъ есть грѣхъ, коли одно другого покидаетъ и безъ вести иде. Грѣхъ тому кто, що другаго кидае, такой ламае и нарушае данный въ церкви, передъ лицемъ Бога всемогущаго, обѣтъ и слово особѣ, съ котораго взялъ шлюбъ, и тѣмъ противъ воли Божіей беззаконнымъ способомъ разрывае самъ собою и въ нивичь ставитъ шлюбъ Богомъ благословенный, та и особу, которую кидае кривдитъ и якъ тая особа, що утекае, грѣшить, такъ дае поводъ до грѣха, и той особѣ, которую покидае, а щожъ уже говорить о тимъ, коли мужъ покинувши жену, та женится на другій, а жена покинувши мужа та виходитъ за другого, чи можно такій шлюбъ сняти за шлюбъ? нѣ се не шлюбъ, се ненавистный Богу грѣхъ, се мерзкое прелюбодѣйство, за которое Господь Богъ по смерти прелюбодѣевъ укоряе вѣчными пекельными муками. Но скаже мужъ, якъ не покинути жени, коли вона зла, коли вона недобра, коли вона ледащо, коли изъ нею не можно жаднымъ способомъ ужити, я отвѣдаю такому мужу, що якабъ жена небула, повиненъ знею жити, повиненъ все терпѣти, а не кидати, треба знати, що мужу жена, а женѣ мужъ отъ Бога назначается и дается. Годенъ въ Бога той мужъ

и счастливый, коли ему Господь Богъ даетъ жену добрую, смирную, трудолюбивую, вѣрную, цнотливую, также и жена счастлива, коли мае такого мужа, за сее якъ набильшую въ свѣтѣ ласку, повиненъ якъ мужъ, такъ и жена Господа Бога славить, хвалить и благодарить, чили дякувати, но колижъ Господь Богъ дае мужу жену злую, або женѣ мужа злого, то повинны знати, що такою женою, або такимъ мужемъ Господь за щось карае ихъ на симъ свѣтѣ и коли съ благодареніемъ Господу Богу перетерпить все мужъ, або жена, то Господь Богъ на тимъ свѣтѣ по смерти мужа, або жены, даруетъ въ царствіи небесномъ животъ вѣчный. Напослѣдокъ знайте христіане православные, що святая православная церковь позволяетъ тилько благословити шлюбъ першій, другій, а когда и третій, но четвертаго жаднымъ способомъ не позволяе давати и благославляти; четвертаго шлюбу въ православной церкви уже нема, а потому ежели-бъ кому по воли Господней три жены, або женѣ три мужа умерши, то четвертаго шлюба имѣти грѣхъ. Боже премилосердный, храни насъ отъ сего такъ и ото всѣхъ грѣховъ. Аминь».

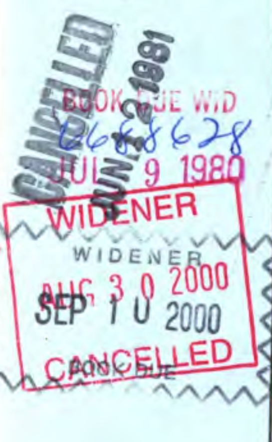
Авторъ входитъ въ нужды своихъ слушателей, стремится посвятить ихъ въ церковныя правила о бракѣ, укрѣпить въ общественномъ сознаніи связанныя съ бракомъ нравственныя обязанности.

Духъ живой и творческой христіанской добродѣтели проникаетъ всѣ «Бесѣды», и въ концѣ 16-ой «Бесѣды» авторъ прямо говоритъ, что Богу угодно не только знаніе людьми Его заповѣдей, а исполненіе ихъ въ жизни. «Не тыи люди праведны передъ Богомъ, що чуютъ и знаютъ Законъ Божій; но Господь Богъ тыхъ и оправдае и спасе, котори роблятъ такъ, якъ Святый Законъ приказуе»...

Если сравнить неизвѣстнаго автора «Бесѣдъ» съ Флавицкимъ, а по времени «Размышленія» послѣдняго близко стоятъ къ «Бесѣдамъ», то на сторонѣ неизвѣстнаго автора окажутся многія преимущества—отзывчивость на потребности общества, гуманное отношеніе къ людямъ, подкупающая искренность и простота. Тутъ не было поблизости знатнаго и богатаго «благотворителя», нѣтъ и тѣни угодливости, тутъ одно открытое, доброе сердце, отзывчивое, чуткое, правдивое.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

3 2044 015 597 891

CANCELLED
BOOK DUE WID
JUL 9 1980
068628
JUN 2 1981
WIDENER
WIDENER
AUG 3 0 2000
SEP 1 0 2000
CANCELLED
BOOK DUE

